

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Ульяна Черкасова

СОВИНАЯ БАШНЯ

Прошлое
должно
сгореть

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

Ульяна Черкасова

Золотые земли. Совиная башня

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасова У.

Золотые земли. Совиная башня / У. Черкасова — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки)

ISBN 978-5-04-163901-3

Долгожданное продолжение трилогии «Золотые земли» от Ульяны Черкасовой! Первая книга цикла «Сокол и Ворон» завоевала любовь читателей. Тёмное эпическое фэнтези со славянским колоритом покорило аудиторию. Дара, Милош, Вячко и Ежи вновь готовы взглянуть судьбе в лицо... А в Золотых землях наступает зима. Расширяем географию: карты на форзаце будут охватывать все большую территорию Золотых земель. Богиня-пряха сплетает нити судеб в тугой узел. Одна нить — для лесной ведьмы, отвергающей свою судьбу. В городе без чар Даре так же опасно, как и в Великом лесу, но это единственное место, где она может укрыться от древних богов. Вторая нить — для чародея, который пытается судьбу обмануть. Милош одержим желанием мести, но ненависть разрушает его самого. Третья нить — для княжича, который своей судьбы боится. Потеряв любимую, Вячко пытается найти новую цель в жизни, но, возможно, она всегда была ему известна. Четвертая нить — для слуги, который судьбе повинуется. И именно его, Ежи, боги выбрали, чтобы раскрыть тайны, которые таит Совиная башня. Колесо прялки делает оборот, богиня-пряха крепко держит нити. Любую из них она может легко оборвать. Колесо прялки делает оборот за оборотом, богиня-пряха крепко держит нити. Любую из них она может легко оборвать. Эпический размах тёмного фэнтези, по достоинству оцененный Натальей О'Шей (Хелависа), лидером группы «Мельница», не оставит равнодушными: «Вторая часть "Золотых земель" превосходно раскрывает сюжетные арки, заложенные в первой, и ставит перед читателем новые загадки. Сказка становится всё темнее, а персонажи растут. Отсылки к фольклорным тропам радуют сердце филолога — чего стоит задача избавить от жажды кого-то, прикованного цепями в колдовском подземелье. Читаем внимательно, переживаем за героев и, конечно, ждём продолжения».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163901-3

© Черкасова У., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	8
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ульяна Черкасова

Золотые земли

Совиная башня

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Черкасова У., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Пролог

*Ваш час сыдзе навечна.
Змые крывёю пачвар¹.*

«Памерлыя Божышча», Dzivia

Великий лес

543 г. от Золотого Рассвета, месяц липень

Запретный лес водил кругами.

Ещё на опушке Катше послышалось, будто издалека Ики позвал её по имени. Она даже не подумала, что Ики остался на Мёртвых болотах и никак не мог оказаться здесь. Чары леса уже обрели над ней власть, и девушка побежала на голос, плутая среди деревьев. Заблудиться в лесу оказалось легко. Катша не привыкла к узким звериным тропам и частоколу деревьев. Когда-то давно она так же боялась болот и не понимала их, но болота приняли Катшу, а Ики научил жить и охотиться.

Запретному лесу не по нраву пришлась чужеземка.

Долго она искала Ики, срывалась с места каждый раз, как эхо доносило его голос, и, наконец, от усталости повалилась на землю. Только тогда разум её прояснился: Катша осознала, что лес морочил ей голову.

Солнце стояло ещё высоко, когда изнеможённая девушка беспокойно заснула, но уже спустя лучину открыла глаза, заслышав странный шум. Пугливо она бросилась в кусты и затаилась. В стороне по узкой звериной тропе прошёл красный конь, верхом на нём сидел всадник весь в красном. Лоб у Катши покрылся испариной, виски пронзили иглы. Охотница заморгала часто-часто, и всадник пропал из виду.

Чары леса были слишком сильны, она не могла им сопротивляться. Как бы его перехитрить?

Кусты в стороне затряслись, послышалось хриплое хрюканье. Кабаны!

Прячась за деревьями, охотница ушла в сторону. Она слышала, как шумела листва, как ветви ломались, когда кабаны прорывались сквозь чащу. Раз за разом она оборачивалась, но не могла разглядеть стадо.

А звук не затихал.

Весь день Катша уходила от погони, а на закате чуть не попала под копыта чёрного коня. Всадник его – такой же чёрный, как и конь – даже не взглянул на девушку. Она замерла, лёжа пластом на земле.

Мощные копыта невесомо прошли по лесной тропинке, трава под ними даже не примялась.

В Запретном лесу Катше не было места – так сказал Ики, об этом предупредил Олоко.

¹ Ваше время уйдёт навеки. Смоет кровью тварей.

Катша и сама знала, что Хозяину она не по душе. Её народ давно поклялся держаться прочь от Запретного леса. Но с тех пор как Катша покинула пещеры Канманд, она мечтала прийти сюда и задать терзавший её вопрос.

Сияющий Хозяин Лесов молчал, наблюдая со стороны, а его слуги игрались, водили девушку кругами.

Три дня. За три дня Катша потеряла и утратила уже всякую надежду выбраться живой из леса, когда наконец вышла на поляну.

Окружённая древними елями, посреди поляны стояла землянка. Она показалась одинокой, покинутой и всеми забытой. В этом доме давно потух очаг, а дух-хранитель погрузился в глубокий сон. Дом был мёртв.

Катша ступала по поляне, прислушиваясь к новым ощущениям: как мох проседал под ногами, как шумели ели над головой, как тёплый ветер ласкал лицо.

Дышалось в Запретном лесу иначе, чем на болотах: сладко дышалось, свободно. Обессиленная Катша рухнула на колени прямо перед входом в землянку, коснулась травы рукой. Мягко.

В стороне мелькнул чёрной лентой уж, скрылся в кустах.

И Катша разрыдалась.

Она не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Когда покинула родных или многим позже, когда умирала от голода на болотах? Духи предков послали к ней Ики, спасли от верной смерти. И духи помогли исполнить клятву, привели в Запретный лес.

Катша плакала тихо, глотая вырывающиеся из груди всхлипы. Она привыкла, что нужно не шуметь и быть осторожной. На болотах эта привычка не раз спасала ей жизнь.

– Он не заговорит с тобой, – раздался голос со стороны и тут же отозвался с другого конца поляны:

– *С тобой... ой...*

Катша вскинула голову, натянула тетиву лука.

– Но он хочет знать, зачем ты здесь?

– *Здесь... эс-с-сь...*

Сколько бы ни смотрела Катша по сторонам, сколько ни вглядывалась в ельник – никого не было видно. А голос кружил вокруг, скакал с одного края поляны на другой.

– Твой народ изгнан. Чего ты хочешь?

– *Хочешь... э-эш-ш...*

Катша сглотнула, с трудом проговорила:

– Я хочу просить о прощении. О позволении вернуться.

– И как же вернётся твой народ? Хозяин испепелит вас, если увидит в истинном обличье.

Голос звучал из ниоткуда и отовсюду одновременно. Катша опустила лук, убрала стрелу обратно в колчан.

Кем бы ни был лесной дух, он не желал её обидеть. Пока что...

– На наших землях живут чужие люди, мы заберём их кожу.

Лес замолчал. Тихо стало вокруг. В груди у Катши разрастался страх, сжимал ей горло, и она всё ждала, что смерть обрушится с небес – прямо с невыносимо далёких вершушек елей – и накажет Катшу за её дерзость.

– Нет. Это нарушит порядок. Нельзя.

– Но...

Катша вскрикнула в отчаянии, но побоялась возразить. Духи не меняли своих решений.

– Оставайся на ночь, – печальный вздох прокатился по поляне. – На одну ночь. Согрейся. Поспи. На рассвете возвращайся на болота.

– *Уходи-и-и*, – в последний раз разнеслось эхо.

Катша застыла, и сердце ухнуло вниз.

– Нет, – выдохнула она. – Нет, подожди!

Она звала и звала, умоляла вернуться, выслушать её горе, смилостивиться над стариками и детьми, над юношами и девушками, что жили во тьме, никогда не видя солнца. Но лесные духи уже ушли, не желали они знать о чужой беде.

Когда слёзы все пролились на травяной ковёр, когда охотница не почувствовала ничего, кроме пустоты в душе, день уже склонился к вечеру.

Катша прокралась в старую землянку, как дикий зверь в чужую нору. Внутри ей стало тесно и темно, как если бы она снова оказалась в пещерах Канманд, и она вышла наружу.

Охотница набрала воды в ручье, что протекал недалеко от поляны, напилась, после натаскала валежника и разожгла костёр. Сидя у огня, Катша лениво ела копчёную рыбу с лепёшкой и пила отвар из болотных ягод и трав.

Жужжали громко комары, кусали за щёки и шею. Валежника ненадолго хватило, скоро прогорел огонь. Катше казалось, что она просунула руку в силки и ждала, когда затянется вокруг запястья мёртвый узел. Ей чудились глубокие подземелья, где умирает свет, где краски выгорают из человеческих волос и глаз, и всё становится белым, как снег на верхушках гор.

Вечерний сумрак играл злую шутку со зрением охотницы. Катша смотрела на свою смуглую руку, и ей казалось, что кожа бледнела, истончалась и слезала, подобно змеиной шкуре.

На поляну без всякого страха выскочил заяц. В Запретном лесу было опасно охотиться без позволения Сияющего Хозяина, поэтому Катша поглядела на зверька с сожалением и не притронулась к луку и стрелам. Заяц скоро ускорился и скрылся.

Дом лесной ведьмы притаился за спиной. Лес вокруг шептал, наблюдая за охотницей. Катша кусала губы, сдерживая горькие слёзы. Отчего духи так добры к пришедшим? Отчего покинули её народ? Чужаки с медовыми волосами украли их земли, украли даже их богов. А люди Катши забыли вкус солнца на коже, скрывшись под каменной глыбой гор.

Она заснула на голой земле, но тёплая оленья шуба не дала замёрзнуть, только комары продолжали назойливо жужжать у самого уха, впиваться в кожу острыми носами.

Катшу разбудил яркий свет. Он вспыхнул посреди ночи высоко в вершинах деревьев и рухнул на землю, разлился по поляне. Точно пламя, он плясал вокруг, танцевал в хороводе, ослеплял. Охотница ожидала, что сгорит заживо в этом огне, но он её не тронул.

Из чистого пламени пролился голос:

– *Чтобы идти вперёд, ты пойдёшь назад. Чтобы стать владычицей, ты будешь служить владыке в огненной короне. Чтобы вернуть жизнь, ты принесёшь смерть.*

Ветер задул яростно, разгоняя морок, и свет вдруг потух, исчез, как будто его и не было.

По-прежнему стояла непроглядная ночь, только звёзды мигали на небосклоне. Катша моргала слепо, привыкая к темноте. Тишина опустилась глубокая, давящая. Но на душе наступил покой.

Как только стало светать, Катша отправилась обратно на восток. Назад, как ей и напро- рочили.

Часть первая

Огонь, что пожирает землю

Глава 1

*Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю...*

«Снегурочка», А. Н. Островский

Рдзения, Совин

543 г. от Золотого рассвета, месяц жовтень

Расчувствовавшаяся Горица долго прижимала к себе Ежи и Милоша, целовала их по очереди в макушки, щёки и уши. Милош устало смеялся, обнимая женщину своими длинными руками, а Ежи молча улыбался.

Веся потянула Дару за собой, вдвоём они проскользнули на кухню, но Горица будто бы их даже не заметила.

– Ох, родные мои, – приговаривала она, не отпуская парней из объятий. – Как я по вам истосковалась. Милош, – она чуть отстранилась, всмотрелась ему в лицо и вздохнула, – ты так похудел, кожа да кости. Ежи, ты что же, совсем за ним не смотрел?

– Ма-ам...

– И что это за девку вы с собой притащили? – Горица отпустила парней, уперев руки в бока. – Ещё одна ратиславка. Они всей Ратиславией к нам, что ли, притащатся?

Ежи потёр грязную шею, он мечтал скорее помыться и наесться до отвала, на разговоры сил не осталось, а разговор предстоял тяжёлый.

– Это сестра Веси, Дара.

Кухарка в ужасе ахнула.

– Дара? Которая прокляла нашего Милоша? Да я ей хребет кочергой сломаю...

И Горица кинулась бы на кухню ломать ведьме хребет, если бы Милош не ухватил её и не удержал на месте.

– Горица, милая, – промурлыкал он ласково на ухо. – Ты же понимаешь, что я должен сделать это сам?

Женщина в недоумении обернулась на Милоша.

– То есть?

– Терпение, дорогая матушка, – попросил он. Милош редко называл Горицу матушкой и обычно только когда нужно было её успокоить или переубедить.

Сработала уловка и на этот раз. Горица недобро ухмыльнулась и коснулась ладонью щеки Милоша.

– Я никогда её не прощу, так и знай. Пусть ведьма оплатит сполна.

– Обязательно. Но пока что она нужна Стжежимиру. Кстати, он у себя?

Милош уже собрался кинуться в мастерскую целителя, но Горица остановила его:

– Господина вызвала к себе княжна Венцеслава. Ей часто нездоровится в последнее время.

Милош замер, вытянулся, как тетива, взгляд его стал пустым.

– Приготовь воды, пожалуйста, – Ежи показалось, что голос друга задрожал. – И мою одежду. Нет, одежду я сам, потом. Пока горячей воды, и побольше.

Стремительно он взлетел вверх по лестнице. Хлопнула дверь его спальни.

– Ох, не отдохнуть тебе даже, – вздохнула мать. – Давай я схожу...

– Я сам.

Ежи взял ведро и ещё раз чмокнул мать в щёку.

– Сынок, – позвала Горица. – Ты лекарство не забывал принимать?

Ежи спохватился и поспешил сначала наверх, где у него хранился запас лекарств от Стжежимира. Сделав пару глотков, он тут же пошёл к колодцу. Усталость валила с ног, но он радвался возможности хотя бы ненадолго остаться в одиночестве.

Скрывать свои мысли и чувства получалось всё хуже. Веся не сводила глаз с Милоша, а он только забавлялся с ней и сам переглядывался с ведьмой, когда думал, что никто не замечал. Он улыбался ей так же, как улыбался всем девушкам, что рано или поздно отдавались ему. Даже в шутку Милош не смотрел так же очаровательно на Весняну.

И всё-таки она отвергла Ежи.

Всё-таки...

Он сердито потянул за верёвку, поднимая ведро из колодца. Ослабшие натруженные руки задрожали, и Ежи расплескал всю воду. Пришлось снова опустить ведро, и бабы, стоявшие в очереди позади него, недовольно заворчали.

– Что ж это за хлопец, который ведро поднять не может? – хихикнула полная женщина за его спиной.

– Так это ж сынок Горицы, кухарки лекаря Стжежимира. Видимо, совсем дурно она готовит, раз у её сына сил нет.

Бабы загоготали от смеха.

Ежи наконец перехватил ведро за ручку, потянул наверх.

– И муж сбежал от её готовки, и сын скоро помрёт с голоду!

Ведро выскользнуло из рук. Вода пролилась прямо под ноги совинским кумушкам.

– Помолчали бы! – лицо Ежи пошло красными пятнами.

– Да ты как с почтенными женщинами разговариваешь, щенок?! – возмутилась пожилая служанка Пшемыслава Толстяка.

– Где ты тут видела почтенных женщин, старая гадюка? – раздался ворчливый голос в стороне.

Ежи вскинул голову, чтобы посмотреть на своего защитника, и тут же согнулся в почтительном поклоне.

– Господин Стжежимир, – проговорил он. – Да озарит Создатель твой путь!

Целитель был явно не в духе. Ежи не сразу понял, что Стжежимир не ждал так скоро их возвращения. Он ведь ничего не знал о том, что случилось в Гняздеце.

– Что стоишь? – нахмурился Стжежимир.

– Милош попросил набрать воды для мытья, – растерялся Ежи.

– Тогда поторопись.

Целитель не стал его ждать и пошёл по улице Королевских мастеров с завидной для его возраста лёгкостью.

Женщины обиженно надулись, глядя вслед старику.

– Ишь какой, – фыркнула одна.

– А всё потому, что бабы хорошей так и не нашёл.

– Так какая баба к нему, скотине злобливой, пойдёт?

Ежи вздохнул и в третий раз опустил ведро в колодец. На этот раз, слава Создателю, у него всё получилось.

Ходить за водой пришлось не раз. Когда Ежи наконец наполнил бочку для мытья, то не чувствовал рук и задыхался, в груди точно застрял ком пыли.

Милош стянул через голову драную рубаху и только тогда заметил, как побледнел его друг.

– Иди-ка сюда, – велел он, нетерпеливо подзывая движением руки.

– Не надо, – слабо засопровтивлялся Ежи.

– Да ладно ты, как будто в первый раз.

Ежи родился слабым, так говорила Горица. Многие младенцы умирали в голодные послевоенные годы, но ему повезло появиться на свет в доме Стжежимира. Королевский целитель вытянул тонкую ниточку его жизни прямо из-под острых ножниц богини-пряжи, но лезвия, видимо, успели задеть нить, и лёгкие мальчика пострадали. Они бы сгнили в его теле, если бы не Стжежимир. Стоило случайно пропустить один приём лекарства, и Ежи сразу тяжело становилось дышать, внутри сжималось всё в комок и умирало. Только заклятия и снадобья удерживали жизнь в теле Ежи.

Поэтому Горица каждое утро и каждый вечер ходила в храм, чтобы отмолить страшный грех колдовства. Мать ненавидела чародеев, но её единственный сын не мог выжить без их помощи.

Милош тоже научился поддерживать здоровье Ежи с помощью чар.

– Давай помогу, это быстро.

Он протянул руки. Золотые искры вспыхнули на кончиках пальцев.

– Я уже выпил лекарство, – Ежи поставил ведро в угол. – Ты и сам с ног валишься. Лучше я пойду посплю.

Он поспешил уйти в их общую с матерью спальню. Горицы там не оказалось, но это было и не удивительно: солнце ещё высоко стояло над Совином, у единственной женщины, прислуживавшей в доме лекаря, было много хлопот.

Ежи стянул рубаху. Обереги на шее зацепились за ворот, и пришлось поправить их на груди. Взгляд задержался на совином знаке. Где-то на Трёх Холмах до сих пор лежал проклятый чародей и ждал помощи. Но что Ежи мог сделать? К Совиной башне даже подойти было страшно, да и не осталось там никого.

Если только попросить Стжежимира...

Обычно Ежи старался не беспокоить господина зря. Он вообще старался не попадаться ему на глаза лишний раз, но можно было попробовать для доброго дела. Да, он сделает это чуть позже, когда всё наладится. Пообещав это самому себе, Ежи залез под одеяло, не заботясь ни о грязном теле, ни о пустом животе. Лекарство, выпитое ранее, подействовало. Дышалось ему легко.

Дара с остервенением тёрла кожу жёсткой щёткой. Вся мылила волосы в стороне, они переглядывались молча, не в силах говорить, а после помогали друг другу смыть мыльную пену, улыбались, понимая друг друга без слов.

– Тебе понравится Совин, и к дому ты привыкнешь. Господин Стжежимир грозный, но отходчивый, а Горица похожа на маму, – проговорила Веся.

– Чем?

– Она много ругается, потому что несчастна.

Когда грязь, кровь, а вместе с ними и усталость были смыты, Дара поспешно переоделась в чистую рубаху и простое рдзенское платье, короткое мгновение потосковала по княжеским нарядам. Всего две седмицы прошло с её побега из Златоборска, но жизнь успела перевернуться с ног на голову.

На кухню пришла Горица, оглядела Дару мрачно и, не сказав ни слова, занялась готовкой. Веся осталась ей помогать. Помощи от Дары явно никто не ждал, поэтому она закрутила волосы назад, чтобы не мешались, и вышла из кухни, не дожидаясь сестры.

Дом королевского целителя ничем не походил ни на родную избу в Заречье, ни на княжеский дворец, ни даже на мазанку Воронов. Всё там было иначе, всё чудно. Дара оказалась в маленьком закутке, из которого на улицу вела тяжёлая деревянная дверь, а другая – поменьше – в неизвестную комнату.

Но куда больше заинтересовала Дару узкая лестница наверх. Она ступила на первую ступеньку, поднялась на вторую и, запрокинув голову, взглядела в проём, когда услышала стук двери и чьи-то шаги.

Дара стремительно сбежала по ступеням и смирно встала у двери, сложив перед собой руки.

Милош, заметив её, замер посередине лестницы, прищурился подозрительно.

– Больно у тебя покорный вид. Что натворила?

– Ничего, – сверкнула глазами Дара.

Он был на загляденье хорош, почти так же, как при их первой встрече, хотя долгая болезнь и усталость оставили отпечаток на красивом лице. Милош оделся в чёрное с серебром. В левом ухе сверкала зелёною знакомая серьга.

Он заметил её взгляд.

– Между прочим, из-за тебя дырка в ухе заросла, мне сейчас пришлось самому себе заново иголкой мочку протыкать, – недовольно сказал Милош. – Это, знаешь ли...

На языке так и вертелся едкий ответ, но Дара вместо этого спросила:

– Куда ты идёшь?

– По делам, – он спустился с лестницы, прошёл мимо и уже потянулся к ручке входной двери, когда соседняя – та, что была поменьше – распахнулась.

На пороге стоял бородатый старик с лохматыми, что беличьи хвосты, бровями. Старый жупан сидел на нём криво, да и подол был заляпан чем-то чёрным.

Он стрельнул глазами из-под густых бровей на Дару, скривил губы.

– Это дом королевского целителя, а не дом наслаждений. Сколько девок вы с Ежи ещё притащите? Раньше ты хотя бы за порог их не пускал, – обратился он к Милошу.

Тот выглядел растерянным.

– Здравствуй, учитель, – произнёс он. – Я думал, что ты ушёл по делам... хотел найти тебя и помочь.

– Сам справился, приходится как-то крутиться, пока ты по лесам, по полям летать изволишь. Когда обратился?

– Сегодня пятый день.

– Как?

– Она расколдовала, – Милош указал на Дару пальцем.

Стжежимир тут же оказался рядом, прищурился и уставился Даре в лицо, так же резко присел, разглядывая её шею, грудь и живот так внимательно, как если бы она была лошастью, а он покусал её на торгах.

Под конец осмотра он хмыкнул то ли довольный, то ли сердито.

– Ты смотри-ка, сияет совсем как ты. За мной. Оба!

Дара обернулась на Милоша, желая понять, что задумал чудной старик, но вдруг входная дверь распахнулась.

Вошёл Охотник. Дара чуть не вскрикнула. Она дёрнулась назад, к кухне, но Милош схватил её за руку и заставил остаться.

Не было сомнений – это был человек из Ордена Холодной Горы, Дара хорошо запомнила их знак: острый пик, утыканный солнечными лучами, точно копьями. Она видела его на мёртвом Охотнике в Гняздеце, она обагрила тот же знак кровью, когда сама убила Охотника, и его носил незванный гость – плащ был закреплён серебряной застёжкой со знаком Ордена.

Мужчина на пороге выглядел на удивление смущённым.

– Да озарить Создатель твой путь, – произнёс он с сильным лойтурским говором. – Господин целитель, прости, я не хотеть врываться. Я хотеть стучать, но дверь открыта.

У Дары задрожали коленки. Охотник был слишком близко. Мог ли он узнать в ней ведьму? Мог ли он случайно разглядеть её дар?

– Ага, да не опалит тебя Создатель, – Стжежимир взмахнул рукой, приветствуя гостя. – С чем пришёл?

– Ты забывать свои вещи у ландмейстера, мне велено передавать, – Охотник снял с плеча кожаную суму, но Стжежимир даже не пошевелился, и её забрал Милош.

И целитель, и его ученик выглядели спокойными. Никто и никогда не догадался бы, в какой опасности они находились. Никто бы не подумал, что они разговаривали со своим заклятым врагом. Дару замутило. Она схватилась за руку Милоша, впилась в неё ногтями. Он даже не вздрогнул.

– А, точно, спасибо. Мой ученик совсем обленился, приходится всё самому таскать, и вот, я старый человек, забываю вещи где попало, – Стжежимир замахнулся, чтобы ударить Милоша по затылку, но вдруг скорчился от боли, так и не дотянувшись. – Леший побери, в руку вступило.

– Давай я помогу, учитель, – Милош осторожно высвободился из хватки Дары и придержал Стжежимира за плечи. – Прошу прощения, – обратился он к Охотнику, – но мне нужно помочь господину, нам лучше пройти в его мастерскую.

– А, да, конечно, – Охотник неловко попятился к порогу. – Я уходить, не мешать.

Он слегка поклонился и закрыл за собой дверь.

Несколько мгновений было тихо, пока Дара не выдохнула громко:

– Я думала, что умру.

– Жаль, не получилось, – хмыкнул Милош.

– Заткнитесь оба. Тише, – Стжежимир распахнул дверь позади себя. За ней скрывалась узкая клетушка, стены которой от пола и до потолка все были увешаны полками, а те были заставлены склянками, банками, деревянными ларцами и маленькими мешочками. У закрытого ставнями окна располагался небольшой стол. Горели свечи. Пахло травами и ещё чем-то, чего Дара не смогла распознать.

Королевский целитель уселся на высокий табурет и оглядел по очереди Милоша и Дару. Её всё ещё трясло от пережитого ужаса, а мужчины не придали случившемуся никакого значения. А разговор зашёл сразу же об Охотниках:

– Лойтурцы ищут оборотней, которые перебили всех людей в Гняздеце. То ли соколов, то ли воронов – леший их разберёт, – поведал он. – Не знаете, часом, кто эти оборотни?

Милош и Дара переглянулись.

– Всех людей? – переспросил Милош. – Когда мы уходили, то местные прятались по домам. Мы их не тронули.

– А кого тронули? – недобро прищурился Стжежимир.

– Только Охотников.

– И как они вас нашли, позволь спросить? В Гняздеце было тихо уже почти двадцать зим.

– Мы убили одного из них.

– Что?!

Дара вздрогнула от крика.

– Он напал на Весю, – пожал плечами Милош. – И вообще, дело не в нас. Точнее, не во мне. Это Чернава привела Охотников, и я уверен, что она это сделала намеренно.

Такой отборной ругани, какую обрушил Стжежимир на Милоша, Дара не слышала даже в ярмарочный день среди игроков в напёрсток. Она успела и смутиться, и разозлиться на несправедливость его слов. Как бы Милош её ни раздражал, он не был виноват в случившемся.

Она терпела, молчала, кусала губы, лишь бы не сказать лишнего, а Стжежимир кричал и кричал, и терпение Дары всё-таки лопнуло:

– Охотники напали на нас! Они знали, где мы живём. Мы что, должны были позволить себя убить?!

Брови на лице целителя зашевелились. Он ткнул в неё пальцем.

– Ты должна была не попадаться! Я же как-то умудряюсь это делать целых двадцать лет, хотя каждый день хожу в королевский замок? Не жду ни от одного из вас того же благоразумия, как от себя самого, но неужто ты такая тупая? Ах да, что я хочу от грязной кметки?

– Я не грязная кметка.

– А кто тогда? Чистая кметка?

– Лесная ведьма.

– А? – Стжежимир сморщился, точно съел луковицу целиком. – Точно. Так и не скажешь, глядя на тебя.

Пусть выглядел старик по-прежнему недовольным и сердитым, но кричать перестал, и Милош поспешил перевести разговор:

– Дарина просится к тебе в ученицы. Умеет она мало, зато силы ей не занимать.

Дара замерла. Стжежимир отказался принять её в первый раз, по крайней мере, так он написал в письме Милошу. Что, если он прогонит её и теперь? Вороны опасались того же, поэтому передали весточку.

– У меня для тебя письмо, господин целитель, – Дара достала из-за пазухи свёрнутую бересту.

Стжежимир без малейшего интереса бросил письмо на стол, даже не прочитав.

– Лесная ведьма, значит. Да ещё моего ученика умудрилась облапошить. Ха!

Он засмеялся хриплым противным голосом. Милош поджал пухлые губы:

– Ей просто повезло.

– Ну-ну, а тебе не повезло. Хорошо, можешь оставаться, – разрешил он вдруг и перевёл взгляд на Дару. – Не знаю, правда, где тебе спать, место осталось разве что под дверью, будешь у меня вместо собаки. А что? Глаза у тебя злые, как у цепного пса.

Дара сжала кулаки, чувствуя, как от ярости заклокотало всё внутри.

Королевский целитель то ли не заметил её бешенства, то ли не пожелал замечать. Он устало зевнул, не прикрывая рот, и развернул бересту.

– Что там Вороны своими куриными лапами накарябали? – лицо его помрачнело. – Затащили они тебя, значит, в свои делишки, – пробурчал он. – Что ж, а может, это к лучшему. Но всё равно сначала проверим, насколько ты полезна, а потом уже я возьмусь тебя учить. Ничего за так не бывает.

Прищур у Стжежимира был хитрый, как у игрока в напёрсток – сразу становится понятно, что тебя обведут вокруг пальца, только не ясно, как именно. Даре захотелось завывать от отчаяния и бессильной злобы. Всем было от неё что-то нужно.

– Что ты хочешь?

– Чтобы ты рассказала мне всё, что знаешь о своём Хозяине, – сказал королевский целитель. – И о том, откуда у тебя появились эти силы. Ты же не от рождения так светишься изнутри?

Стжежимир пригляделся к ней и недовольно хмыкнул.

– И эта тьма, – он вскинул голову, посмотрел на неё почти испуганно. – Навь тебя поглотит, Вороны прибрали и тебя к рукам?

Дара украдкой посмотрела на Милоша, но он даже не обернулся. Неохотно она кивнула.

– Драган разума лишился, – пробурчал Стжежимир. – И всё из-за Чернавы.

– Драган мёртв, – сказал Милош.

– Не удивительно.

Целитель помрачнел ещё больше и снова перечитал послание Воронов. Дара попыталась поймать взгляд Милоша, он посмотрел спокойно, почти равнодушно. Он совсем не выглядел удивлённым.

– Милош, иди по своим делам, – велел Стжежимир. – А ты садись, – он указал Даре рукой на маленькую лавку, задвинутую под стол.

Дара присела. Лавка была совсем низкой, и теперь девушка смотрела на Стжежимира снизу вверх.

Милош задержался на пороге, и Стжежимир нетерпеливо махнул ему рукой. Дара заставила себя не оборачиваться. Дверь затворилась негромко.

Если бы Дара осталась в Ратиславии, то побоялась бы раскрывать тайны лешего. Но Великий лес отделяли от Рдзении многие вёрсты, а в городе Совине не было ни богов, ни духов, ни чар. И Дара заговорила.

Горица пребывала не в духе. Причин на это у неё существовало превеликое множество, но под конец дня она расстроилась ещё из-за того, что некуда было уложить спать двух девушек.

– Милош вернулся, – поджав губы, рассудила она. – Комнат больше нет. Если только в подпол вас поселить, но там от холода вы окоченеете.

И кухарка так посмотрела на Дару, что ясно стало: она бы только обрадовалась, если бы нашла её замёрзшей насмерть.

– Ох, ладно, сегодня оставайтесь на кухне, постелю вам на лавках. В конце концов, самое тёплое место в доме.

Дара смиренно сидела за столом и старалась не мешаться под ногами. Горица всем своим видом давала понять, что её раздражало само существование Дары, и она решила отвечать кухарке тем же. Веся принялась помогать Горице, но Дара не сдвинулась с места. Она привыкла работать по дому: готовить, стирать, убираться, ухаживать за скотиной. Но в доме Стжежимира всё должно было пойти по-другому.

«Я стану ученицей целителя, как и Милош. А прибирается пусть прислуга».

Несколько раз Веся оглядывалась на Дару, во взгляде её читался укор. Они вроде бы и помирились ещё в Гняздеце, но между ними осталось слишком много недомолвок, слишком много взаимных обид. Вот и теперь сестра осталась недовольна тем, что Дара не помогла ни приготовить ужин, ни помыть посуду, ни постирать. Но Дара приняла решение держаться

подальше от домашних дел. Вряд ли бы кто-нибудь поблагодарил её за помощь. Она сложила руки на коленях, села прямо и постаралась даже не смотреть в сторону Горицы.

Мешок у ног Дары едва заметно зашевелился, и она прикрыла его подолом.

Наконец, кухарка вышла из кухни и увела за собой Весю. Впервые за долгое время Дара осталась одна. Тут же она вскочила с места, схватила миску, налила в неё молока, отломала ломоть хлеба и поставила всё в угол за печкой, надеясь, что Горица это не скоро заметит.

Домовой не сразу выбрался из мешка. Даре пришлось уговаривать его:

– Здесь безопасно. Тебя никто не тронет.

Ощерившись и вздыбив чёрную шерсть, дух зашипел сердито, точно кот. Дара осторожно коснулась его, погладила по спине.

– Понимаю, что ты пережил. Я тоже потеряла дом.

Вряд ли она вправду могла понять, что он чувствовал. Домовой был связан с родным очагом куда сильнее, чем любой человек. Он и появился на свет только для того, чтобы охранять дом, но тот погиб в пожаре.

Наконец, дух лизнул молока, взглянул на прощание на Дару и нырнул в щель. Рано или поздно он мог прижиться в новом доме. Возможно, он даже мог его полюбить. Однажды из города без чар изгнали всех духов, но это ведь не значило, что они не могли вернуться?

Когда все улеглись спать, Дара отвернулась к стене, но заснуть не смогла. Мысли крутились в голове, путались.

Что будет делать теперь Дара? Она пришла учиться у Стжежимира, но Вороны от неё не отстанут, попытаются втянуть в свой заговор. И были ещё Охотники, и Совиная башня, и Стжежимир тоже явно что-то замышлял. Дара мечтала о спокойной жизни, но куда бы она ни приходила, там случалась беда.

И все, все Дару ненавидели. Старый Барсук – единственная родная душа, что у неё осталась. Но он был так немыслимо далеко, за реками и городами, за бесчисленным количеством вёрст, на самой опушке Великого леса. Там, куда Дара не могла вернуться.

Она не осознавала, что плакала, пока не почувствовала тёплую руку на своём плече.

– Дарка, ты что? – раздался совсем рядом знакомый нежный голосок. – Дарка, что случилось?

Она не хотела говорить, но слова вырвались против воли:

– Никто меня не любит.

– Как никто? Я тебя очень люблю, – сестра погладила её по волосам. – И дед тебя любит, и мама с батей.

Горький смех сорвался с губ Дары.

– Ты бы бросила меня без задней мысли ради Милоша. А я...

Сердито засопев, Дара вырвала руку, но Веся не сдалась. Она уткнулась носом в шею сестры, пригладила рукой тёмные волосы.

– Ох, Дарка, это другое... Если бы ты знала, каково это – любить, то ты бы меня поняла. Не сердись, дурочка, – голос её согревал лучше, чем пылающий очаг. – Я же понимаю: ты так ведёшь себя с Милошем, потому что пытаешься меня защитить. Ты всегда старалась уберечь меня от беды, гнала прочь парней наших зареченских. Мне хотелось с ними гулять, но, наверное, ты тоже в чём-то права. Они ненадёжные. Но только Милош не такой. И я теперь совсем взрослая. Видишь, через что я ради него прошла?

Ладонью Дара коснулась шрама на лице сестры: вот, какую цену она заплатила. Весняна отдала свою красоту ради парня, который не стоил ни одной её слезинки.

Она прижалась крепче. Дара нашла ладонью её ладонь и переплела их пальцы.

– Простишь? – спросила Веся.

– Прощу. А ты меня?

– И я тебя.

Сестра поцеловала её в щёку. Дара не видела, но знала, что Весея счастливо улыбалась. Наверное, она правда верила, что этих крох любви Даре было достаточно. Наверное, она правда верила в искренность Милоша. Весея всегда видела лучшее в людях. Может, только поэтому она и была способна любить Дару.

Она бы тоже хотела улыбаться, хотела бы быть беззаботной, как сестра. Но Дара была лесной ведьмой в городе без чар, в городе, полном Охотников. Она не могла уйти, ибо опасалась навых богов, она боялась остаться, потому что чувствовала: беда найдёт её и в Совине.

Глава 2

*Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.*

Сергей Есенин

Рдзения, Совин

Месяц листопад

Милош прождал пять дней, но Стжежимира больше не вызывали к супруге Идульфа Снежного. Тогда Милош рассудил, что приглашение ему было не нужно.

Ранним утром, когда город только просыпался и открывались лавки, когда торговцы с лотками ещё сонными голосами зазывали хмурых прохожих, Милош вышел из дома на улице Королевских мастеров.

Зима надула в столицу серую морозную дымку. Не осталось ни одной яркой краски, ни одного жаркого огонька. Только снег и лёд. Только холод. Он забирался под одежду, под кожу, под рёбра к самому сердцу, и нужно было спешить вниз по улице, чтобы скорее укрыться в тепле.

Минув уродливого каменного идола у дома Пшемыслава Толстяка, Милош свернул на Огненный переулок и быстро дошёл до известного дома на улице Тихой стражи. Если бы минувшей весной ему сказали, что он будет стоять под окнами дома ландмейстера Охотников и надеяться оказаться внутри, так он бы рассмеялся. Прежде Милош старался держаться от Охотников подальше. До сих пор ему порой снилось, как рокотал Совин, когда обрушилась чародейская башня, как пылали огни на крышах и как самого Милоша за шиворот тащили из разрытой могилы.

В ту ночь ему неслыханно повезло: Милоша нашёл Стжежимир. Его сестру и родителей – Охотники.

И вот он стремился попасть в дом ландмейстера.

Милош прошёл вниз по улице. Он держал голову прямо, подставляя лицо холодному воздуху и чувствуя, как замёрзли уши и нос. Недалеко от дома Идульфа Снежного Милош встал так, чтобы видеть входную дверь, и подозвал к себе грузную тётку, тащившую на спине тяжёлый короб, из которого невыносимо соблазнительно пахло горячим хлебом.

– Хлеб не для продажи, – заявила тётка, но всё равно подошла. – Это заказ в дом Славомира Кабжи. Он берёт хлеб только у нас – в корчме «Над рекой».

С тёткой пришлось поторговаться и переплатить вдвое, но горячий хлеб всё же оказался в руках у Милоша. Взгляд задержался на собственных длинных пальцах, униженных дорогими перстнями. Ничего красивого в его когда-то ухоженных руках не осталось. Ногти пришлось коротко обрезать, он поломал их во сне. Да, раны и ссадины зажили благодаря чарам, но руки всё равно выглядели грубыми, как у кмета. Ни у кого из дворян не было таких уродливых рук.

Скривившись, Милош откусил хлеба. Только что он торговался за него, как за самое желанное лакомство, но теперь кусок встал в горле, и захотелось пить.

В груди всё ворочалось от возбуждения. Как она встретит его? Что скажет? Не подурнел ли Милош? Не покажется ли он ей отталкивающим после пережитой болезни? Он сильно

похудел, лицо его осунулось, и наряд висел мешком. Конечно, среди всех юношей его возраста он всё равно был самым красивым в Совине, но вдруг... вдруг сердце её изменилось?

Он представил, как Венцеслава улыбнётся и глаза её загорятся изнутри. В утреннем зимнем свете её волосы будут дивно сиять...

Из соседнего дома вышел знатный господин, бросил на него хмурый взгляд. Милош был одет дорого, броско. В левом ухе сверкала изумрудная серьга. Он был высок, статен и, несмотря ни на что, хорош собой. И всё же он был хорош недостаточно. Он оставался чужим на улице Тихой стражи. Пусть молодые знатные девушки заглядывались на него с восхищением, но...

Но Милошу никогда не выбраться с улицы Королевских мастеров. Он всего лишь ученик целителя. При Совиной башне всё было бы иначе. Если бы чародеи остались у власти, то Милоша бы уважали, дворяне пожимали бы ему руку, как равному, заискивали бы и пытались добиться его дружбы. Но Совиная башня погибла в пожаре семнадцать зим назад. Ему бы стоило с этим смириться.

Милош ждал. Он явился слишком рано, женщины из круга Рогволода Белозерского посчитали бы его нахальным, но Венцеслава была не просто женщиной, а Милош для неё не являлся просто очередным ухажёром. И всё же существовала одна помеха, и звали её Идульф.

Наконец ландмейстер вышел на крыльцо. У мостовой его ожидал слуга, державший под уздцы лошадь. Охотник сел верхом, стукнул пятками и, не оборачиваясь, направил животное вверх по улице к королевскому замку.

Нетерпеливо Милош засунул остаток хлеба целиком в рот и, быстро жуя, размашистыми шагами направился к дому.

К счастью, служанка у Венцеславы осталась прежняя. Она узнала его, окинула внимательным взглядом.

– Долго ты пропадал, – сказала Щенсна. – А сегодня больно рано пришёл.

Милош улыбнулся ей тепло, достал из сумы бутылку из тёмно-зелёного стекла.

– Торопился принести твою любимую клюквенную настойку, дорогая Щенсна.

Причмокнув от предвкушения, старуха забрала бутылку.

– Спрошу госпожу, примет ли она тебя. Подожди здесь. Ты голодный?

– Нет, душа моя, благодарю. – Милош готов был съесть гуся целиком, но он бы не осмелился жевать при Венцеславе. Это выглядело некрасиво.

Свет едва проникал через ставни, горело множество свечей. Жарко пылала печь. Замёрзшие пальцы медленно согрелись в тепле. Вошёл парнишка лет двенадцати, раскрыл ставни. В доме Идульфа Снежного окна были застеклены, совсем как в королевском замке.

«Сколько же у него денег?»

Милош рассматривал богатое убранство, пока вдруг не заметил над печью гроздь медных, тускло сверкающих на солнце круглых пластин. Ему стоило бы отвернуться, не обращать внимания, но что-то заставило его приблизиться. В груди разрасталось нехорошее предчувствие. Милош уже знал, что это. Он знал наверняка.

За семнадцать лет из памяти не стёрлось изображение: сова, раскинувшая крылья. Знак чародейской власти, знак башни. Когда-то такой носили его родители, старшая сестра и сам

Милош. Когда-то он означал власть и силу, уважение и могущество. А теперь он висел, как охотничий трофей, в доме Охотника.

Сколько здесь было Совиных оберегов? Сорок? Пятьдесят? Все они были собраны в Хмельную ночь или их прибавляли по одному, когда выслеживали очередного чародея, сдирали с шеи оберег, а его самого отправляли на костёр?

Сколько уже погибло? Выжил ли хоть кто-нибудь, кроме Милоша и Стжежимира?

Он зажмурился, сжал пальцы, впиваясь ногтями в ладони, выдохнул медленно, пытаясь успокоиться. Он ничего не мог сделать. Пока что он ничего не мог сделать.

Качаясь, он дошёл до громоздкого кресла из красного дуба, сел. Было жёстко, неудобно. Милоша била дрожь, и ненависть горькая, как слёзы, разгоралась в груди. Он терпел и сидел, гордо вскинув подбородок.

Ожидание разъедало изнутри. Хозяйка дома явилась не скоро. Венцеслава вошла неспешно. Голубой бархат оттенял её белую кожу, золотые волосы и шею покрывал платок. Милош едва сдержался, чтобы не скривиться в отвращении, настолько противоестественно это выглядело. Но она стала замужней женщиной, так было положено.

Стоило ей войти, и время вокруг исказилось, потекло как мёд. Остальной мир исчез, и осталась только Венцеслава.

Когда они сели друг напротив друга, а служанка вышла по приказу своей госпожи, Милош взял тонкие руки в свои и наклонился вперёд, заглядывая в глаза.

– Я так рад тебя видеть, – произнёс он шёпотом, зная, что служанка осталась подслушивать под дверью, а вместе с ней, скорее всего, и слуга хозяина.

– А я тебя, – губ коснулась ласковая улыбка. – Тот фарадальский шар... это он тебя излечил?

– Да, я жив и здоров благодаря тебе.

Они молчали, смотрели друг другу в глаза. Милош гладил большими пальцами её ладони.

Венцеслава не требовала подробностей, она обладала удивительной способностью понимать его без слов. Милош вернулся к ней, а остальное было неважно – так он думал и чувствовал, пока смотрел Венцеславе в глаза и старался не замечать проклятые платок и кольцо на безымянном пальце.

Она рассказывала о книгах, которые прочитала, о песнях, которые услышала, о стихах, что написала, пока его не было рядом. Милош слушал. Пожалуй, никого так он внимательно не слушал, как её.

Она осторожно, не выпытывая ничего, спрашивала и о нём самом, о его жизни вдали от Совина, вдали от неё.

– К счастью, ты и представить не сможешь, насколько убого было в Гняздеце, – улыбнулся Милош, поглаживая ласково её ладони. – Как бы я тогда ни хотел видеть тебя рядом, но тебе явно не место среди таких людей и таких условий.

– Даже подумать страшно, как ты выдержал все испытания. Ты так привык к столице, к богатству.

– Не так уж я и богат.

– Для ученика целителя весьма и весьма, – в голубых глазах мелькнуло то ли превосходство, то ли ревность. – Я видела, какие серьги ты подарил Уршулле.

– Я бы подарил тебе во сто крат лучше, если бы ты позволила.

Венцеслава только улыбнулась, пряча взгляд.

– Я слышала от мужа о том, что произошло в Гняздеце с Охотниками и с жителями, – вдруг сказала она. – Это сделал ты?

Она смотрела нежно, но так внимательно, словно заглядывала в душу. Как сложно, как противно было скрывать от неё правду. Милош не сразу нашёл что сказать.

– Нет. Я сбежал, как только напали Охотники.

Прежде ему казалось, что не может быть ничего хуже, чем предстать в глазах Венцеславы трусом, но ложь далась легче правды. Разве можно признаться супруге ландмейстера в том, что он убийца, который безжалостно расправился с людьми её мужа? И он не знал, что сказать о жителях Гняздеца. Кто был способен на убийство беззащитных кметов? Впервые Милош не мог предугадать, как отнесётся к его поступкам Венцеслава.

Раньше она ругала его за пьяные выходки, за бесконечных девиц, за выбор сомнительных друзей. Но раньше Венцеслава была честна с ним. Разве мог Милош ожидать, что она выйдет замуж, пока его не будет в городе? Разве мог он предсказать, что из всех женихов она выберет Идульфа?

Он был уверен, что Венцеслава не упомянет свадьбу, но она всё же сказала:

– Ты должен знать... на венчании был Карл.

Милош чуть крепче сжал её пальцы.

– Всё в порядке?

– Да, он был очень вежлив и уважителен. Ни словом не выдал себя. И я подумала... почему Идульф не чувствует на нём чар? Говорят, что Охотники могут опознать проклятого.

– Вряд ли они действительно это могут. К тому же я не проклинал принца.

– Но наложил заклятие.

– Это не одно и то же, – терпеливо пояснял Милош. – Я заставил его забыть всё, что случилось. Воспоминания стёрлись из его памяти. Но он вовсе не проклят.

Белая Лебёдушка тяжело вздохнула, пальцы её были совсем холодными, и Милош дохнул на них, пытаясь согреть. Она улыбнулась с нежностью.

– Жаль, что тебя не было в тот день со мной.

Он застыл, будто в лёд обратилось сердце.

– Неужели?

– Мне всегда радостно, когда ты рядом.

Милош поднял глаза.

– Думаешь, это не было бы жестоко – смотреть, как ты выходишь замуж за другого?

Лицо Венцеславы помрачнело.

– Зачем ты так говоришь?

Он обещал себе, что не задаст этого вопроса, но теперь, когда хотелось зарычать от ярости, спросил холодно:

– Почему Идульф Снежный?

Ответ поразил своей простотой:

– Он знатен и богат. Он достойный супруг.

– Ты могла выйти за любого в Рдзении, но выбрала старика и Охотника.

– Он не так стар. – Светлые глаза сверкнули льдинками. – Как ты можешь осуждать меня за выбор? Не будь таким ревнивцем, Милош, не заставляй меня чувствовать себя виноватой перед тобой. Видит Создатель, я никогда не давала тебе надежды на то, что между нами возможно нечто большее. Ты должен понимать, что это невозможно.

Не теперь, когда Совиная башня разрушена.

Конечно. Он знал. Всегда.

Но всё равно вылетел за порог её дома, как если бы за ним гнались Аберу-Окиа и все Охотники вместе взятые, и золото в крови забурлило так сильно, что с кончиков пальцев посыпались искры. Милош спрятал руки в рукавах.

– Хлопец, подай монетку, – раздался голос в стороне.

Пахнуло перегаром. Милош поморщился, оглядываясь на попрошайку, но не успел сказать ни слова. Пропойца вдруг отшатнулся в ужасе и осенил себя священным знамением.

– Бес! – прошептал он в ужасе. – Бес...

Милош сорвался с места и завернул в Огненный переулок. До самого дома он шёл, не поднимая глаз. Он и сам уже понял, что они светились золотом.

Ратиславия, Златоборск

Седекий нашёл старинную рукопись, в которой говорилось о войне между Империей и Бидьяром в ту далёкую пору, когда только-только объединились в одно государство острова Айос и Ауфовос.

Не один вечер Вячко провёл, изучая записи учёных мужей. Много пугающих сказок складывали о Змеиных царях в Ратиславии, много говорили об их дикости и жестокости, и летописи с Благословенных островов подтверждали каждый самый жуткий и пугающий слух: в воспоминаниях троутоских мудрецов Змеиные цари представляли истинными чудовищами и детьми самой Аберу-Окиа.

«Кровь земли они пожирают, и потому их родина усохла и обратилась в песок. Суть человеческую они отвергли и были прокляты за это Создателем, остались неприкаянными на земле и лик людской потеряли, покуда не приняла их Аберу-Окиа и не поделилась змеиной своей сущностью».

Вячко не знал, верить ли прочитанному. Однажды он беседовал с ратиславским купцом, побывавшем на островах Лу Ху Чу. Там его встретили настороженно и с большим опасением, ибо все местные жители верили, что к западу от них, там, где располагалась Ратиславия, жили белые бесы, похищавшие человеческие души. Оттого и купца с гривой пшеничных волос и ясными серыми глазами приняли поначалу за злого духа.

Быть может, и люди с Благословенных островов рассказывали столь диковинные сказки о Змеиных царях оттого, что никогда их сами не видели? Люди могли перевернуть даже те события, что произошли совсем недавно. Вячко знал, что в рдзенских летописях о княгине Злате писали, будто бы она была безжалостной ведьмой и приносила в жертву лешему новорождённых младенцев.

В библиотеке храма Вячко отыскал берестяные грамоты, написанные незадолго до его рождения бывшим Пресветлым Отцом. Это было повествование о войне, которую вёл его дед Ярополк:

«И вскинул светлый князь голову к небу и узрел змея, огнём дышащего, – прочитал Вячко. – Взметнул копьё князь Ярополк и пронзил сердце чудища. Рухнуло оно наземь и долго подыхало, а подыхая, извергало яд и зловония мерзкие. На спине змея крылатого восседал царь бидьярский, и лик он свой богомерзкий прятал за золотой личиной, ибо страшились его морды звериной не только враги, но и собственные дружинники».

Это было любопытно. Купцы из Бидьяра часто продавали маски, якобы принадлежавшие Змеиным царям. Каждая маска, говорили они, наделяла носителя особым даром.

Вячко продолжил читать о том, как Ярополк поборол последнего царя из Бидьяра и получил прозвище Змееборец, но о природе самих царей так ничего и не нашёл. Летописец не уделил тому внимания, больше его беспокоила судьба ратиславского князя: что тот вышел победителем из битвы, но был ранен и отравлен, да и об этом говорилось размыто. Нельзя было сказать, отравил ли князя ядовитый змей или клинок. Следующие строки уже повествовали о встрече Ярополка с лесной ведьмой Златой.

Вячко отложил летопись.

– Пожирают кровь земли, – еле слышно повторил он.

Неждана называла Змеиных царей ящерами-крадущими-солнце.

В растерянности Вячко вышел из храма и побрёл по улицам Златоборска.

Первый снег растаял, но земля промёрзла, заиндевела и обратилась в камень под ногами. Холодный ветер пронизывал до самых костей. Вячко желал укрыться в тепле, среди друзей и

близких, но Стрелы и Небабы не было в городе. Во дворце у него не осталось близких людей. Ноги сами привели его в дом Зуя.

Хозяин встретил княжича с показным почтением, долго кланялся и предложил отобедать. Вячко посчитал отказ за грубость и согласился с неохотой. Скрыжистый Зуй не спешил тратить полученные за проживание Нежданы деньги, и на его столе нельзя было найти особых яств. Зуй поставил на стол миску с овсяным киселем и под тяжёлым взглядом Вячко ушёл к противоположной стене, чтобы не мешать.

Они с Нежданой ели кисель, девушке он был в новинку, она смаковала каждый глоток.

Вячко не надеялся, что ведьма с Мёртвых болот откроет свои тайны, но всё же спросил. Не о том, правда, что терзало его разум.

– Как тебя зовут?

Неждана вздрогнула от его вопроса и застыла, обернувшись с опаской на Зуя, но тот сидел у окна и стругал ложку: некогда старик был плотником, а теперь зарабатывал редкую монету тем, что продавал вещи, необходимые в быту.

– Ты нарёк меня Нежданой, княжич, – напомнила ведьма с некоторым недоверием.

– Но это не твоё настоящее имя. Не звать тебя и Югрой, настоящая сестра Олоко умерла задолго до моего появления на болотах. Так скажи, как тебя называли родители?

Она молчала, смотрела перед собой, не моргая. В серых глазах мелькнуло нечто, что заставило Вячко вдруг испытать жалость, но он отмахнул это чувство и спросил ещё раз:

– Как твоё настоящее имя?

– Я не скажу его тебе, княжич, – холодно произнесла Неждана. – Истинное имя можно сказать только другу.

– А ты мне враг?

– Нет. Никогда им не была и не являюсь. Но другом тебя назвать всё же не могу. Ты скажешь мне своё истинное имя?

Вячко улыбнулся неожиданно весело, тряхнул головой, отбрасывая рыжие кудри со лба.

– Твоя правда, такое можно сказать только другу, – признал он.

Некоторое время они не разговаривали. Неждана громко хлебала, Зуй стругал деревянный брусок, а Вячко уныло мешал ложкой кисель.

– Те ящеры-крадущие-солнце, как ты их называешь, – вспомнил он. – Они по-настоящему люди?

Неждана пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, они когда-то были людьми.

– Разве возможно перестать быть человеком?

Прядь волос упала Неждане на лоб. Она склонила голову над столом, потупила взор.

– Случается всякое... духи бывают хитрыми и жестокими. Они способны изменить суть всего живого, особенно если это древние духи, те, что существовали ещё до людей. Мой народ... – она запнулась, и Вячко уже подумал, что больше Неждана ничего не скажет, но она продолжила: – Мой народ однажды доверился духам. Давно, когда мы потеряли родину и искали новый дом. Духи обратились к нам, предложили свою помощь. Они пообещали укрытие и защиту. Они провели нас глубоко в свои пещеры, а взамен попросили нашей веры и службы. Мы поклялись поклоняться духам как новым богам взамен на помощь. Старейшины надеялись переждать беду и вернуться домой, но из пещер нас никто уже не выпустил.

Потрясённый, Вячко молчал. Он представлял мрачные тёмные подземные ходы, которых никогда не достигал солнечный свет, и запертых в пещерах людей.

– И как вы спаслись?

– Мы не спаслись, огонёк. Духи забрали наши цвета, наши краски, наши лица и волосы. Мы стали белыми, как пещерные рыбы стали бояться света, точно летучие мыши. Ты видел меня настоящую. Скажи, ты испугался? Тебе было омерзительно моё настоящее тело?

Вячко отвёл взгляд.

– Поэтому ты крадёшь чужое обличье? Потому что твоё собственное пугает обычных людей?

– Нет. – Неждана покачала головой и отставила кружку в сторону. – Я ношу чужое лицо, потому что моё собственное проклято. Мой народ попал во власть духов ночи и подземных вод. Мы противны свету и солнцу. Если мы появимся на солнечном свету в своём истинном обличье, то тут же умрём.

Рдзения, Совин

Дара рассказала королевскому целителю всё, что знала о Хозяине леса и его чарах. Повела она об озере с золотой водой, о поющей богине в реке Звене, о чудесных лесных тропках, что могли провести за короткое время в любую точку леса. Показала она и те знаки, что выучила, Стжежимир записал их все с превеликим любопытством. Дара разъяснила ему значение тех знаков, что понимала сама, а остальные они решили изучить со временем вместе.

Дара рассказала о том, как Хозяин избегал встреч и приближался к ней только во снах, о том, что выгнал из Великого леса и больше ничему не обучал.

– Так зачем он сделал тебя лесной ведьмой, если вскоре прогнал? – недоумевал Стжежимир.

И только об этом Дара смолчала. Вместо этого она спросила сама:

– Зачем ты хотел заполучить знания лесной ведьмы? Чтобы свергнуть короля и Охотников?

Целитель посмотрел на неё во все глаза, и это был первый раз, когда он искренне и весело рассмеялся.

– Вороны успели заморочить тебе голову, – проговорил он.

Внешне Дара сохранила спокойствие.

– Мне всё равно, кто будет править Рдзенией, но... я бы, пожалуй, хотела избавиться от Охотников. А ты нет?

Стжежимир облизнул губы и резко закивал.

– Да-да, всё дело в них. Или нет? Чародеи, должен я сказать, сами виноваты в своей участи.

Дара нахмурилась. Старик усмехнулся в усы.

– Не согласна? Ещё бы, ты просто глупая деревенская девка, которая выросла на сказках о великих чародеях, преданных подлым королём. Ты знать ничего не знаешь. А я находился здесь, в Совине всё это время. Я видел своими глазами, как сторела Совиная башня.

Стжежимир оскорблял легко, колко, понимая, что Дара не посмела бы возразить. Она находилась в его власти и была вынуждена слушать и соглашаться со всем. Но она давно привыкла склонять голову перед теми, кто обладал большей властью, вот и на этот раз проглотила обиду.

– Так что случилось на самом деле? – Она опустила голову, чтобы не выдать своей злости.

Откинувшись на спинку кресла, Стжежимир натянул покрывало повыше. Несмотря на растопленный очаг, он всё равно мёрз. Зима в городе и вправду ощущалась иначе. Она была промозглой и ветреной, задувала в каждую щель и пробиралась под одежду. Даже в маленькой деревянной избушке на мельнице Дара никогда так тяжело не переживала холода.

– Чародеи стали неосторожны, вот что случилось. Они хотели всё больше и больше власти, и однажды королю это надоело, а лойтурцы только этого и ждали, – ответил Стжежимир. – А я, наоборот, всегда старался оставаться в тени. Так уж вышло, что меня обучали чародейскому мастерству на Благословенных островах. В Империи всегда плохо относились к чарам, и от моего учителя – троутосца – мне передалась привычка скрывать свои способности. Так

что по возвращении в Рдзению я притворялся обычным целителем, пусть и всегда использовал свой дар для лечения. Какая разница, кем тебя считают – лекарем или чародеем, – если платят одинаково хорошо? Конечно, чародеи из Совиной башни быстро меня раскусили, но не выдавали. Какое им было дело до ещё одного чародея? Нас тогда в городе было не счесть.

Королевский целитель уселся поудобнее, потом махнул Даре рукой, велел подняться.

– Не стой без дела. Возьми пучок цветов в том углу. Да-да, этих. Знаешь, как называются?

– Болиголов, – вспомнила Дара. – Для кого это?

– Для принца Карла.

Глаза у Дары стали, наверное, как два блюдца, и Стжежимир вновь расхохотался.

– Но болиголов опасен...

– Если не грызть его как морковку, то не отравишься.

Он вздохнул, как если бы говорил с непроходимым дураком, и пояснил:

– Принимать нужно капельку на самом краешке ножа вместе с порошком солодкового корня. Помогает от головных болей, костной ломоты и мужской немощи.

Услышав последнее, Дара едва не прыснула от смеха.

– Значит, у принца Карла... голова болит? – заключила она.

– Не твоё дело, что у него болит. Возьми ступку, пестик и начинай толочь.

Дара принялась за дело, сокрушаясь, что нельзя скормить болиголов ратиславским князьям или Охотникам, отправив их напрямик в объятия к Моране.

– Почему ты считаешь, что чародеи во всём виноваты?

– Потому что будь они умнее, так давно бы взяли быка за рога, точнее, короля Часлава за его корону, и вправили бы ему мозги на место, – сердито ответил Стжежимир.

Дара нахмурилась, оглянулась на Стжежимира и продолжила толочь.

– Не глазами по сторонам! – одёрнул её целитель.

От крика Дара вздрогнула, уставилась в ступку и постаралась сосредоточиться на деле.

– Я говорю, что лойтурцы не за один день уговорили Часлава избавиться от чародеев. Это началось задолго до Хмельной ночи. Совиная башня посчитала себя важнее королевского замка. Так, собственно, и было, но королю это не могло понравиться. Чародеи указывали ему, с кем вести войну, а с кем заключить мир, они убивали неугодных им людей из его окружения и однажды прокляли посла из Лойтурии на глазах у десятков людей. Наверное, это сошло бы им с рук – чародеи легко бы одолели лойтурское войско в открытом бою, – но после старейшины башни пожелали вновь войти в Совет Старшей Совы.

– Что ещё за совет?

Пестик легко стирал траву в порошок, но Даре это занятие быстро наскучило. Ей и прежде не нравилось работать на кухне и возиться с готовкой, куда легче ей давался тяжёлый труд на пропитанной мукой мельнице, когда мышцы сводило от усталости и тело стонало. В лесу тоже не удавалось долго сидеть на одном месте, Хозяин всегда находил для неё дело. Но жизнь в княжеском тереме или в доме целителя наводила тоску. Стжежимир не учил плести заклятия, а заставлял готовить снадобья для богатых рдзенских господ и без конца болтал:

– Знаешь, где было первое поселение в Совине? Откуда пошёл город?

– От замка, – предположила Дара. – Князя обычно сначала строят детинец, а вокруг уже город растёт.

– Только не в Совине. Замок воздвигли многим позже, когда город уже разросся. Вначале все дома строили вокруг озера, где стояла Совиная башня. Говорят, что раньше на этом месте рос густой лес и в его чаще жила могущественная ведьма. Она разрешила князю Вышеславу основать город, но править они должны были вместе – люди и чародеи – на равных. По крайней мере, так говорится в былинах, а вот чародеи из Совиной башни считали, что это была не чародейка, а древний могущественный дух, а то и вовсе богиня.

Пестик чуть не выпал из пальцев.

Стжежимир хитро прищурился, наблюдая за ней.

– Догадываешься, к чему это я?

Дара упрямо промолчала и продолжила толочь.

– От некоторых чародеев из башни я слышал, что озеро было некогда источником золотой силы, что поэтому и появилось так много чародеев в Рдзении. Былины рассказывают, что первые совинские князья часто рождались больными, тогда их купали в озере у башни, и они мгновенно выздоравливали и становились могучими воинами. Со временем сила иссякла, но ещё лет двадцать назад в воде иногда замечали яркие всполохи.

– Значит, Великий лес когда-то доходил до этих мест, – задумчиво произнесла Дара.

– Не думаю. Скорее всего, здесь был другой лес, не менее могущественный и полный духов. Только со временем люди вырубili его.

– Почему духи это позволили? Леший уничтожил бы любого...

– Может, тогда люди были так же сильны, как и духи? Может, они испили золотой воды в озере, подобно тебе? Если бы ты была не одна, если бы существовало десять, двадцать, сорок чародеев, равных тебе по силе, смогли бы вы вместе одолеть лешего?

Дара задумалась и пожала плечами. Ей, как и всем в Заречье, лесной Хозяин казался могущественнее всех на свете. Он не был равен ни чародеям, ни людям. Он являлся созданием Нави, и потому нельзя было его даже сравнивать со смертными существами.

– Но почему люди не захотели жить в мире с духами и править наравне?

– А почему чародеи башни и король не поделили власть? Потому что люди всегда желают большего.

– Получается, лойтурцы подговорили короля Часлава избавиться от чародеев?

– Это было несложно. Чародеи имели слишком большую власть в стране и без конца напоминали королю, что он никто в собственном государстве, а храм считал чародейство греховным. Часлав не посмел бы избавиться от чародеев: они защищали наши границы от вас, ратиславцев, но лойтурцы пообещали поддержку со стороны Охотников, тогда Часлав и решился.

На некоторое время Дара забылась, запутавшись в собственных мыслях, и толкла в ступке болиголов. Пока работали руки, размышлять было легче.

– Значит, ты хочешь найти это озеро? Но зачем тебе я?

– Озеро искать не надо, оно где было, там и осталось, а вот силы в нём нет ни капли. Я много лет искал источник на месте Совиной башни, но так ничего и нашёл. Тогда я подумал, что знай я больше о лесных ведьмах из Ратиславии, то быстрее бы понял, в чём особенность этой силы. Сам я уже не молод, до Великого леса мне добираться трудно, поэтому отправил Милоша. Он, конечно, бестолочь, но всё-таки у меня учился, многое знает, смог бы понять, что и как устроено в Великом лесу. Но видишь, как вышло, лесная ведьма пришла ко мне сама, – он развёл руками, сам будто не зная, как теперь поступить.

– Думаешь, я смогу найти источник?

Стжежимир пожал плечами.

– Кто знает? Сходи к Совиной башне, поищи. Может, тебе он откликнется.

– Почему ты считаешь, что у меня получится?

– Потому что ты лесная ведьма. Если на месте города когда-то рос лес, в котором существовали те же силы, что в Великом лесу, а заклатья, связывающие источник и духов похожи, то...

Целитель запнулся, постучал пальцами по столешнице.

– Твою сестру обжёт меч Охотников, хотя она и не ведьма. Она сказала, что все в вашей деревне какие-то особенные. Это из-за вашей поющей богини?

Дара пожала плечами.

– Раньше я об этом не задумывалась, в Заречье все к этому привыкли, будто так и надо. Есть у наших людей дар, ну и есть. Но теперь понимаю, что это всё одно: озеро, поющая богиня и та сила, которой обладает Хозяин леса. А Совиная башня... Там не опасно?

Стжежимир нахмурился, ожидая разъяснений.

– Если Охотники сожгли её, то они не желают там никого видеть.

– Так будьте осторожны и не попадайтесь никому на глаза, – раздражённо произнёс целитель.

«Будьте».

Значит, Милош пойдёт вместе с ней.

– Ты закончила? Сколько можно возиться? – Стжежимир поднялся с кресла и подошёл к столу, чтобы проверить работу. – Ты посмотри, сколько грязи. Толочь надо усерднее, но аккуратнее. Дай покажу.

Ратиславия, Златоборск

На улице ещё не рассвело, когда Вячко нашёл Ярополка в покоях отца за столом, заваленным письмами и картами. Было свежо, ставни оказались распахнуты. За окном парил пред-рассветный сумрак. На столе горели свечи, а по углам комнаты клубилась тьма.

– Ты уже слышал? В Нижинском княжестве продолжаются нападения. Отряды Шибана сжигают деревни и...

Ярополк поднял голову, отрываясь от чтения.

– Конечно, слышал.

– Что будем делать?

– Ждать приказов отца. – Брат выглядел мрачным, уставшим, под глазами залегли тени. – В отличие от тебя, я не действую за спиной у Великого князя.

Вячко стерпел, промолчал.

– А пока?

– А пока ты мог бы заняться делом и вылезти из библиотеки, – огрызнулся Ярополк. – Мне пришлось посылать на старгородский тракт Горыню. Твоя дружина этого не одобрит.

– Раз на то пошло, ты сам велел мне разузнать про Змеиного царя. Чего ты ещё хочешь? Снежный князь скривился.

– Чтобы тебе самому это было нужно. В том-то и дело, что ты являешься только по моему приказу. Ну и сегодня... зачем пришёл?

Вячко замялся, понимая, что брат был прав. Но он пришёл по делу, пусть и далёкому от государственных.

– Ты говорил о записях Горяя. Мне хотелось бы их прочитать.

– С чего такой интерес?

Вячко не стал скрывать от брата правду. Он рассказал, что выяснил о найденном крылатом змее, о летописях и о ящерах-крадущих-солнце.

– Значит, эти дикари из-за Великого леса родом отсюда? – насторожился Ярополк. – Ведьма не сказала, хотят ли они вернуться на родину?

Вячко помотал головой.

– Как я понимаю, она сама с трудом сбежала из пещер. Её народ не способен находиться на солнечном свете, но ведь каждый стремится домой, разве нет?

– За дом надо уметь сражаться. Раз они потеряли свою землю, так больше не имеют на неё права. Хорошо, если солнечный свет на самом деле их убьёт. Хватит с нас рдзенцев и степняков.

Вячко промолчал, не зная, что сказать. Слова брата показались жестокими, но и поспорить с ними было трудно.

– Так что с записями Горяя?

Брат отцепил ключ от связки на поясе и вручил Вячко.

– Это от сундука, что стоит в моих покоях у самой постели. Но я могу и сам рассказать, о чём писал Горяй. Присаживайся. Может, поедем? Я ещё не завтракал.

Против трапезы Вячко не возражал, и Ярополк позвал холопа, велел ему принести завтрак на двоих.

Вместе братья расчистили стол от бумаг, сели. Вячко скрестил руки на груди, ёжась от холода. В покоях давно не топили.

– Как ты не задубел тут до смерти?

– Прохладный воздух бодрит и помогает лучше думать, – пожал плечами Ярополк. Он, верно, привык к лютomu морозу после долгих лет, проведённых на севере.

– Так что с Горяем?

– Помнишь, он время от времени брал нашу кровь? Когда мы были детьми, Горяй плёл для нас обереги, заверял, что наша кровь сделает их сильнее.

Вячко кивал и неохотно жевал кашу. С тех пор как он вернулся в столицу, все кушанья казались ему безвкусными, и часто он даже забывал поесть.

– Так вот, брехал Горяй, как голодная псина зимой. Он изучал нашу кровь: всех нас троих, Мечислава тоже.

– Потому что мы внуки Златы? – догадался Вячко.

Брат улыбнулся.

– Именно. А ещё потому что потомки Вышеслава. Он считал, что в нашем роду есть особая сила. Первородная, древняя, та, которой дышала земля в первые свои дни. Это он так написал, сам бы я такую ерунду не придумал.

– Быть может, это не ерунда, – задумчиво произнёс Вячко.

– Их смысл, может, и нет, а вот сами выражения... – Ярополк насмешливо улыбнулся, но лицо его оставалось усталым, мрачным, голубые глаза потухли.

– При чём тут Вышеслав?

– Смотри. – Ярополк откусил ломоть хлеба с куском солёной рыбы. – Вышеслав был первым князем в роду, о котором нам известно. Если верить былинe, то он женился на Старшей Сове.

– На ведьме, – рот у Вячко невольно дёрнулся от злости, и перед глазами встало бледное лицо с тёмными глазами.

– Ведьме, которая основала Совиную башню, – глаза Ярополка сверкнули. – Ведьме, которая правила духами в диком лесу. Никого не напоминает?

– Ну...

Прежде никогда Вячко не замечал ничего общего между былинной о Старшей Сове, князе Вышеславе и сказаниями о своей бабке. Злата жила совсем недавно, её помнили отец и Горыня, у неё учился Горяй. Вячко унаследовал её огненные волосы, Ярополк даже видел её в раннем детстве. Злата была настоящей. Но Вышеслав жил так давно, что никто не мог сказать, как он выглядел, никто не мог даже быть уверен, что он вправду существовал. Что уж говорить о Старшей Сове?

– Именно, – улыбнулся Ярополк, наблюдая, как вытянулось от удивления лицо Вячко. – Кажется, она тоже была лесной ведьмой.

– Погоди, но это же всё случилось в Рдзении. Откуда лесная ведьма могла там появиться?

– Кто знает, что было при Вышеславе? Это произошло несколько веков назад. Может, Великий лес тогда доходил до берегов Модры? Может, лесных ведьм раньше было больше? Горяй считал, что это всё связано. В нас течёт кровь Вышеслава, мы и рдзенские короли ведём род от одного предка. Но ещё любопытнее, что Горяй изучил кровь новой лесной ведьмы, и

оказалось, что у нас много похожего. Кровь – не водица, как говорится. – Гулкий его голос хрипло сорвался на смех.

– То есть? Мы родственники?

– Не дай бог, это было бы весьма печально. – Улыбка Ярополка помрачнела. – Дарина – лесная ведьма, как и наша бабка. Они носят силу, дарованную лешим. Горай написал, что если объединить силу Златы и Дарины, то выйдет нечто... особенное.

Вячко догадался, к чему клонил брат. Снежный князь был слишком упрям, чтобы отказываться от задуманного.

– Ты хочешь, чтобы она родила тебе ребёнка?

– И не одного. Это усилит наш род.

– Император не позволит. И конунг Гудрёд объявит тебе войну, если обидишь его дочь.

– Я пока не собираюсь жениться на Дарине. Отец узаконил тебя, я поступлю так же с нашим ребёнком. А потом – кто знает?

От этих слов Вячко скривился. Да, Великий князь признал его сыном, только каждый спешил напомнить ему, что он родился от безродной служанки.

– Значит, тебе узаконить детей кметки можно, а мне нельзя было жениться на Добраве? В груди заклокотало.

– Лесной ведьмы, а не кметки. Злату признали святой. Кто знает, кем станет Дарина?

«Ярополк не остановится ни перед чем».

– И что собираешься делать с этими детьми? Наплодишь войско чародеев и объявишь войну всем соседям?

– Ты непроходимо туп, – заявил Ярополк, на что Вячко только больше нахмурился. – Одними чародеями государство не защитишь. Посмотри, к чему это привело Рдзению. Нет, я хочу усилить княжеский род, объединить княжества под единым правителем. Знаешь, кого я вчера отправил в темницу? Боярина Рознега из Нижи. Он, оказывается, ещё весной продал свои земли и переехал в столицу. А знаешь, кто любовница Рознега? Рабыня из вольных городов. И весь прошлый месяц этот сукин сын уговаривал отца отправить мою дружину в Лисецк и оставить Снежный город без защиты. А вчера брат Рознега угрожал призвать своих людей – почти тысячу человек – обратно из ополчения, если я не освобожу предателя. И это, Вячко, происходит в военное время. Мне, князю, угрожает какой-то захудалый боярский род. А представь, что будет, если князь Чернек вдруг потребует у отца больше земель, раз он разрешил ему расположиться с ополчением в Лисецке? Или если сейчас старгородский князь Влоджемиз вступит в заговор с рдзенцами? У нас будет недостаточно людей, чтобы усмирить их. Нет, нужно покончить с посадниками и другими князьями. Ратиславией целиком должен управлять один род и один князь, с княжествами пора покончить.

Вячко всё ещё не понимал до конца ход его мыслей.

– И какой будет толк от нескольких чародеев в семье?

– А подумай, какой толк был от нашей бабки? Злата – святая, что в Ратиславии, что на Благословенных островах. Она смела войско Рдзении и заставила самого Императора признать её великой княгиней. Её боготворят, ей прощают даже чародейство, неугодное Создателю. Я сделаю то же с Дариной. Я устрою так, чтобы её почитали равно кметы и бояре. Может, тогда сам Император благословит наш брак. А даже если нет, она всё равно родит мне сыновей. Заполучив лесную ведьму в свой род, мы укрепим власть по всей Ратиславии, тогда никто больше не посягнёт на великое княжение.

«Кроме тебя самого», – подумал с недовольством Вячко.

Пусть он всегда знал, что ему не унаследовать престола в Златоборске и он должен быть рад просто оставаться сыном, а после братом Великого князя, но что-то грызло его изнутри, когда он слушал речи Ярополка.

Поганую зависть стоило гнать прочь. Ярополк был старшим из братьев. Отец считал его хорошим правителем, и Вячко не должен был даже помышлять о дурном.

– А если у вас не родятся чародеи? Мы хоть и внуки Златы, но колдовской силы у нас нет.

– Об этом у Горяя тоже есть записи. – Тень недовольства пробежала по лицу Снежного князя. – Он писал, что дед поборол Змеиноного царя благодаря своей особой крови и что она течёт в нас с древних времён. И нашего дядю, старшего сына Ярополка, прозвали Вещим не просто так. Значит, один из их сыновей всё-таки был чародеем.

– А ты не задумывался, почему бабка отеклась от лешего? – с ядовитым ликованием спросил Вячко. – Отчего признала Создателя, принесла его веру в Ратиславию?

– Потому что это было полезно для государства, – рассудил Ярополк. – Откажись она целиком и полностью от языческого прошлого, так отеклась бы и от чародейства, но между тем учеников она себе брала.

Вячко упрямо покачал головой. Ярополк усмехнулся.

– В народе любят Злату, полюбят и новую лесную ведьму, а именно это и важно – кого поддерживает народ.

– Скренорцев они ненавидят, но между тем ты притащил их в столицу. Представляешь, что начнётся, когда узнают, что ты отдал им Мёртвый город?

– А где ты ещё возьмёшь людей? Потому что нам их не хватает.

Вячко нахмурился и промолчал. Сказать ему было больше нечего, поэтому он забрал ключ от сундука и прошёл к двери.

– Вячко, – окликнул его брат. – Если хочешь помочь, подготовь всё к Ночи костров и договорись с Пресветлыми Братьями, чтобы не мешали празднику.

Порой Вячко не понимал, почему из всех братьев его считали самым безрассудным и безответственным. Ярополк решил отпраздновать языческий праздник в столице, хотя Ночь костров запретили много зим назад и разве что только старики помнили о былом порядке.

– Ты вправду собрался праздновать её? Пойдут пересуды, тебя заподозрят в язычестве.

– Достаточно того, что я каждый день кланяюсь солу в храме. – Лицо Ярополка походило на маску, и трудно было понять, что он чувствовал, во что и в кого на самом деле верил. – Пресветлые Братья не смогут защитить столицу, даже если каждый из них возьмёт топор в руки. Боги предков куда благодарнее, так почему бы не обратиться к ним за помощью?

Рдзения, Совин

За всё время, проведённое в Совине, Дара ни разу не видела Горицу довольной. Вот и теперь она сердилась, пытаясь отыскать соль.

– Константином-каменоломом клянусь, я её всегда оставляла на этой полке. Никто не брал? – грозно спросила она, ни к кому лично не обращаясь. На кухне не было никого, кроме Дары, но Горица старалась делать вид, что не замечала её.

Неприязнь их была взаимной.

Борщ у кухарки выходил на диво хороший, но Дара ела, сохраняя недовольное выражение лица назло Горице. Соль она не брала, но подозревала, что её украл домовый. Дух успел обжиться на новом месте, но остался не слишком доволен приёмом. Его миску с молоком убрали, а когда Дара намекнула, что домовому это не понравится, Горица высокомерно заявила, что духов в Совине не было и никогда не будет. Раскрывать правду не стоило, да и наблюдать за проказами домового оказалось весело. Дух принялся вредить кухарке всеми возможными способами, а свою спасительницу, наоборот, не трогал: она оставляла ему хлеба и мяса на ночь под лавкой.

Дара вышла с кухни и остановилась в растерянности, не зная, куда деться, когда услышала позади скрежет замка. С улицы в дом зашёл Милош. Вид у него был потерянный, уставший, но при встрече он улыбнулся, отчего на щеке появилась ямочка.

– Здравствуй, – негромко проговорила Дара.

– Вечер добрый, – отозвался он и подошёл чуть ближе. – Как занятия?

– Пока больше рассказываю я, чем твой учитель.

Улыбка у него вышла невесёлой.

– Знаешь, чему он научил меня в первую очередь?

Дара наклонила голову набок, и короткая коса коснулась её плеча.

Милош в задумчивости протянул руку, взял косичку и помахал кисточкой, щекоча кончиками волос щёку Дары.

– Тебе пора перестать носить косы. Рдзенские девушки в твоём возрасте так не делают.

– Я не рдзенка.

– Об этом лучше не кричать на улицах Совина.

Дара вздохнула, закатывая глаза.

– В этом все вы – рдзенцы. Никто у нас в Заречье не оскорблял тебя за то, что ты рдзенец.

– Радость моя, – промурлыкал он, – ты больше всех обзывала меня рдзенским псом и подлым гадом.

– Скажешь, ты не подлый гад?

Он склонился над ней. Пусть Дара и не была мала ростом, но Милошу всё же пришлось нагнуться, чтобы их глаза оказались напротив.

– В этом, душа моя, мы с тобой очень похожи. Одного поля ягоды, – прошептал он совсем рядом с её губами. Слова горчили, отравляли не хуже болиголова. – Пойдём, покажу тебе кое-что.

Он стал подниматься по лестнице, не оглянувшись, чтобы проверить, пошла ли она следом. Дара в сомнении посмотрела на спину чародея, но ноги уже понесли её наверх.

Милош провёл Дару в свою ложницу.

Девушка расправила плечи и гордо подняла голову, заходя внутрь. Было темно, и Милош поспешил куда-то к стене, щелчком пальцев зажёл свечу на маленьком столике. Дара обвела взглядом простые светлые стены и скромную кровать, кроме неё, было лишь с десятков книг на полках и большой сундук, где, пожалуй, хранилось немало щегольских нарядов, в которых любил покрасоваться Милош. Но кроме этого – ничего. Вот бы разочаровалась Ждана, считавшая, что нашла Весе богатого жениха.

Милош насмешливо улыбался, стоя у стены.

– И не страшно честной ратиславской девушке оставаться наедине со рдзенским змеем? – проговорил он с коварной улыбкой.

Дара посмотрела прямо ему в глаза с нескрываемым вызовом.

– Ты же сам сказал, что мы одного поля ягоды. Так, может, это тебе меня стоит опасаться?

– Что, замараешь мою юношескую добродетель?

Не выдержав, Дара прыснула от смеха.

– Если бы она у тебя была! Так что ты собирался показать? Надеюсь, не остатки этой своей добродетели.

Милош хмыкнул и достал с полки почти под самым потолком деревянный ларчик, многим меньше того, в котором хранилось некогда фарададьское чудо.

– Что это?

– Лойтурская поделка. Они умеют мастерить такие игрушки, которые сами поют песни. Но эта давно сломана, – пояснил юноша.

Он опустился на край постели, похлопал по покрывалу, приглашая сесть рядом. Дара села слишком близко, упрямо поджав губы. Если он рассчитывал, что она поведёт себя как скромная барышня и останется стоять в стороне, то ошибался.

– И зачем тебе этот сломанный ларец? – спросила она.

Милош поднял палец к потолку, призывая её к вниманию, а затем будто выбил дробь в воздухе и свёл пальцы вместе. Дара пригляделась и увидела сотканную из света нить, что протянулась от горящей свечи. Чародей обвязал ей ларец, и вдруг заиграла тихая мелодия.

Немой возглас сорвался с губ Дары. Звук шёл из ларца. Без музыкантов, без свирелей и гуслей играла песня.

– Как такое может быть?

– В чарах важно научиться распределять силу от одного к другому. Все заклятия требуют живой силы, и если не хватит источника...

– То заклятие заберёт твою собственную жизнь, – припомнила Дара. – Мне рассказывал об этом один чародей. Но я о другом: как может сама по себе играть музыка? Что это за заклятие?

Милош засмеялся, и зелёные глаза его стали ещё ярче обычного.

– Это не заклятие, а наука. Лойтурцы способны на многое. Этот ларец сломан, но с помощью чар я заставляю его работать.

– Я слышала, что они башковитые, но чтоб настолько! – восхитилась Дара. – И это всё может работать без чар? Если его починить?

– Да, – подтвердил Милош и вдруг резким движением порвал нить между ларцом и свечой. – А теперь попробуй сама.

Дара посмотрела на него почти испуганно. Она творила колдовство и куда более мощное, чем это, но каждый раз оно выходило само собой, и ей не приходилось задумываться, откуда идёт сила. Когда же она пыталась сплести тонкое заклятие, то получалось это всегда плохо, хотя она приноровилась чинить защитную сеть в Великом лесу.

– Боишься? – прошептал совсем рядом Милош, расплываясь в довольной улыбке.

– Нисколько, – с вызовом ответила Дара и вместо того, чтобы забрать ларец, наклонилась чуть вперёд.

– Тогда давай, покажи, что умеешь. – Он взял её ладонь и положил поверх деревянной крышки. – Тяни силу от свечи.

Дара улыбнулась с притворным самодовольством, но внутри неё всё переворачивалось и ухало, как если бы она кубарем катилась с крутого холма. Она повернулась к свече, потянулась рукой, попыталась ухватить нить света, и тогда Милош провёл губами по её щеке, коснулся языком уголка губ.

Ларец заиграл, тут же закашлял, подавившись простенькой песней, и замолк.

Вдруг дверь приоткрылась, в щель просунул голову Ежи.

– Милош, мне надо с тобой поговорить.

Чародей подскочил на ноги.

– Ежи, – выдавил он хрипло и проговорил чуть раздражённо: – Слушай, давай попозже.

Руки у Дары дрожали.

– Я пойду. – Голос сделался ей не послушен.

Дара не увидела лица Милоша, чтобы понять, жалел ли он об её уходе или нет. Трусливо она выскочила из комнаты и после весь вечер злилась на себя за побег. Она показала Милошу свою слабость, призналась, что была бессильна против него, против его обаяния и ласки.

И это после всего, что между ними случилось.

Потерянная, разбитая, Дара вернулась на кухню. В большой печи, что грела своим теплом и кормила всех в доме, потух огонь. От одного простого заклятия.

Глава 3

Рдзения, Совин

Месяц листопад

Город был пустым, серым. Каменные стены нависали над узкими улочками, днём по мостовой текли помои и талая вода, а к закату всё это замерзало, и прохожие падали на лёду, ломая руки и ноги. Последнему были очень рады местные лекари, которых в Совине жило немало: почти все они приехали с Благословенных островов после Хмельной ночи, когда чародеев не стало и возрос спрос на обычных целителей. Целители в основном жили на улице Подмастерьев, там лавочек, в которых продавали мази и порошки, было так много, что с улицы шёл резкий запах трав, серы и почему-то коровьего навоза. Речной пронизывающий ветер разносил во все стороны смрад. В Златоборске пахло не лучше: так же скотиной, потом, железом, мясом, гарью, хлебом, навозом и борщом. Но тот город казался живым, и запахи его пусть резали нос, но тоже были живыми, яркими, наполненными цветами и звуками.

Совин давно умер.

Покрытый снегом и льдом, в нахлобученной сверху шапке серых облаков, наводнённый людьми, кутавшимися в тёплые одежды, он всегда был многолюден. Но никого, кроме людей, в столице не было. Не сверкали золотыми светлячками сердца навых духов, не перешёптывались ветра между собой, не щебетали воды.

Столица была величественной и пугающей. Она взирала сверху, с самих макушек замковых башен, на огромное своё раскинувшееся по берегу Модры тело, и Дара боялась поднять глаза к замку, боялась встретиться взглядом с чудищем, что возвышалось над ней. Город прогнал всех тварей Нави и сам обратился в огромное каменное чудище, и чем дальше забредала Дара по его улочкам, тем плотнее Совин сжимал когти вокруг, точно норовил раздавить, зажать между домами.

Когда-то это казалось Даре невиданной роскошью: построить целый город из камня. Теперь это пугало: в Совине она будто оглохла. Вода, земля, небо – всё вокруг молчало, всё вокруг было неживым и сливалось в одно пятно.

Несколько седмиц Вороны не давали о себе знать, но минувшим вечером Дара нашла бересту на кухонном столе. Красивым почерком были написаны всего два предложения:

«Дом троутосца Михала на Кривой улице. Завтра утром». Потеряться в большом городе оказалось в разы легче, чем в самом глухом буреломе. Даре пришлось не раз и не два спрашивать дорогу у прохожих. Горожане, заслышав её ратиславский говор, смотрели с презрением, отвечали неохотно, как от настырной собаки отмахивались.

– Грёбанные ратиславцы. – Один старик плюнул ей под ноги. – Ничего тебе не скажу, курва. Убейся лучше из Совина!

Дара сжала пальцы, с трудом сдерживая рвущиеся наружу чары. Она не должна колдовать. Ей придётся быть осторожной, терпеть оскорбления и унижения. Ещё наступит её время. Она придумает, как защитить себя и сестру от Охотников, от Хозяина леса, от любого, кто теперь имел над ней власть. Но пока что она должна была терпеть.

В итоге её провёл мальчишка лет десяти.

– Тата говорит, что все ратиславцы ерикотики.

– Котики? – Дара удивлённо вскинула брови.

– Не, ерикотики. – Мальчишка посмотрел на неё как на дуру. – Это плохо. Ну, вы не любите Создателя, и за это вас надо сжечь. Это называется ерикотики.

Дара споткнулась и наступила в лужу, брызги полетели в разные стороны.

– Сжечь? Нас?! – Она отряхнула подол и сложила руки на груди, скорчив сердитую мину. – Зачем ты тогда мне помогаешь, если я ерикотик?

Мальчишка поковырял пальцем в носу, разглядывая Дару, съел козявку, обсосав грязный палец, и что-то решил для себя.

– Не, ты вроде ничего, не похожа на ерикотика, больше на троутоску.

– А ты их много видел?

– Видимо, побольше твоего, – важно вздёрнув нос к небу, заявил мальчишка и пошёл дальше. – Вот, это дом троутосца, только ты с ним осторожней...

Они остановились у старого высокого здания, серого, будто бы безжизненного. Печная труба покосилась, ставни были крепко закрыты на всех окнах, а тропинка к крыльцу замечена снегом. Никто, кажется, давно не выходил из дома на улицу – снегопад прошёл два дня назад.

– Почему нужно быть осторожней?

– Ну, – мальчика хлопнул носом, – он вредный, гоняет всех мальчишек и бьёт клюкой. А ещё мама говорит, что он пропил даже собственную душу.

Поведя бровью, Дара сделала шаг к дому Михала. Что ж, вряд ли бы честный человек связался с Воронами. Другое дело – отчаявшийся пропойца.

– Спасибо. – Она посмотрела через плечо на мальчишку.

– Ага. – Он снова хлопнул носом. – Бывай, не ерикотик.

Дождавшись, чтобы мальчишка ушёл, Дара подошла к двери, постучала, и из груди невольно вырвался глубокий вздох. Зачем она это делала? Какая из неё знатная барышня? Какая из неё супруга принца? Она всего лишь девчонка с мельницы.

Из-за двери послышались шаркающие шаги.

– Кто?

Как она могла представиться? Посланицей оборотней? Ученицей королевского целителя?

– Дарина, – глухо произнесла девушка.

Дверь распахнул небритый черноволосый мужчина, оглядел Дару с головы до ног.

– От этих? – на неё дохнуло перегаром.

– От Чернавы, – кивнула она. Мышцы свело. Почему она так переживала? Почему так отчаянно не желала переступить порог? Точно вся её суть сопротивлялась новой игре, новой лжи, на этот раз слишком опасной. Она никогда ещё не шла против государей. Она убегала от них.

– Заходи.

Порог остался за спиной, дверь закрылась с громким хлопком.

Михал, громко шаркая, ступал за Дарой, и она с трудом сдерживалась, чтобы не обернуться.

Огонь в большом, чёрном от копоти камине не горел. В доме было не многим теплее, чем на улице. Ветер задувал по углам. Сквозь щели в ставнях проглядывал дневной свет, и видно было, как пыль взлетала в воздух от каждого движения.

На деревянном кресле громоздилась куча тряпья. Она зашевелилась, как только Дара подошла ближе. Чёрные глаза выглянули из-под шерстяного одеяла.

– Наконец-то.

Тряпки полетели на пол. Чернава стряхнула с себя всё, кроме серого одеяла, обмоталась им, выпрямилась и приняла столь внушительный вид, точно была облачена в шубу из горностая. Плечи женщины оголились, растрёпанные с проседью волосы Чернава поправила рукой.

– Ты жива, – вырвалось у Дары с облегчением. В глаза бросился свежий шрам на левом плече.

– Охотникам меня просто так не достать, – ухмыльнулась ведьма. – Уж сколько раз пытались. – Она оглянулась на хозяина дома. – Михал, зажги огонь.

Хозяин не сдвинулся с места.

– Чего ты ждёшь? – недовольно переспросила Чернава.

– Сначала заплати за дрова.

Чернава вскинула бровь, и глаза её загорелись золотым ведьмовским пламенем.

– Кажется, плату ты получил более чем достаточную, Михал.

– Вы заплатили за моё имя и происхождение, а не за то, чтобы я прислуживал.

Наблюдая за перепалкой, Дара старалась не шевелиться. Сколько оскорблений сможет вытерпеть Чернава? После каких слов или действий она заставит Михала расплатиться?

Не пришлось долго ждать ответа. Чернава даже пальцем не пошевелила. Лицо мужчины исказила гримаса, он вдруг схватился за голову, упал на колени.

– Хватит!

Лёгкая улыбка коснулась губ Чернавы.

– Михал, ты влачишь убогое существование. – Она повела длинными пальцами, и мужчина покатился по полу, держась за голову. – И ты сдохнешь в нищете, если мы тебе не поможем. – Легко играя с нитями заклęcia, Чернава развязала узлы. Мужчина поднял голову, лицо его опухло, глаза покраснели и налились кровью. – А мы не будем помогать тебе, Михал, и тем более платить, если ты продолжишь дерзить и не подчиняться нашим приказам. Ясно?!

Лёгкий кивок, опущенный пристыженный взгляд. Михал утёр нос и поднялся с пола, сгорбившись, ещё более жалкий, чем прежде. Он ушёл, хромая и шаркая драными ботинками.

– Затопи камин, Михал! – крикнула ему вслед Чернава.

Из-за стены послышалась возня.

Дара огляделась по сторонам. Всё вокруг было такое грязное, что даже присесть на лавку она побрезговала.

– Как тебе твой новый отец? – ехидно спросила Чернава.

– Этот? – Дара оглянулась на дверь. – Этот человек притворится моим отцом? – Она не сдержала презрения.

– Михал знатного рода, он готов за определённую плату признать тебя своей дочерью. Так ты сможешь войти в круг общения принца. Не сразу, но сможешь. Думаю, связи Милоша нам тоже пригодятся. Как думаешь, получится уговорить его помочь?

Из груди Дары вырвался тяжёлый вздох. Когда она согласилась стать Вороном, то даже не подозревала, что они задумали. Ей нужна была помощь, чтобы спастись от Хозяина леса, а в итоге она угодила в новую беду.

Как бы теперь избавиться от Воронов?

– Неужели ты не понимаешь, что у нас ничего не получится? Никто не поверит, что я знатная госпожа.

– Господица, – поправила её Чернава. – В Рдзении принято говорить «господица» о знатной незамужней девушке. Тебе стоит это запомнить.

– Всё равно. Мне в жизни не стать женой принца.

– Доверься мне, Дара. Я знаю, что делать.

– Неужели кто-то поверит, что это дом знатного человека?

– Нищего, но по-прежнему знатного. – Чернава пожала плечами, и одеяло спало с груди, она натянула его обратно. – Среди приближённых короля сила крови и древность рода ценятся куда больше, чем красота, ум или способности. Ты можешь быть лучше их всех вместе взятых, но без должного происхождения не будешь никогда считаться им равней.

Дочку мельника и вправду нельзя было назвать ровней князю или королю. Даре это, может, и казалось странным, но не таким уж и обидным. Так было всегда заведено.

– Но ты хочешь, чтобы я вышла замуж за принца?

– А ты – нет? Кто не хочет стать королевой?

В растерянности Дара помотала головой, не соглашаясь, но и не отрицая. Наверное, каждая девушка мечтала править целым государством, носить лучшие наряды и драгоценности, жить в огромном неприступном замке. Вряд ли королеве стоило чего-либо бояться. Куда бы Дара ни пошла, везде её поджидали враги. Верно, потому Злата и стала княгиней: чтобы иметь власть над другими.

– Не беспокойся. Ты мало ещё знаешь о том, как всё устроено в Совине, но поверь, тебе понравится при дворе. – Чернава поднялась с кресла. Она двигалась легко, так изящно, точно по полу за ней тащилось не старое одеяло, а меховая мантия.

– Я не представляю, что нужно будет делать и как себя вести. – Дара теребила рукава рубахи, раздирая вышивку. Самой себе девушка вдруг показалась нелепой.

– Для этого есть я, – Чернава коснулась лица Дары кончиками пальцев, заправила прядь волос за ухо, и Дарина едва сдержалась, чтобы не отстраниться. – Я научу тебя всему: как говорить, как одеваться, как держать себя. Начни с простого: представляйся господиней, так положено называть незамужнюю девушку из благородной семьи. И нам стоит придумать тебе новое имя, – Чернава прищурилась, разглядывая её придирчиво.

– Чем тебе не угодило моё имя?

– Ты успела наделать шуму в Златоборске. Наверняка слухи о лесной ведьме рано или поздно долетят и до Совинской знати. К тому же благородный человек из Империи не назвал бы свою дочь Дариной. Может, Хеленой или Зофьей?

Дара поморщилась. Эти имена совсем ей не подходили. Они были властными, величественными и изящными одновременно. Имя Дарины рычало и царапало еловыми иглами кожу до самой крови.

– Мне нравится моё имя.

– Оно твоё второе, правильно? Первое, истинное всё равно знаешь только ты и твои родители.

Да, настоящее имя, как и второе, дала её мать, которую звали так же, как эту женщину. Мать, которая тоже некогда была чародейкой Совиной башни.

Черты лица, тёмные глаза, поджатые упрямые губы, даже эта морщина между бровей – Чернава была слишком похожа и слишком непохожа на дочку мельника. Она могла быть просто ещё одной чародейкой башни, но даже от одной мысли, что она являлась той самой Черновой из Великого леса, Даре становилось тошно, и прикосновения обжигали, как раскалённая кочерга.

Слова резкие и горькие были готовы сорваться с губ, Дара почти приняла решение, когда по дому разнёсся грохот. В дверь постучали.

– Кто там ещё? – Чернава прищурилась, в миг оказалась у порога, выглянула из-за угла. – Михал, открой, – прошептала она. – Но не вздумай никому о нас говорить.

– Я похож на дурака?

– Очень.

В Даре нечто мгновенно переменилось, она действовала не задумываясь, доверившись собственным чувствам. Она приставила лавку к окну, приоткрыла ставни, готовая сбежать из дома, если понадобится.

– Да озарит Создатель твой путь! – послышалось от входной двери.

– Да не... кхе-кхех! – голос Михала сорвался, и Дару пробрал озноб. Она не могла видеть никого сквозь стену, но неведомым образом догадалась, кто стоял на пороге.

– Господин, ты...

Как Дара ни напрягала слух, больше ничего расслышать не смогла. Она обернулась на Чернаву, та застыла на месте, выпучив глаза. Черты лица обострились, нос показался огромным, точно клюв, и она вдруг напугала всем своим видом Драгана – хищная птица, что вот-вот вопьётся когтями в жертву.

– ... Видели чародея... – донёсся голос от двери.

– Нет! – рявкнул Михал. – Никаких чародеев. Это нет, вообще нет, господин Охотник. Я дома сижу, никуда не хожу.

Дару пробил дрожь. Девушка облокотилась о подоконник, пытаясь устоять на ногах.

Снова неразборчивая речь. О чём они говорили? Мог ли Михал знаком или словом выдать Дару и Чернаву? Мог ли он намекнуть Охотнику, что прямо в этом доме скрывались ведьмы?

Хлопнула дверь.

Огромной тенью Чернава пролетела по залу, оказалась у окна.

– Он не стучится в соседние дома.

– Что?

Чернава вцепилась в подоконник длинными тонкими, точно когти, пальцами, оскалилась.

– Он пришёл сюда намеренно. Он не искал чародея, он знал, что мы здесь. Нельзя дать ему уйти.

– Постой!

Дара вцепилась в одеяло, оно осталось в её руках. Створки ставней распахнулись. Чернава взлетела на подоконник, прыгнула нагая на землю. Охотник успел только обернуться, как рука чародейки прочертила линию.

Мужчина упал, серый плащ взвился и накрыл его с головой. Охотник забарахтался, путаясь в собственной одежде, попробовал подняться. Чернава уже оказалась рядом.

Дара залезла на подоконник, высунулась из окна.

– Стой! Нас заметят! – Лихорадочно она огляделась по сторонам. Окна в соседних домах были темны, никто не слышал криков.

Хрип. Тело Охотника забило в судорогах. Чернава стояла над ним обнажённая, безжалостная. Лицо её скривилось, жёлтые зубы ощерились в оскале, ветер развеивал чёрные волосы, и когтистые руки Ворона изогнулись в страшной жуткой пляске. Пальцы, нити, снег и тьма.

– А! – Чернава вскрикнула, вдруг изогнувшись, выпячивая обнажённую грудь. По телу её прошла судорога, на лбу выступила испарина.

Охотник больше не шевелился. Брезгливо пальцами ноги Чернава откинула плащ с его лица, медленно оглянулась на Дару. Глаза женщины стали совсем чёрными, черты лица смягчились. Она улыбалась блаженно, как если бы испытала невероятное наслаждение.

– Нужно, – прохрипела она. – Спрятать.

Слабой, безвольной рукой она поманила к себе Дару, и та перелезла через подоконник. Ноги подгибались, когда она приближалась к телу. Глаза бегали по сторонам. Кто-нибудь их заметил? Кто?

– Ты нас погубишь, – прошипела Дара.

– Хватай за ноги, – Чернава улыбнулась пьяно, с издёвкой. Ей был смешон чужой страх. – Я за руки. Ох, тяжёлый, курва...

Кряхтя от натуги, они протащили Охотника к крыльцу, Дара со всей дури начала бить кулаками в дверь. Михал открыл не сразу. Он был сердит и мрачен, но лицо его мгновенно вытянулось от удивления. Кажется, он сразу протрезвел.

– Создатель! Что вы...

– В сторону! – гаркнула Чернава.

Вдвоём с Дарой они втащили Охотника в дом, Михал поспешно захлопнул за ними дверь.

– Что ты натворила, ведьма?! – Одутловатое красное лицо перекошилось от ужаса, губы мужчины задрожали.

– Спасла твою бестолковую жизнь. Охотник понял, что ты врёшь. Он бы вернулся позже с подкреплением и забрал тебя на рудники на Холодную Гору.

Молча Дара обхватила себя руками. Всё повторялось. Они снова убили Охотника. Его смерть не могла остаться незамеченной. За ними придут.

– Его будут искать, – проговорила она негромко.

За ними придут. Запалят костры.

Чернава оглянулась через плечо. Она по-прежнему оставалась обнажена, но, кажется, ничуть этого не стыдилась, напротив, держалась ещё величественнее, чем прежде. Её немолодое дряблое тело показалось неожиданно совершенным, таким сильным и прекрасным, что нельзя было не позавидовать её красоте.

– Его обязательно найдут... где-нибудь в канаве с несколькими ножевыми ранениями. В Совине достаточно самых отчаянных подонков, которые даже Охотников не побоятся ради наживы.

Дрожь не проходила. Дара обнимала себя руками, пытаясь побороть озноб. К горлу подступил ком.

Михал схватился за голову, заметался от двери к противоположной стене. Туда-обратно.

За ними придут. За ними придут.

Туда-обратно.

Охотник был мёртв. Мёртв. Этого не исправить.

Туда-обратно.

За ними придут.

– Если ты будешь такой жалкой и слабой трусихой, Дарина, то однажды тоже окажешься в канаве, – процедила Чернава. – Михал, принеси простыню или мешок. Нужно спрятать тело. Дарина, помоги...

За ними придут.

– Дарина!

– Не называй меня так! – она сорвалась на визг, отскочила к стене. – Не называй меня по имени. Ты...

Чернава была слишком на неё похожа. До ужаса, до отвращения, до тошноты.

– Не называй меня по имени.

Перед завтраком Стжежимир вдруг вспомнил, что у него был ученик.

– Эй, ты, – он заглянул на кухню и ткнул в Милоша пальцем, – за мной.

В мастерской ещё не горел огонь. Вид у Стжежимира был сонный, учитель даже не накинул свой любимый бидьярский халат поверх ночной рубашки.

– Ты сегодня собирался к Чаславу Лисице?

– Сразу после завтрака.

– Тогда слушай.

Милош готов был весь обратиться в слух, но Стжежимир упёрся руками в колени, нахмурился и замолчал. И он молчал. Долго. Шевелились брови, точно мохнатые гусеницы, кривился рот, пальцы стучали по коленям, но сам Стжежимир не произнёс ни слова. Милош устал ждать, но он знал, что торопить учителя не стоило. Любое неосторожное слово могло вывести его из себя.

– Значит, так, – Учитель хлопнул себя по коленям. – Мне нужен принц Карл.

– В каком смысле?

Стжежимир взглянул на него, испепеляя взглядом.

– Я не умею читать мысли, учитель. Было бы неплохо, если бы ты объяснил...

– Мне нужно, чтобы ты втёрся к нему в доверие, – Стжежимир вдруг покачал головой, устало вздыхая. – Поверить не могу, что ввязываюсь в это.

– О чём речь?

– На, – Старик схватил с рабочего стола свёрнутую бересту и кинул Милошу, он потянулся вперёд, поймал. – Читай.

Неохотно Милош развернул бересту. Если дело касалось принца Карла, то он бы предпочёл вовсе ничего не знать.

Мелким витиеватым почерком была исписана вся береста. Милош подошёл к окну, чтобы лучше разглядеть, прочитал один раз, не поверил своим глазам и перечитал ещё дважды.

– Дару?! – вырвалось у него, наконец. – Дару?! – Ничего другого он сказать не смог, от возмущения и удивления язык у него заплетался. – Она же... она же...

– Это не я придумал, – взмахнул руками Стжежимир. – Но леший знает, вдруг что получится? К тому же чем ближе мы будем к королю, тем лучше.

– Дара в жизни не сможет притвориться знатной госпожой. От неё воняет кметами.

– Значит, отмоем.

Милош с презрением бросил бересту обратно на стол. Вороны решили выдать Дару замуж за Карла. Дару! За принца! В жизни он не слышал ничего безумнее.

– Тебе самому эта затея кажется глупой, – внутри всё скручивалось, выворачивалось наизнанку.

– Послушай, я согласен, что это немыслимая глупость, – кивнул Стжежимир. – И я знаю наверняка, что у Воронов ничего не получится. Но, во-первых, нам нужно сохранять видимость дружбы с Чернавой и Здиславой. Они должны верить, что мы работаем вместе.

– А во-вторых?

– В некотором смысле в их затее есть здравый смысл. Я мог бы устроить...

Стжежимир отвернулся к окну, сцепил пальцы рук.

– Я бы давно мог устроить в замке свою Хмельную ночь. Король и вся его семья верят мне: они пьют, что я скажу, едят, что я скажу. Но... если королевский род исчезнет, мы с тобой не выиграем от этого. К власти тут же придёт кто-нибудь из членов Совета, или Лойтурия пришлёт своих наместников. Для нас с тобой ничего не изменится.

– Дара – королева? – Милош вскинул брови.

– Карл легко поддаётся любым заклятиям, ты сам знаешь. Мы можем воздействовать на его разум.

– Король не позволит.

– Король стар. Ему недолго осталось, – Стжежимир постучал пальцами по подлокотнику. – Да и с Карлом лучше поспешить. Его время тоже истекает.

– Что?

Учитель выглядел раздосадованным.

– Это всё Чернава, – произнёс он неохотно. – Она прокляла королевский род. Никто из детей короля не доживёт до двадцати лет, любой его потомок тоже. В ближайшее время род

короля прервётся, так что некому будет править, кроме жены Карла. Понимаешь, почему так важно, чтобы будущие наследники были чародеями или хотя бы нашими союзниками?

– И ты хочешь, чтобы это была Дара? – фыркнул Милош.

– Это дурная затея, но послушай... Мы не можем сменить власть одной только силой. Нужно действовать хитростью, искать разные пути. Один из них пусть будет безумным, а пока Вороны отвлеклись, мы найдём другой.

– Это какой же?

– Отведи Дару к Совиной башне. Поищите там исток, о котором она говорила. А если его не осталось, то добейся дружбы принца. Сделай так, чтобы Часлав свёл вас.

– Карлу никогда на свете не приглянется кметка.

– Ты и сам прекрасно знаешь, как легко повлиять на мысли Карла. К тому же разве ты не смог бы научить Дару, как соблазнить его?

Какая же немыслимая дурь!

Милош поджал губы.

– Мало раздвинуть ноги перед принцем. Никто не примет безродную девку в королевскую семью, – процедил он сквозь зубы.

Учитель не стал спорить.

– На это я не надеюсь. Но сам вспомни, как часто байстрюки захватывали власть? Так почему бы не посадить на рдзенский престол сына ведьмы? Мы должны испробовать всё, что можем, Милош. Нам нужно придумать десятки и десятки путей, чтобы возродить Совиную башню. Наверное, только один из этих путей окажется верным, а быть может, его вовсе не существует. Скорее всего, рано или поздно нас раскроют и казнят.

– Что ж, в таком случае подберу наряд покрасивее для встречи с Охотниками. Хочу выглядеть шикарно, когда меня сожгут на городской площади.

Ежи всегда чувствовал себя на людной улице чуть спокойнее. Когда вокруг находилось много незнакомцев, то никому не было до него дела.

После рассветной службы мать обычно отправляла Ежи на рынок, и он испытывал особое умиротворение, покупая репу и лук, торгуясь из-за мешка муки и выбирая свежую рыбу на прилавке. Для торговцев он был всего лишь ещё одним кухонным мальчишкой, которых отправляли за покупками богатые горожане. Ежи на время становился безликим, незаметным, и вряд ли хоть кто-то задерживал на нём взгляд дольше, чем на те короткие мгновения, пока он расплачивался за покупки.

Но в то утро что-то пошло не так. Нет, конечно, Ежи всегда был боязливым и даже излишне осторожным, он и сам об этом знал. Он часто не мог заснуть из-за беспокойства, лицо его покрывалось пятнами от страха, пару раз у него даже начиналась горячка просто из-за дурных мыслей. Стжежимир советовал ему пить ромашковый отвар и «меньше думать». Но в то утро действительно что-то пошло не так.

Ежи был готов поклясться, что он не ошибался. Обычно он вообще редко обращал внимание на других людей, но ратиславцев он теперь узнавал везде и повсюду, а эти ратиславцы

были высокими бородами громилами с такими яростными глазами, какие бывают у бешеных быков. И они смотрели прямо на Ежи.

В первый раз они столкнулись у прилавка с репой. Мужики стояли прямо напротив и не сводили с Ежи глаз.

– Вам помочь? – спросил Ежи.

– Чё? – вопрос выдал мужика с головой. Рдзенец бы скорее спросил «шо?»

– Репу выбрать нужно помочь?

– Не, не, мы не жрём репу, – мужики переглянулись и пошли дальше по ряду, и Ежи бы забыл их, но заметил снова меньше чем через лучину у другого лотка. Можно было, конечно, поверить, что они, как и Ежи, выбирали нитки и иголки, но ни один из ратиславцев даже пальцем к товару не притронулся.

Если бы Ежи мог, он бы закричал от ужаса на всю торговую площадь. Но если бы он закричал, так пришлось бы потом рассказывать всем, что с ним приключилось минувшим летом в Ратиславии, и тогда его бы побили уже рдзенцы.

«Они за мной? Или за Милошем? Или за...»

Конечно, они пришли за лесной ведьмой. От бессильной злобы Ежи едва слышно застонал. От Дарины были одни беды. Если бы только он знал, как от неё избавиться.

Поспешно выбрав иголки и совсем забыв про нитки, Ежи перехватил поудобнее корзину и поспешил уйти с Торговой площади. Он хорошо знал город и мог попытаться запутать ратиславцев, если бы им пришлось в голову его преследовать.

Сначала Ежи направился к уличным музыкантам, там всегда собиралось много зевак. Юноша втиснулся в толпу, расталкивая всех корзиной. Дальше к мясному ряду, где среди повозок, ящиков и бесперебойного стука мясницких ножей легко было затеряться. К корчме, где круглый день гулял народ. Никто не попытался остановить Ежи, когда он вышел через чёрный ход.

А дальше со всех ног до улицы Королевских мастеров. Ежи бежал без оглядки, задержался только на мгновение, чтобы выглянуть из-за угла, проверить, не последовали ли за ним ратиславцы. И снова бегом до самого дома.

Он остановился только у идола Пшемыслава Толстяка. Каменная морда поприветствовала его пустым равнодушным взглядом, Ежи потрепал её по затылку, постоял, пытаясь отдышаться. От дома Пшемыслава уже хорошо видно было родное крыльцо, а на нём стояла Весняна. На лице Ежи сама собой расплылась широкая улыбка. Веся тоже улыбнулась и помахала ему. Ежи уже вскинул руку, чтобы помахать в ответ, когда заметил невысокого мужчину в кожаном дублете. Незнакомец на ходу обернулся к Весе, послал игриво воздушный поцелуй.

– Бывай, красавица! – выкрикнул он на редкость противным голосом.

Ежи застыл на мгновение и смущённо опустил руку. Это мужчине в дублете Веся махала, ему улыбалась.

Незнакомец прошёл мимо Ежи, и тот наконец смог его разглядеть. Нос вздёрнутый, веснушчатый, улыбка от уха до уха, а между зубов щель.

«Вот урод».

Только когда незнакомец в дорогом дублете скрылся за поворотом, Веся заметила Ежи.

– О, ты уже вернулся! Иди скорее домой, холодно же.

«Однако ты готова была помёрзнуть, чтобы построить глазки этому щербатому уроду».

– Это кто такой был? – спросил недовольно Ежи.

– Земляк мой. Представляешь? Случайно познакомились. Ростислав спросил, как дойти до Торговой площади, а я...

– Ростислав? – переспросил Ежи.

– Да, а что? – Глаза Веси горели от радости, и от этого Ежи только больше разозлился.

– Дурацкое имя какое-то.

– Уж точно лучше, чем Ежи. Это что вообще за имя?

– Имперское, между прочим, – вспыхнул юноша.

Он уже понял, что всё испортил. Веся обиженно фыркнула и зашла в дом. Ежи уже хотел пойти следом, когда его вдруг осенило.

Ратиславец. Ещё один ратиславец, который совершенно случайно прошёл мимо их дома и совершенно случайно заговорил с Весей. Ежи взбежал на крыльцо и оглянулся по сторонам, но заметил только старую служанку соседей, которая покосилась на него как на умалишённого.

Ежи захлопнул дверь и прижался к ней спиной.

Кажется, за ними следили.

– Милош! – Он бросил корзину у порога и взбежал вверх по лестнице. В спальне друга не оказалось, в мастерской Стжежимира тоже. Ежи заглянул в последнюю очередь на кухню. Друг сидел там. – Милош, нужно срочно поговорить.

– Ты корзинку не потерял? – перебила его мать. – Мне нужна репа.

– А... а, да, сейчас.

Когда Ежи выложил все покупки на стол, Милош как раз закончил завтракать.

– О чём ты хотел поговорить?

– А, это, – Ежи опасливо оглянулся на Веся и мать. Не стоило беспокоить женщин, им лучше было оставаться в неведении. – Да это просто... потом, – он округлил глаза и всем своим видом показал, что разговор был важный, но не для чужих ушей.

Милош кивнул и поднялся из-за стола.

– Радость моя, всё было очень вкусно, – он чмокнул Горицу в щёку и прошёл мимо Веси, щёлкнул её по носу и подмигнул. Девушка залилась краской.

Ежи поспешил за другом. Когда они остались вдвоём в спальне Милоша, получилось наконец рассказать обо всём, что случилось за утро.

– Не слишком ли много ратиславцев? – от волнения у Ежи горели щёки.

Слегка хмурясь, Милош открыл ларец и принялся примерять по очереди перстни, выбирая, какие лучше подходили к его зелёному наряду.

– Может, и много. Но зачем мы им нужны?

– Разве лесная ведьма не скрывается от кого-то из Ратиславии? Они могли за ней прийти. И непонятно, что им нужно. Они хотят убить её? Или похитить? Если второе, то мы могли бы отдать им Дарину. Я сам готов её в мешок запихать.

Не сдержав смеха, Милош помотал головой.

– Подожди, она пока нужна Стжежимиру, – он открыл сундук и достал три пояса, каждый украшенный камнями. – Какой больше подойдёт?

– Этот, наверное, – Ежи ткнул наугад в первый пояс. – Милош, у меня к тебе просьба...

– Да? – друг вскинул бровь. – А я думаю, что лучше этот, – он наконец выбрал пояс. – Больше подойдёт по цвету.

– Я хотел спросить...

Из сундука Милош достал маленькое дутое зеркало.

– Подержи, – он сунул его в руки Ежи и попытался разглядеть свой наряд в отражении, повязав выбранный пояс. – Так что ты хотел спросить?

– В общем, – Ежи от растерянности опустил зеркало, и Милош недовольно поправил его руки, заставляя поднять их выше. – Когда я был на Трёх Холмах, то нашёл там чародея.

Наконец-то Милош отвлёкся от созерцания своего отражения.

– На Трёх Холмах? Чародея? Как ты его узнал? Он колдовал?

– Он давно умер.

Между бровей у Милоша пролегла морщина.

– То есть не умер. Он проклят. Его зовут Войцех, во время битвы на Холмах он получил какое-то проклятие и теперь он мёртв, но как бы нет... он дал мне Совиный оберег, – Ежи

вытащил из-под рубахи знак башни. – И попросил найти других чародеев, чтобы подарить ему покой.

Милош потянулся к оберегу, но на полпути его рука замерла. Он сделал шаг назад, точно боялся обжечься.

– Мне сейчас не до Трёх Холмов, Ежи, – он забрал зеркало и положил обратно в сундук. – У нас есть важные дела здесь, в Совине. Покидать город в ближайшее время я не планирую, и без того слишком многое упустил.

– Но, Войцех...

– Ежи, это какой-то давно проклятый, как ты говоришь мёртвый чародей. Почему мне должно быть до него дело?

– Он ведь один из ваших. Разве ты не хочешь ему помочь?

– Мне бы сначала помочь живым.

– Если бы ты попросил Стжежимира... – надежда уже почти потухла в груди Ежи.

– Ему точно не до мёртвых чародеев с Трёх Холмов.

– Но...

Милош похлопал Ежи по плечу, но взгляд задержался на Совином обереге на груди, и трудно было понять, что почувствовал при этом Милош. Он никогда не рассказывал о своём детстве, Ежи не был уверен, что друг вообще помнил жизнь до Стжежимира. В конце концов, он был совсем ребёнком, когда случилась Хмельная ночь.

– Прости, может, потом когда-нибудь, когда это всё утрясётся, – Милош открыл дверь, собираясь выйти. – И не переживай по поводу ратиславцев. Их всегда было много в городе, просто ты не обращал внимания. Мы отвыкли от столицы, пока сидели в деревне, но скоро всё станет по-прежнему.

Он ушёл, и Ежи остался один. Ему стоило спуститься на кухню и помочь матери, но совсем не было желания ни работать, ни тем более находиться рядом с Весняной, и он выглянул из окна, провожая печальным взглядом Милоша, который пошёл по улице к Огненному переулку. На улице Королевских мастеров было шумно. Портниха из «Шёлкового шлейфа» ругалась с извозчиком, какой-то мальчишка малевал углём усы каменному идолу, а Пшемыслав Толстяк кричал на него из окна. Кажется, всё было по-прежнему, но раньше Ежи не чувствовал себя настолько лишним в родном доме.

– Ах ты курва! Только мне попадись! – Пшемыслав вылил из окна ночной горшок.

Мальчишка бросил уголь на землю и отпрыгнул в сторону. Содержимое горшка попало на здорового мужика, проходившего мимо.

– Урою, сука! – выругался он по-ратиславски.

Ежи упал на пол, пытаясь скрыться. Вряд ли его успели заметить, но это было уже не важно. Он узнал этого ратиславца. Ошибки быть не могло. Под окнами стоял тот самый мужик с Торговой площади. Значит, Ежи оказался прав. За ними следили.

– Милош, сукин ты сын! – Часлав вскинул кубок, и вино едва не забрызгало его бархатный дублет. – Где тебя носило? – он выпил залпом, всучил кубок первой попавшейся девке и заключил Милоша в объятия.

Лютня играла пронзительно громко, а юноши в позолоченных полупрозрачных нарядах пели столь томно, что Милош едва смог сосредоточиться на словах Часлава. Видеть его морду было так же противно, как и полгода назад, но Милош улыбнулся очаровательно, приобнял его за плечи.

– Кня-ажич, – протянул он развязно. – Да ты соскучился, я смотрю?

Часлав провёл залитой вином рукой по волосам, заправил пряди за уши, чтобы лучше было видно золотые серьги.

– Не ожидал, что без тебя придётся хуже, чем с тобой.

– Не с кем пить?

– Пить всегда есть с кем, – поморщился княжич. – Не со всеми так весело.

Они слишком долго смотрели друг другу в глаза, Милош едва сдержался, чтобы не скривиться от отвращения.

– Долго там миловаться будете? – послышалось от стены.

В стороне сидели товарищи Часлава. Пьяные, красные от вина и уставшие от внимания девушек и парней, они развалились на подушках, некоторые уже спали. Милош не стал ждать приглашения, он прошёл в середину, вырвал из-под чьей-то головы подушку и сел на неё.

– Рад видеть, что ты не меняешься, – Часлав рухнул в объятия полуобнажённой девушки, положил голову ей на грудь и прикрыл глаза. – Где тебя носило?

– На Благословенных островах, учился целительству.

– Вылечи Премыслу запор, а то он вечно сидит с таким видом, будто седмицу просрать не может, – проговорил Часлав, довольно улыбаясь, пока девушка ласково перебирала пряди его волос.

Если бы толстяк Премысл не покраснел от стыда, Милош бы даже не догадался, что речь шла о нём. Товарищей Часлава запомнить было сложно: они мало говорили, все они, даже силач Вацлав, боялись прогневать Часлава, никто из них не был так же знатен, каждый желал подлизаться к сыну советника, и Милош был в их числе, иначе разве стал бы он терпеть его тупость и самовлюблённость?

В Дом наслаждений госпожи Франчески Милош тоже пришёл не просто так. Полгода он провёл вне столицы, потерял слишком много времени, слишком много связей. И если остальными можно было пожертвовать, если на место прежних друзей Милош мог легко найти новых, то с Чаславом у него существовала особенная связь, и потерять её было бы огромной ошибкой.

И Милош закурил, обсасывая мундштук, дожидаясь, пока друзья Часлава напьются до такого состояния, что перестанут понимать человеческую речь.

– Как наши дела, Часлав? – спросил он, когда Вацлав наконец заснул.

– Дела-а? – Княжич скосил глаза и издал звук, похожий на мурчание, когда девушка почесала его за ухом.

– Меня давно не было. Наверное, многое изменилось.

– Обязательно сейчас?

– А когда ещё? Если хочешь, зайду к тебе в западное крыло.

Часлав недовольно поморщился и приподнялся, махнул девушке рукой, чтобы отошла, внимательно посмотрел на друзей, убедился, что они крепко спали, прежде чем заговорить.

– Всё прекрасно, – проговорил он негромко. – Я притащил туда пару человек, они подтянули своих знакомых. В общем, всё пошло по нарастающей.

– Сколько?

– Достаточно.

– Сколько? – настойчивее повторил Милош.

Прищурившись, Часлав скривил веснушчатый нос.

– Милош, дружище, ты исчез без всякого предупреждения.

С первых слов всё стало ясно, и Милош замер, сдерживая рвущуюся ярость. Курва.

Алчная поганая курва!

– Мне всё пришлось решать самому. Всю работу я взвалил на свои плечи, – надув губы, как капризный ребёнок, Часлав скорчил жалобную мину.

– Я договорился обо всём с Фэн Е, – Милош опустил взгляд на свои руки. Он знал, что глаза его горели злобой, и только голос звучал мягко и вкрадчиво.

«Однажды я напою тебя допьяна, Часлав, и ты, сволочь, уже не проснёшься».

Говорили, что во время Хмельной ночи именно отец Часлава добивал выживших. Отравленные чародеи пытались выбраться из пиршественного зала, а Болеслав Лисица закалывал их ножом.

Он был пьян и повторял без остановки:

– Из них вылетит бес, если наделать побольше дырок. Вылетит бес, нужно просто больше дырок!

После ребяг в Совине придумала считалку:

– Чародея режь ножом,
тыкай прямо под ребро.
Вышла кровь, с ней выйдет бес.
Зубы щерит, хоп – исчез!
Ты скорей его лови,
всё равно тебе водить!²

И Милош убегал от воды со всех ног, убегал, пока не научился притворяться, что ему не страшно.

«Чародея режь ножом».

Нет, ему вовсе не страшно. Ему весело, ему смешно представлять, как будет корчиться чародей, если проткнуть его ножом десять, двадцать, тридцать раз.

Спустя годы Милош научился изображать веселье так искусно, что сам в него поверил. Он научился улыбаться тем, кого ненавидел всей душой, научился обнимать их, даже целовать.

Он улыбнулся и на этот раз.

– Так и быть, хитрый ты гадёныш, – произнёс он, качая головой. – Ты прав. На тебе было много работы, и ты заслужил эти деньги.

Часлав пьяно улыбнулся, потянулся рукой к кубку, случайно толкнул его, расплескав вино на ковёр.

– У нас теперь всегдалюдно. Народ не самый богатый, но его много. По вечерам яблоку негде упасть. Короче, дело идёт хорошо.

– Но мы могли бы заработать ещё больше.

Глаза у княжича были пьяные, взгляд мутный.

– Это как же?

– Нам нужно меньше людей, Часлав. Но те, кто приходит, должны быть лучшими.

– То есть?

Тупой звериный взгляд. Серые маленькие глаза. Лисица напился до того, что с трудом стал соображать.

– Нам нужны лучшие люди в столице, Часлав, – вкрадчиво произнёс Милош. – Такие, за которыми вслед придут богачи, готовые оставить нам кучу золота. Мы должны пригласить к себе принца Карла.

² Прокопьева Полина.

Глава 4

*Потому что снег летит
вертикально вверх,
Потому что не будет выше,
смелее, слаще.*

«Об устройстве небесного свода», Мельница

Рдзения, Совин

Месяц листопад

Дару разбудил негромкий стук. Она была рада, что прервался тяжёлый сон. Каждую ночь она просыпалась в холодном поту: воспоминания о лесе мучили её, но даже они были лучше тех, в которых виделась родная мельница и Старый Барсук.

Совин не принял её так же, как до этого не принял Златоборск. Даре оказалась противна жизнь в городе. Каменный лабиринт улиц выглядел холодным и бездушным. Зима задувала в каждую щель, морозила до самых костей. Большая печь плохо грела короткими зимними днями, а ещё хуже – долгими ночами. Дара хотела бы чаще оставаться на кухне, ближе к очагу, но Стжежимир часто отправлял её на улицы города слушать разговоры торговцев, наблюдать за совинскими госпожицами и привыкать походить на них во всём, хотя Даре казалось, что ничем, кроме платья, рдзенцы от ратиславцев и не отличались, шипели разве что как змеи, когда говорили.

Но Стжежимир учил её совершенно бесполезным вещам: троутоскому языку, молитвам, походке, даже разговору. Ему казалось, что Дарина всё делала неправильно.

«Так совинские госпожицы себя не ведут».

Дара не хотела быть совинской госпожницей. Она хотела вернуться домой и избавиться от власти лешего, Мораны, Воронов и Охотников – ото всех, кто мешал спокойно жить. Но это было невозможно, и поэтому приходилось заучивать троутоские слова, ходить на рассветную и закатную службы в храм и вышивать рдзенские знаки на поясе.

Направляясь в Совин, Дара мечтала научиться управлять чародейской силой, стать сильнее, но с каждым днём она чувствовала себя всё слабее и отчаяннее. Она почти не разговаривала с сестрой, редко видела Милоша, а все остальные в доме относились к ней с презрением. Дара дурно спала и просыпалась от любого шороха.

Как и той ночью.

Её разбудил стук. Дара присела на лавке. Стук повторился. Был он странный, как если бы кто-то бил остриём ножа по дереву. Дара оглянулась на сестру, но Веся крепко спала.

Снова стук. Он доносился от оконного проёма.

Дара поднялась, кутаясь в шерстяное одеяло и пошла на звук, приоткрыла ставни, на улице всё ещё было темно, и сквозь мутный бычий пузырь удалось разглядеть лишь чёрную тень. Та шевельнулась, и рядом с окном – прямо в раму – снова постучали. А в следующий миг взметнулось чёрное пятно.

Птица.

Дара обернулась, проверяя, не проснулась ли сестра.

В доме было тихо.

Дара прокралась к лестнице, укрываясь одеялом. Ступени едва слышно закрипели. Наверху, где располагались ложницы, не горел свет. Ещё выше, на чердак можно было забраться только по приставной лестнице. Там оказалось на удивление тепло и светло: под растянутым навесом из бычьего пузыря пылал в стеклянном шаре огонь, оберегавший от холода растущие в деревянной кадке травы: Стжежимир с помощью чар заставлял их расти круглый год.

– Дай одеяло, – раздался хриплый, будто каркающий голос из угла.

Сжавшись и прикрываясь руками, на старом сундуке сидела Чернава. Стыда от собственной наготы она не испытывала, но дрожала от холода, и Дара неохотно отдала ей одеяло, оставаясь в одной рубашке. Она подошла ближе к навесу с травами, от которого шло тепло, села у кадки, облокотившись спиной.

Чернава закуталась и прошла к Даре, опустилась рядом. Чёрные глаза беспокойно бегали из стороны в сторону.

– Как тебе в Совине?

– Пусто и холодно.

– В Ратиславии зимы куда морознее.

Дара недовольно передёрнула плечами.

– Ты пришла о погоде поговорить?

Черты лица Чернавы обострились.

– Михал мёртв, – проговорила она резко. – И это даже к лучшему. Ты заберёшь документы из его дома и пойдёшь к голове города, потребуешь своё наследство: дом, титул и всё, что причитается.

– Мёртв? Что случилось?

Голые плечи вздрогнули. Чернава обхватила себя руками, пытаясь согреться. Уголки её губ опустились.

– Допустим, я убила его.

– Что?!

– Тише, разбудишь всех в доме, – Чернава присела на край кадки, нахохлилась. – Михал вчера ходил в храм. Он был пьян вдрызг и умолял Пресветлого Брата о прощении грехов, каялся в алчности и даже ляпнул что-то про ведьм. Если хоть одна живая душа догадается о нашем существовании...

Сердце сжалось от страха, и капли жалости к Михалу тут же испарились.

– Пресветлый Брат понял, о чём речь? Михал назвал наши имена?

– Здислава не разобрала весь их разговор, но точно услышала слово «ведьма» несколько раз. Мы не могли ждать, пока он кому-нибудь проболтается. Если этот тупица однажды уже раскрыл рот, так и во второй раз мог что-то ляпнуть.

Страх перед Охотниками, перед неминуемой смертью немного затих, и Дара испытала ужас при одной только мысли, как легко Вороны разделялись с теми, кто был им неуютен.

– Значит, мне больше не нужно будет притворяться дочерью Михала?

– Наоборот, ты теперь его осиротевшая дочь. Так даже лучше. Отец-пропойца создал бы о тебе дурное впечатление в высших кругах. Но одинокая знатная девушка – это совсем другое дело. Кстати...

Чернава протянула руку, касаясь волос Дары, и та сначала хотела отпрянуть, но заставила себя остаться на месте и выдержать чужое прикосновение.

– Твои волосы не годятся для дворянки, – задумчиво произнесла Чернава. – Погоди...

Она вдруг вздрогнула, зашипела, прикусывая губу, и сильнее ухватила за косу Дары.

– Что с тобой?! – воскликнула девушка, но неожиданно сама пошатнулась и не упала только потому, что удержалась за край кадки.

Лицо Чернавы посерело, а лоб покрылся испариной. Одеяло выпало из разжавшихся пальцев. И неожиданно волосы Дары будто ожили, поползли чёрными змеями вниз по плечам, груди и животу. Потух свет, и стало совсем темно. Девушка в испуге схватилась за распутавшиеся косы и только тогда поняла, что те отросли и стали, как прежде, длинными.

Чернава подобрала непослушными руками одеяло с пола, прикрыла голое тело.

Блекло мигал над кадкой свет, медленно разгораясь обратно.

Дара с удивлением разглядывала свои волосы.

– Спасибо, – проговорила она.

– Не меня благодари, – срывающимся голосом сказала Чернава. – А мышшь, что пряталась в углу, и эти растения, – махнула она рукой в сторону кадки. – Это они отдали свои силы ради твоей красоты.

Дара нагнулась, но не смогла ничего разглядеть в полумраке, тогда она приподняла бычий пузырь.

Травы пожухли, словно побитые морозом. Верно, мышшь постигла та же участь.

– Ты творишь страшные чары, – по коже пробежали мурашки, словно сама смерть поцеловала её в лоб. Дара хотела сказать, что она не желала забирать чужие жизни ради заклятий, что она не желала иметь ничего общего с Вороными, но тут же вспомнила, как ловко Чернава одолела Охотников своим колдовством.

Стжежимир учил Дару ходить, молиться, говорить, но совсем не учил колдовать. В городе, полном Охотников, у лесной ведьмы не было никакой защиты, кроме лжи.

– Научишь тому, что ты сделала в Гняздеце? И что это было? Они корчились от боли и умирали, хотя ты их даже пальцем не тронула.

Чернава осталась довольна вопросом. Подтянув одеяло, она уселась поудобнее:

– В Совиной башне у меня был прекрасный учитель, его звали Станислав Дремота. Он умел насыпать морок на десятки людей и заставлял их видеть грёзы наяву. Говорят, он даже умел читать мысли. Но меня он научил проникать в человеческие души и ломать их изнутри. Это я и сделала тогда с Охотниками.

– А остальное? Ты умеешь читать мысли?

Улыбка Чернавы вышла мечтательной. Серебряная прядь волос упала на глаза, и она отвела её тонкими пальцами. Старость уже коснулась её рук и шеи, смуглого лица и чёрных волос, но и теперь она была красива. Изнеможена и печальна, но красива, как увядающий летний день.

– Станислав как-то сказал, что во мне слишком много ярости и слишком мало нежности, чтобы дарить грёзы и проникать в мысли. Он считал, что мне место на поле боя, а не среди совета Башни.

– Так ты была в бою? На Трёх Холмах? – с замиранием сердца спросила Дара. Сколько сказок складывали о том сражении, сколько небылиц придумывали о немислимых чарах, что творили чародеи в той битве. Дара и подумать не могла, что однажды, может, встретит кого-нибудь, кто был там на самом деле и видел всё своими глазами.

– Нет, Белун не отпустил меня, – Взгляд Чернавы прояснился и сделался таким чистым, как если бы всё горе минувших лет упало с её плеч и рассыпалось в прах. – Боялся за меня. И вот я здесь, а он...

– Белун?

– Мой муж, – губы дёрнулись, и растаяла улыбка. – Он... в отличие от меня он тогда пошёл на королевский пир. Мне опять повезло. – Она горько улыбнулась. – Помню, я была так расстроена. Вся Совиная башня отправилась на праздник к королю, а я осталась помогать Станиславу...

– Ты говоришь о Хмельной ночи?

Чернава кивнула.

– Они напоили их и заперли двери, чтобы никто не сбежал. А потом зарезали всех, кто смог пережить яд... я так и не нашла Белуна. Их всех скинули в одну яму... я пыталась, искала, но...

– Ты любила его?

– Как же иначе? – горько усмехнулась Чернава. – У нас не принято было заключать договорные браки. Мы, чародейки, вольны делать что хотим и любить кого хотим. Это манило нас всех в Совиную башню, особенно девушек. Мы не желали жить как простые девки, бояться родительского слова и порицания людей. Мы были сами себе хозяйки.

Взгляд её устремился в пустоту, куда-то в тёмный угол чердака.

– Конечно, – вздох прозвучал удивительно громко в ночной тишине. – Конечно, я любила Белуна.

– А после него ты когда-нибудь любила?

Чернава взглянула на Дару в сомнении, будто заподозрив неладное.

– К чему этот разговор? – хмыкнула она. – Есть дела поважнее. Я должна тебе сказать, что Морене понравился наш дар в Гняздеце, – Дара не сразу поняла, что Чернава имела в виду убитых Охотников. – Меня научили одной хитрости, но исполнить это придётся тебе. Сходи завтра ночью на кладбище и набери могильной земли, пройди под городской стеной от кладбища по Мёртвой улице до Рыбацких ворот, а за собой оставляй след из могильной земли. И когда с тобой заговорит первый встречный, то отдай его Морене.

Слова ведьмы пугали и путали, и Дара не сразу нашла, что сказать.

– Зачем это всё?

– Узнаешь, если сделаешь всё правильно.

– Как я должна отдать Морене человека?

– Так же, как отдала ей Охотника, – улынулась Чернава и потрепала Дару холодной рукой по щеке. Было мерзко, и хотелось отбросить руку прочь. – Не бойся, ведьма с мельницы. Брови у Дары сошлись на переносице.

– Так не пойдёт, – отрезала она и поднялась, чтобы посмотреть на Чернаву сверху вниз. – Хочешь, чтобы я всё исполняла, слепо верила тебе и Здиславе, но объяснять ничего не собираешься? Я не люблю загадок и чужих приказов. Говори, зачем я должна это сделать?

Почему-то Чернава снова улыбнулась.

– Морена желает сломать защиту города, – призналась она. – Под Совином много подземных ходов, мы впустим в них духов.

У Дары перехватило дыхание. Она ушла в Совин, чтобы скрыться за его стенами от тварей Нави, а проклятые оборотни и их богиня желали всё разрушить.

– Нет, я на это не согласна.

– Нельзя спорить с Мореной, – голос у Чернавы изменился, в нём послышался страх, прежде не заметный. Даже когда их окружили Охотники, она казалась смелой, отчаянной.

– Отчего же нельзя? Лешего я до сих пор избегаю, буду избегать и вашу Морану. Ей не достать меня в Совине, – зло отрезала Дара.

– Хозяин Леса не имеет власти там, где царит камень и человек, но сила Морены в другом. Дарина, – Чернава ухватила её за руку, – Дарина, её сила в твоей крови. Если ты попробуешь сопротивляться, она убьёт тебя.

– Пусть попробует достать за стенами Совина. Скажи, зачем мне вообще теперь ей служить?

– Чтобы изгнать Охотников...

Дара старалась не думать о шраме на лице Веси, о спалённой хате в Гняздеце, обо всех жителях деревни, что погибли после.

– Стжежимир живёт в Совине много лет, и его не трогают. И он тоже хочет избавиться от Охотников, только для этого ему не нужна никакая богиня.

Чернава вцепилась ногтями в руку Дары так сильно, что та зашипела от боли.

– Стжежимир всю жизнь, словно крыса, прячется по углам, – смуглое лицо исказилось, и огромным, как клюв, показался нос. – Ты не сможешь скрываться вечно.

– Стжежимир теперь мой учитель, и я буду жить, как он, а поклоняться какой-то богине смерти не собираюсь. Да, я согласилась от отчаяния, но теперь, когда у меня есть выбор... хватит! – вскрикнула Дара и вырвала руку. – Улетай прочь и больше не показывайся. Ты ведь... ты ведь так уже однажды сделала, да?!

Из глаз Дары брызнули слёзы.

Чернава попятилась.

– Кто тебе сказал? Драган?

Дара бросила обвинение наугад, сама не веря, что попала в цель. Но теперь Чернава не смогла бы отречься от собственных слов.

– Значит, это правда?

Густым и вязким показалось молчание. Наконец, Чернава ответила:

– Я... – голос прозвучал хрипло, болезненно. – Не вини меня. Я никогда не хотела иметь детей. Мне просто нужно было заключить договор с лешим.

– Договор?!

Дара вытерла мокрое лицо ладонью. Чернава сделала шаг к ней навстречу, но девушка отшатнулась прочь.

– Я для тебя – договор? Моя жизнь – договор?!

– Дарина, не принимай это близко к сердцу. Я была в отчаянии. Я бы пожертвовала чем угодно и кем угодно, чтобы отомстить, а ты... да я даже не знала тебя. Я выпила зелье для успешного зачатия и напоила им Молчана, чтобы наверняка получилось с первого раза. Мне было всё равно, кто родится. Просто младенец. Я знала, что лешему нужна новая лесная ведьма...

– Что ты получила взамен?

– Дарина...

– Что ты получила?!

Губы Чернавы дёрнулись, тёмные злые глаза сверкнули из-под ресниц.

– Силу. Хозяин позволил мне напиться из источника. Почти год я была такой же сильной, как лесные ведьмы.

– И что ты сделала с этой силой?

– Прокляла королевский род. Потомки короля все будут слабы телом и разумом и умрут в юном возрасте, – она не смогла сдержать полоумной улыбки. – После я наслала чуму на Совин, и тогда умерли тысячи и тысячи этих жалких неблагодарных сволочей, которые радовались, когда чародеев сжигали на кострах. А ещё я защитила Гняздец от чужаков так, что никто, не обладавший даром, не смог приблизиться.

– Но Охотники всё-таки нашли Гняздец...

Лицо Чернавы было непроницаемым. Дара догадалась без слов:

– Это ты привела Охотников.

– Мне нужно было подтолкнуть тебя. Ты не понимала всей опасности, ты до сих пор не понимаешь, что мы должны держаться вместе. Есть мы, а есть весь остальной мир, и он враждебен к нам. Дарина, пойми, что бы между нами ни случилось, мы должны...

– Уходи прочь, – всхлипнула Дара и прорычала с рождающейся яростью: – Уходи, пока не поздно.

– Дарина, я всё это сделала ради чародеев.

– Продала свою дочь, чтобы убить побольше людей? Это ты сделала ради чародеев?

– Я не продала тебя. Я сделала тебя самой могущественной ведьмой на свете! И в конце концов, я оставила тебя не в лесу, а с родным отцом. Разве тебе было там плохо?

– Уходи!

На кончиках пальцев сверкнуло золото.

– Или хочешь, чтобы я принесла жертву Моране прямо сейчас? Так я сделаю это с удовольствием. Уж не принимай это близко к сердцу.

Чернава отступила назад, испуганная, ошарашенная. Она не сказала больше ни слова, сбросила на пол одеяло, обернулась вороном и вылетела прочь в окошко под самой крышей.

Слёзы застилали Даре глаза. Спотыкаясь, хватаясь за перила, чтобы не упасть, она спустилась по лестнице.

У Дары почти получилось поверить, что Чернава ей чужая, просто случайная встреча. Она хотела в это поверить, хотела ошибиться. Так было бы легче. Так было бы не так больно.

Всю жизнь она мучилась одним вопросом: почему? Почему её оставили?

Лучше бы она никогда не узнавала ответа.

Темнота зарябила, и голос раздался в тишине:

– Что случилось?

Милош развернул её к себе лицом.

– Ты плачешь?

– Неважно. – Дара попыталась освободиться, но он и сам отпустил её.

– Что случилось?

Шмыгая носом, Дара упорно молчала. К счастью, он не стал настаивать и добиваться правды, как ни в чём не бывало вдруг сказал:

– Стжежимир хочет, чтобы мы пошли к Совиной башне. Собирайся.

Дара опешила.

– Сейчас? Ночью?

– Всё равно мы не спим. Ночь ничуть не хуже дня, может, и лучше. В темноте легче остаться незамеченными. И я уже всё равно не хочу спать.

– Я всех разбудила?

– Стжежимира, скорее всего, нет. Он спит как сурок, – ответил Милош. – А вот Горица устроит нам втык за ночные похождения, – Даре показалось, что он подмигнул, но она не смогла точно разобрать в темноте.

Ей хотелось остаться одной, но в доме целителя это было невозможно, и Дара рассудила, что тогда лучше вовсе уйти подальше, пусть даже с Милошем. Так будет легче не думать.

– Мне нужно одеться.

– Мне тоже. Встретимся у входа.

И он быстро, почти неслышно поднялся по лестнице. Дара вернулась на кухню. К её счастью, Веся всегда спала так крепко, что её не мог разбудить ни храп Барсука, ни гул работающей мельницы.

На улицу Дара вышла, не дожидаясь Милоша, и осторожно прикрыла за собой дверь.

Медленно на землю, на крыши и на ступени крыльца опускался снег. В этот час на улице Королевских мастеров было тихо, безлюдно, только каменная морда у дома Пшемислава Толстяка хмуро смотрела в пустоту. Дара покосилась на идола с опаской. Он был бездушным истуканом, но от одного его взгляда пробирала оторопь. Каменное изваяние невольно заставило вспомнить о домовинах на границе Великого леса. У них не было лиц, но они внушали тот же ужасающий трепет.

Позади чуть скрипнула дверь.

– У тебя отросли волосы, – Милош коснулся её растрёпанных кос, провёл ладонью по спине, но больше ни о чём не спросил и принял случившееся как данность. Верно, чародея таким сложно было удивить. – Пошли, – шепнул на ухо Милош. – Хотя я бы предпочёл полететь.

– Так, может...

– А потом будем бегать по развалинам голышом? М-м-м, может, в следующий раз, в более тёплую ночь.

Он хорошо знал родной город. Милош двигался легко и спокойно, Дару же пугала путаница улиц и мрачные тени высоких стен. Она привыкла к полупустым деревенским дорогам и крохотным резным избам, к ярким теремам Златоборска и широким его площадям, где пахло деревом и смолой, где под ногами лежали земля или дерево, а не камень и лёд.

И в Совине ей всегда было холодно. Рдзенские девушки носили зимой лёгкие, на взгляд ратиславки, накидки вместо тёплых тулупов, кожаные сапоги вместо валенок. Дара в рдзенской одежде промёрзла, казалось, до самых костей и удивлялась, что Веся была всем довольна.

– Это улица называется Звериной тропой, – прошептал Милош. Ночью любой звук разносился далеко. – Звериная тропа ведёт от ворот до Забытого переулка.

Верно, когда-то, очень давно, здесь и вправду пролегалла звериная тропа. В те времена, что на берегу Модры стоял Великий лес, а озеро горело золотом, звери и духи ходили этим путём, пока люди не построили Совиную башню.

– Ты бывал там прежде? – негромко спросила Дара. Всю дорогу она настороженно оглядывалась по сторонам и старалась держаться поближе к Милошу.

– Давно.

Он свернул направо, и Дара последовала за ним.

– Это за стенами города?

– Нет.

Она заметила, как вдруг напрягся Милош, как внимательно стал смотреть по сторонам.

Угадать поворот, что вёл к Совиной башне, оказалось несложно.

За низкими домами, стоявшими в этой части города, не виднелось других крыш, но не было и крепостной стены. И кроме того, дальше не виднелось ни единого огонька. Честные люди не ходили к чародейским развалинам.

У самого поворота на стене, отделявшей Совиную башню от остального города, висел горящий пламенник, но свет его не мог прогнать тьму, что клубилась дальше в проходе.

Милош взял Дару за руку и прибавил шагу, нырнул в темноту, утягивая за собой.

– Там кто-нибудь бывает?

– Нет. Охотники не пойдут без повода к башне.

– Ты уверен, что за нами не следили? – Дара оглянулась через плечо и увидела на удивление ясно, как над пламенником кружили, тая, снежинки.

– Уверен.

Почему-то Даре не пришло в голову сомневаться в его словах.

Стоило им свернуть с городских улиц, как всё вокруг окутала тьма. Тогда Милош достал из-за пазухи небольшой хрусталь, похожий на ледышку, и тот засиял, освещая им путь. Дара переплела их пальцы. Руки Милоша были ледяными, но он единственный казался настоящим. Весь остальной город утонул в зимней ночи.

Каждый следующий шаг давался Милошу всё сложнее. Со времён Хмельной ночи он всю жизнь избегал развалин Совиной башни.

Только однажды он пришёл туда вместе со Стжежимиром, когда тот помог ему обратиться соколом. Было тепло, тихо и на удивление мирно, как бывает, наверное, весенним днём на кладбище. Пусть и было всё вокруг мертво, но Милош не ожидал зла от обгорелых скелетов домов и разрушенных стен башни, теперь едва различимой среди развалин.

Но после, обращаясь соколом, он всегда издали наблюдал, как порастали травой и деревьями старые камни. Никогда больше он не приближался к бывшему своему дому. Да и воспоминания его размыло время, и теперь Милош не мог сказать, где именно стоял их с родите-

лями дом. Был ли он далеко от озера или нет? Как часто в детстве Милош бегал к подножью башни, чтобы попытаться разглядеть её верхушку?

Спустя почти семнадцать лет он не мог узнать ни одной тропы, ни одной стены, ни одного дерева.

Милош злился на себя за проявленную жалость. Какое ему дело до слёз лесной ведьмы, до горя той, кто его проклял? Но между тем он повёл её к Совиной башне, надеясь, что Дара позабудет о своих бедах.

Зато он вспомнил о своих.

Порой Милош размышлял, почему никто не вернулся отомстить. Его учили скрывать свои мысли и чувства, и он прекрасно овладел искусством лицемерия и лжи. К чему врать, ему нравилась жизнь среди богатой знатной молодёжи, нравилось их веселье и распутство, но порой он смотрел на своих товарищей или, что хуже, на их надменных родителей, которые измазали руки по локоть в крови его семьи, соседей и товарищей по играм, и тогда он задавался вопросом: почему никто не убил их всех? Почему никто не отомстил дворянам и Охотникам за их преступления? Неужели не нашлось ни одного чародея, которому хватило бы на это сил и отваги?

Впрочем, он сам был не лучше. Вот он, благородный дурак – утешал девушку, проклявшую его.

Наконец из-за деревьев показались останки сгоревших домов. Совиная башня теперь больше походила на кладбище, но вместо могил вокруг неё стояли сгоревшие здания, каждое – как надгробный камень в память о том, кто раньше там жил.

Милош оглянулся и с досадой подумал, что на тропе остались видны следы. На их удачу, снег шёл всё сильнее, замывая дорогу.

– Ты знаешь, где озеро? – спросила Дара.

Милош вынул из-за пазухи хрусталь и зажёл свет. Дальше вряд ли имело смысл скрываться. Вокруг было безлюдно. Он повёл Дару к Совиной башне, хотя и сам смутно помнил дорогу. С высоты птичьего полёта всё казалось иным.

– Ты представляешь, что мы можем здесь найти? – раздался за спиной голос Дары.

Оглядевшись вокруг, Милош с обрушившимся разочарованием признал:

– Ничего.

– То есть?

Он остановился.

– Я не думаю, что Охотники оставили хоть что-нибудь. Они обычно тщательно выполняют свою работу, а на эту у них было много лет.

– Неужели Стжежимир этого не знает?

– Конечно, знает.

Дара догнала его. Бледное лицо её было мертвенно-синим в свете чародейского хрусталя.

– Быть того не может! – с жаром воскликнула она. – Стжежимир отправил тебя за лесной ведьмой, велел мне искать силу здесь, у башни, и всё зря? Должно что-то быть, и Стжежимир об этом точно знает.

Некоторое время Милош молчал, смотрел в её горящие возмущением глаза.

– Даже если мы найдём эту силу, то как она нам поможет? Ты готова к войне? – испытующе спросил он, предвкушая уже, как быстро, как трусливо испарится огонь из её тёмных глаз. – Настоящей войне, Дара, потому что Охотники не уйдут просто так. А нас всего трое, Вороны не в счёт, мы не можем им доверять, – он печально улыбнулся.

Дара ответила не сразу.

– Нет... Я не хочу, но... я запуталась, Милош. Всем от меня что-то нужно, а я просто хочу перестать бояться.

Она сказала это так устало и отчаянно, так по-человечески. Порой легко было забыть, что она всего лишь девчонка с мельницы.

– Послушай, я знаю, что у тебя есть какие-то договорённости с Вороными, – Милош с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза от одной только мысли о Даре на престоле. – Ты слишком упряма...

«И глупа».

– ... чтобы рассказать мне, поэтому даже спрашивать не буду. Но рассуди сама: какова вероятность, что у нас всё получится? Нас всего пятеро, между нами нет доверия, и мы быстрее переубиваем друг друга, чем преуспеем в деле. Действуя в лоб, мы точно погибнем.

– Тогда что ты предлагаешь делать? – нахмурилась Дара.

– Мы должны втереться в круг доверия короля и действовать уже через него.

– Как именно?

– Управлять им: заколдовать и подчинить нашей власти, или стравить всю знать друг против друга, столкнуть их лбами и позволить грызться, пока никого не останется, – он сжал кулаки, впился ногтями в ладони. – И когда они уничтожат друг друга, придём уже мы, и будет новая власть, наша, чародеев.

– Вороны хотят посадить на трон чародея, – вдруг произнесла Дара.

– Что? – Милош блестяще изобразил удивление. – О чём ты?

Она закатила глаза.

– Это была задумка Воронов: чтобы я соблазнила Карла и родила от него наследника. Мне пришлось согласиться, я ведь была в отчаянии, я бы на что угодно согласилась, чтобы оказаться в Совине, – Милош был готов поклясться, что Даре хотелось его ударить. – Но сегодня я сказала Воронам, чтобы они оставили меня в покое. Ты, наверное, прав. Я не хочу так жить, я хочу просто... перестать бояться. Пойми, я с детства жила в страхе, что леший меня заберёт. А потом появился ты, и всё так закрутилось... теперь мне нельзя вернуться в Заречье, леший не простит предательства. Наверное...

Милош не понимал всего, о чём она говорила, и не знал, расскажет ли Дара, если он спросит. Ему, в общем-то, это было не важно.

– Идём, – он снова взял её за руку.

Дара послушно пошла следом. Милош освещал им путь до самых развалин башни.

– Вот и она, – с торжественной насмешкой произнёс он. – Неприступная твердыня, знак чародейской власти.

Он старался говорить шутливо, но от одного взгляда на сторевшую башню закололо в груди, казалось, что страшные сны, преследовавшие его всё детство, готовы были ожить.

Рука Дары выскользнула из его пальцев. Девушка медленно обошла основание башни, осторожно ступая между каменных валунов.

– Я не слышу здесь голоса золотой богини, – произнесла Дара.

– Что?

– Та сила, которую я получила от лешего, поёт. Так же, как шар, который ты хранил в ларце. Вся рассказала, что это он излечил тебя. Так вот, здесь я ничего не чувствую.

– Значит, силы больше нет, – заключил с досадой Милош.

Он не был уверен, как именно ощущался источник. Когда он оказался на берегу Звени, то плохо чувствовал даже духов Нави, а теперь, когда сила фарадальского чуда текла в нём самом, порой глож от рёва огня в крови. Дар плохо ему подчинялся, хотя Милош был куда искуснее Дары и знал заклятия, с которыми она бы по неопытности ни за что бы не справилась.

– Или же золотая сила спрятана, – произнесла Дара куда-то в сторону, но Милош всё-таки расслышал её слова. – Как думаешь, могли чародеи придумать такой тайник, который будет виден лишь другому чародею при особых условиях?

– Я слышал, что Охотники не сразу убивали чародеев. Многие сначала на них работали, – отозвался Милош. – Так что не думаю, что здесь остался хотя бы один нетронутый тайник. Да и Чернава наверняка сказала бы, если бы что-нибудь знала. Она жила здесь. Как-то раз даже сказала, что...

Он запнулся. Зачем он только упомянул об этом?

– Что?

– Она якобы знала моих родителей.

К счастью, либо Даре было всё равно, либо она предпочла не тревожить зря старые раны.

– И всё же Чернава не могла знать все тайны башни. Насколько я понимаю, она не имела большого влияния. Так что, быть может, что-нибудь осталось.

Дара возвела глаза к небу, будто и вправду увидела нечто неподвластное обычному взору. Милош прищурился на всякий случай, но так ничего и не заметил. Только чёрное небо и белые хлопья снега. Снежинки сверкали в синем свете хрустала, кружились, медленно оседая на голову и плечи. Милош брезгливо отряхнулся.

– А что, если здесь действительно стоял лес? – спросила будто у самой себя Дара. – А в лесу была своя лесная ведьма?

– М-м-м?

– Это ваша чародейка, которая разрешила князю основать город.

– Старшая Сова, – подсказал Милош. – Она заключила союз с князем Вышеславом, между прочим, предком ваших ратиславских князей.

– Пусть так, – Дара легко перескочила с камня на камень и оказалась рядом. Вид у неё был такой плутоватый и довольный, что Милош сам невольно улыбнулся. – Если эта Старшая Сова и вправду существовала, то она могла быть лесной ведьмой или кем-то вроде неё. А если бы я, лесная ведьма, захотела что-то скрыть от всех остальных, то использовала бы особые чары, которые другим чародеям не известны.

– А тебе – да?

Самоуверенная улыбка делала Дару ещё соблазнительнее. Когда её взгляд так горел превосходством и губы растягивались в насмешливой улыбке, тяжело было сопротивляться желанию её поцеловать.

– Жаль, у меня нет ножа, – с досадой сказала Дара и тут же добавила: – Мне нужно будет подумать обо всём. А сейчас нам, наверное, лучше возвращаться, пока остальные не проснулись.

Она стояла слишком близко, и Милошу вспомнилась другая ночь – летняя, жаркая, наполненная туманом полей и маревом зари. Тогда Дара так же спешила вернуться домой. Теперь падал снег, заметая всё вокруг, и голубой свет выхватывал из тьмы только их двоих и кружащийся снег. Мира вне этого круга света не существовало. Милош мог бы поцеловать её теперь...

Дара улыбалась лукаво каким-то своим мыслям. Милош заметил её улыбку и не удержался от вопроса:

– Что ты задумала?

Она накрутила на палец прядь тёмных волос.

– Ты сказал, что сюда лучше добираться по небу, чем по земле, так почему бы нам не полететь домой? А одежду можно спрятать в камнях, тогда в следующий раз сможем прилететь сюда в любое время.

Даже в свете хрустала было не разглядеть её глаз, но Милош мог поклясться, что в них плясали колдовские огоньки.

С другой девушкой он вряд ли бы стал так шутить:

– Просто признайся, что снова хочешь увидеть меня без одежды?

Дара засмеялась и первой скинула с себя накидку.

– Смотри, вон там, в камнях, есть углубление, – она развязала свой пояс. – Так ты отвернёшься или хочешь увидеть меня без одежды?

Милош усмехнулся, поворачиваясь к ней спиной. Что ж, задумка оказалась неплохой. Пробираясь к Совиной башне по улицам города было опасно, а вернуться туда, скорее всего, ещё придётся.

Но остаться обнажённым на улице зимней ночью Милош оказался не готов.

– Что б Навь тебя поглотила. Долететь, – он стянул через голову рубаху, бросил на землю. – Да лучше сразу к Охотникам...

Стуча зубами, он засунул одежду в углубление между камнями, схватился за перо и вдруг услышал крик, преисполненный боли. Дара упала на колени. Спину её уже покрывали чёрные перья, а руки обратились в крылья. Она корчилась на земле, плакала жалобно, пискляво. Когда-то в самом начале обращение давалось так же тяжело и Милошу.

И только тогда он вдруг осознал, что он не обращался с тех пор, как с него сняли проклятие. Он избегал даже мысли об этом, не пытался летать и вряд ли бы скоро решился, если бы не эта странная ночь.

Если бы не снег, что летел в глаза, если бы не непроглядная тьма, если бы не губы Дары, он не решился бы. Он не смог бы забыть о вкусе крови на языке, о птичьих мыслях, поглотивших его разум. Он не был готов к тому, что тело снова покроет оперение, а из груди вырвется соколиный крик. Что, если он не сможет обратно стать человеком?

Что, если...

Плач Дары сорвался на вой. Её тело менялось, хрустели кости, и Милош наслаждался каждым её всхлипом. Она заслужила это. Она заслужила и боль, и слёзы за всё то, что он пережил по её вине.

Милош перестал чувствовать холод. Он потерялся во времени и в собственных мыслях.

Ворон уже топтался на снегу, привыкая к своему телу, а Милош всё медлил. С трудом он заставил себя коснуться соколиного пера на шее. Обращение прошло быстро, и так же стремительно сокол взлетел.

Ветер и снег закружили его. Тьма поглотила, и границы мира размылись. В небе не осталось ни дорог, ни стен, ни крыш – только черная непроглядная ночь.

Ворон последовал неуверенно, громко хлопая крыльями, точно опасаясь рухнуть на землю, но Милош уже не вспоминал о Даре. Он чувствовал ветер в перьях, он ловил высоту крыльями. Он был свободен.

Тёмное небо утянуло наверх.

Сокол взмыл так высоко, как не мог позволить себе ни один ворон. Он пролетел над городом, держась подальше от крепостных стен, наслаждаясь простором небес и бесконечной его чернотой, рассеянной парящим снегом.

Чёрные крылья ворона почти касались крыш. Сокол кружил, едва не задевая тучи. Слишком разные они были, слишком чужие. Не летать соколу и ворону вместе, не делить на двоих одно небо.

Но той ночью делили они не только небо, но и город, и тайну, и цель, и безудержное чувство воли, что знакомо лишь тем, у кого есть пара крыльев.

Это длилось недолго, но почти бесконечно.

Совин дремал под шорох их перьев и даже не подозревал, что город без чар убаюкивали две птицы, чья кровь горела золотым огнём.

Наконец ворон нашёл знакомый дом на улице Королевских мастеров и опустился на крышу, нетерпеливо вглядываясь в небо. Сокол стрелой слетел вниз к нему, опустился рядом.

Цепляясь когтями за черепицу, они добрались до чердачного окошка.

Дара вновь обращалась тяжело, долго, и Милош слушал, как она пищала по-девчоночьи тонко сквозь стиснутые зубы.

Он подобрал одеяло, которое почему-то валялось на чердаке, и набросил Даре на плечи, сам оставаясь нагим. От теплицы шёл жар.

– Идём.

Дара подняла голову. Она старалась смотреть ему в глаза. Длинные взлохмаченные волосы опадали по сторонам бледного лица. Из-за уха торчало вороново перо, его – соколиное – свисало с шеи.

– Я не хочу возвращаться, – проговорила она неожиданно жалобно.

Милош подумал, что она говорила о кухне, где спала со своей сестрой, но Дара продолжала:

– Если я не справлюсь, Стжежимир, наверное, отошлёт меня прочь. Я не хочу обратно, но и замуж ни за какого принца я не хочу.

Он присел рядом, мельком лишь подумав, насколько нелепо и более чем странно сидеть обнажённым рядом с девушкой и просто говорить с ней, но с Дарой всегда всё выходило наперекосяк.

– Из-за Морены? Или войны?

– Из-за этого, – губы её едва шевелились. – И ещё из-за лешего и из-за княжича.

– А с ним что не так?

– Я сбежала из Златоборска, меня пытались отравить, а потом я случайно...

Она громко выдохнула, будто подавившись словами, и замотала головой.

– Нет-нет, я не хочу...

Дара вытянула руку из-под одеяла и ухватила за руку Милоша. Он хотел отодвинуться, но остался на месте. Слишком близко.

– Пообещай, что не позволишь им забрать меня.

Это было почти смешно. Девчонка, которая прокляла его, просила о помощи. Девчонка, которая убила без всякой жалости Охотника, теперь дрожала перед ним как осиновый лист. Будь это любая другая девушка, пусть даже её сестра, Милош бы решил, что она пыталась обмануть его, но это была Дара.

И он сам над собой посмеялся.

Дара, которая соблазнила его, чтобы выкрасть перо и обратить в сокола. Дара, которая стала лесной ведьмой и поклялась служить Морене-смерти.

Милош был бы последним глупцом, если бы поверил Даре.

Но её лицо оказалось искусительно близко.

Милош наклонился и поцеловал её. Дара растерялась, но это только подстегнуло его. Значит, не ожидала, значит, не играла. Ладонь скользнула ей на шею, пальцы запутались в чёрных волосах. Она была на удивление робкой, он ожидал иного, но вторая рука уже легла ей на талию, провела по спине и дальше, ниже. Она выгнулась, прижимаясь, дрожа, страшаясь собственных чувств.

Он шепнул ей что-то, чего и сам после не смог вспомнить. Быть может, Дара тоже не разобрала слов, но руки её обвились шею Милоша, губы нашли его губы. Он всегда знал, что она была смелая.

Одеяло соскользнуло на пол, оно стало их постелью.

Глава 5

Ратиславия, Златоборск

Конец месяца листопада

Всё чаще Вячко проводил вечера за стенами города в избушке старика Зуя. Пожалуй, это многим не нравилось. Княжич – да с простым мужиком знался, ещё и с чужачкой, которая, как говорили в народе, на самом деле была ведьмой. Но Вячко больше не чувствовал покоя в княжеском дворце. В тесной избушке Зуя на самом краю посада, где и до бора было рукой подать, ему было лучше, тише и будто даже теплее, чем в жарко протопленных княжеских палатах.

Он приходил почти каждый вечер, но мало говорил и с хозяином, и с гостьей. Зуй заваривал душистый травяной отвар и ставил на стол пироги, купленные у лоточницы. Вячко догадывался, что прежде мужик, привыкший жить бобылём, редко принимал гостей, но читал по глазам Зуя, что тот рад был скрашенному своему одиночеству.

Неждана держалась тихо, скромно и ни о чём не расспрашивала Вячко, если он сам не начинал разговор. Изю всех сил она старалась заслужить доверие княжича, но он всё ещё слишком хорошо помнил об её обмане и порой гадал, не тянуло ли его в этот дом так сильно оттого, что Неждана снова прибегла к ворожбе.

В избе Зуя Вячко много читал, попивая горячий отвар, и уходил домой запоздно, оставляя книги и рукописи Неждане, которая принялась изучать ратиславскую грамоту. Вячко дал ей несколько уроков и научил писать её новое имя.

Читал княжич теперь не только о Змеиных царях, но и о становлении Империи, о странствиях Константина-каменолома, о зарождении первых кузниц у Холодной горы и расширении Лойтурского государства. Попались ему и записи Яруна – воеводы его деда, который присоединял земли под Нижей и первым повстречал местные племена.

Обычно Неждана сидела рядом с Вячко, когда он читал, и пыталась сложить буквы в слоги, а слоги в слова. Редко она успевала прочесть больше двух предложений, когда Вячко уже переворачивал страницу.

Уставая от чтения, он принимался расспрашивать Неждану о её народе. Отвечала ведьма неохотно, а о некоторых вещах и вовсе не рассказывала. Так, она отказалась отвечать, почему жила посреди Мёртвых болот вдали от своих людей, зато призналась, что белоглазый Ики был полукровкой, рождённым от мужчины из её народа и неизвестной матери с болот. Поэтому Ики был бел и бесцветен, как отец, но мог находиться под солнечными лучами, как обычный человек.

– Говорят, раньше волосы наши были черны, точно смоль, – рассказала Неждана. – Но после стольких веков во власти пещерных духов нам никогда не стать прежними.

Вячко подумал, что явись в Златоборск Неждана в своём истинном облике, так её убили бы без всяких раздумий, приняв за упыря или другую навью тварь.

– Как давно ты носила облик Югры? С тех пор, как покинула пещеры?

– Нет, Югру и Олоко я повстречала намного позже. Сначала я скрывалась на болотах совсем одна, охотилась по ночам и чуть не умерла. Меня спас Ики. Он научил меня выживать и помог получить чужое обличье. Тогда мне и пришлось забрать лицо Югры. Ей оно уже было ни к чему.

– А потом ты решила изменить облик, чтобы прийти в Ратиславию? – травяной отвар давно остыл, но Вячко так внимательно слушал, что забыл и о пирогах на столе, и о напитке в кружке.

– Нет, мне пришлось его изменить, – Неждана посмотрела с лёгким укором. – Однажды скинув чужое лицо, невозможно надеть его снова. Хотя Ики говорит, что есть чародеи, которые могут обращаться в животных бесконечное количество раз. Ты встречал таких?

Вячко помотал головой.

До этого разговора он надеялся, что народ Нежданы мог помочь в войне, принять обличье степняков и пробраться к ним в стан. Но, верно, Ярополк был прав. Врагов у ратиславцев набралось предостаточно, а от дивных людей, обладавших чарами и способностью менять лица, не стоило ожидать ничего, кроме беды.

Рдzenia, Совин

Месяц грудень

Проснулась Дара рано, ещё до первых петухов. Чтобы найти свою рубаху, она взяла со столика чародейский хрусталь, и тот засиял в её руках, освещая тёмную ложницу.

Милош выглядел забавно, когда спал. Непросто было совладать с соблазном и не коснуться упавших на глаза прядей волос, не поцеловать капризные, будто у девушки, губы.

Но стоило вернуться на кухню до того, как проснётся Веся.

Душа пела от счастья безрассудного, постыдного, греховного, но такого сладкого, такого сильного, что ноги дрожали от воспоминаний о недавней близости.

В родном Заречье Дара была бы навеки посрамлена. Да, всякое случалось на Купальскую ночь на берегу реки, но кто мог противиться духам воды и трав, что мутили разум? Дара же по собственной воле отдалась мужчине, да ещё и рдзенцу. На мгновение представила она, как с укором бы взглянул на неё Барсук, как Ждана отчитала бы за распутность, как горько плакала бы Веся, но было уже поздно поворачивать назад. Да и не хотелось.

Она захватила бутылёк с полки: Милош дал ей отвар, который стоило пить, чтобы не понести ребёнка.

Прежде чем погасить хрусталь, Дара ещё раз окинула взором измятые простыни. Из-под одеяла выглядывала светлая макушка Милоша. Дара не сдержала глупой улыбки, вспоминая, как зарывалась пальцами в эти волосы, притягивая Милоша ближе, целуя в припухшие губы...

Нет, ей не было ни капли стыдно. И пусть Создатель отправит её навечно в промёрзлую пустошь после смерти, если ему вздумается. Нельзя винить Дару за то, что она так безгранично счастлива.

Минувший месяц в Совине не был таким невыносимым только потому, что по ночам Дара чувствовала себя нужной. Пусть всего на лучину, пусть втайне от всех, пусть опасаясь навлечь на себя гнев сестры, но она была счастлива. И оно того стоило.

Крадучись Дара спустилась на кухню и присела на свою лавку, спрятала ноги под одеяло. Она достала гребешок из-под подушки и принялась расчёсывать волосы, радуясь вернувшейся девичьей красоте. Она заплела волосы в одну косу, обкрутила вокруг головы на рдзенский манер, и это ей удалось с большим трудом. Дара никак не могла заново привыкнуть к длинным волосам.

Проснулась Веся, заметила, как сестра мучилась с причёской, и подошла, чтобы помочь. К тому, что у Дары вдруг отросли волосы, она отнеслась настороженно, но и лишних вопросов не задала. Дара не рассказала ей ни о встрече с Чернавой, ни тем более о приказе Мораны. Представить было страшно, как испугалась бы Веся, если бы узнала, что случилось на капище

богини-пряхи. Поселившись в Совине, Весняна сделалась вдруг такой набожной, какой сроду не была. Брат Лаврентий из деревни Мирной всю жизнь пытался привить дочкам мельника веру в Создателя, но так в этом деле и не преуспел. А в рдзенской столице Веся принялась ходить в храм вместе с Горицей каждый день.

На кухне Весняна хозяйничала чуть ли не наравне с кухаркой. Работа горела в руках Веси, она легко справлялась со всеми делами.

Дара целыми днями пропадала у Стжежимира, и тот обучал её целительству, а порой, когда Дара уже и не надеялась узнать больше о чародействе, он показывал то одну колдовскую хитрость, то другую, и таким образом Дара узнала, как смотреть особым способом, чтобы увидеть чары на предметах или людях, как скрывать ту или иную вещь от чужих глаз и как заживлять заклетами раны. Больше всего Стжежимир уделял внимания лечебным заговорам, и это казалось Даре пустой тратой времени. Разве она училась не у чародея с Благословенных островов, а у деревенской знахарки? Разве не должен был Стжежимир показать ей тайны, известные имперским колдунам?

Милош посмеялся над ней, когда Дара пожаловалась ему на бесполезные уроки.

– Не всё сразу, – успокоил он.

Они лежали у Милоша в постели, и чародей задумчиво водил пальцами по её голому бедру, а Дара изо всех старалась делать вид, что вовсе не смущалась своей наготы и его лукавого внимательного взгляда.

– Но ты умеешь зажигать огонь взмахом руки. А Чернава! Ты помнишь, как она разобралась с Охотниками? Только пальцами пошевелила, а им будто в голову иглы впились. Ты понимаешь, она проникала в их разум! А Драган разрывал Охотников на кусочки...

– Всё, о чём ты говоришь, – прошептал Милош, придвигаясь ещё ближе. – Всё это приносит только смерть. А разве чары нужны для этого?

Он провёл губами по её ключицам ниже, к груди, и Дара тихо ахнула, взволнованная лаской, но отодвинула Милоша рукой, посмотрела строго.

– А как иначе мне защититься от Охотников?

Милош улыбался, растянув пухлые губы, отчего походил на довольного лягушонка.

– Если ты будешь хитрее, чем они, то тебе и не придётся защищаться. Они про тебя не узнают.

– А если...

– Не занудствуй, – промурлыкал он, нетерпеливо притягивая Дару к себе. – Я знал, что ты жестокая, но не думал, что ещё и такая ворчливая.

– Я вовсе не ворчливая, просто не такая беспечная, как...

Дара не успела договорить, её губы накрыли поцелуем, и она постаралась забыть обо всех своих страхах, постаралась быть смелой, игривой, дерзкой. Она так старалась...

Но когда Дара пришла на следующее занятие к целителю, то снова вспомнила о своих сомнениях. Милошу было легко рассуждать о терпении, он знал сотни и сотни заклятий, он мог обратиться в сокола так же легко, как поменять наряд. Даре всё это стоило больших трудов, а Стжежимир не спешил учить её боевым заклетами и вместо этого снова и снова показывал, как делать мази, примочки и настои, как кланяться, молиться, приветствовать и прощаться.

А время стремительно утекало.

Крик Горицы донёлся до спальни Милоша, и он подскочил на кровати, кинулся вниз босиком. Кухарка визжала испуганно, прижавшись спиной к входной двери.

– Что такое? – Милош схватил её за плечи, оглядел с головы до ног. – Ты цела?

– Ох, я-то да, – трясась от страха, выговорила она. – А там...

Она мотнула головой в сторону двери, не найдя сил договорить.

Из кухни выглянули Веся и Дара, с заднего двора прибежал Ежи, и только Стжежимир остался у себя. Верно, даже если бы их убили, он бы не отвлёкся от собственных дел.

Милош осторожно отодвинул Горицу в сторону и приоткрыл дверь. Недалеко от их порога на мостовой лежали двое мужчин, один с пробитой головой, другой с распоротым животом. Вокруг уже собрались стражники, и Милош посчитал, что на том и стоило забыть о случившемся. В Совине разбойники часто резали друг друга прямо посреди улицы.

Но женщины долго ещё не могли успокоиться. Милош опоздал к завтраку, приводя себя в порядок, а когда спустился, то речь всё ещё шла об убитых.

– Я слышал разговор стражников: эти двое были ратиславцами, – сообщил Ежи. Глаза у него стали круглыми, как плошки.

Горица, может, и хотела сказать что-нибудь злое на этот счёт, но сдержалась, только посетовала, что даже на улице Королевских мастеров стало небезопасно.

– Стража сквозь пальцы на всё смотрит. Дождёмся, что посреди белого дня людей убивать начнут. Страшно теперь на рынок ходить, того и гляди за кошелёк зарежут. Милош, – она заметила его и достала из печи горшок. – Садись завтракать. Слышал, что я сказала? На нашей улице небезопасно. Не стоит тебе гулять допоздна.

– Да я нигде и не гуляю, – он поймал на себе лукавый взгляд Дары, подмигнул ей в ответ. – Целыми ночами у себя в кровати.

Остальные уже закончили с завтраком и стали расходиться по делам. Дара ушла в мастерскую Стжежимира, Ежи отправился к башмачнику, чтобы забрать сапоги Милоша из починки, Веся убежала на рынок, и скоро на кухне остались только Милош с Горицей.

Краем глаза Милош наблюдал, как домовой, трясась от едва сдерживаемого хохота, пересыпал горох в мешок с гречей. Размышляя, не кинуть ли ложкой в пакостливого духа, Милош отпил молока из кружки. Он не привык к тому, что в доме жил домовой, а тот не привык к новому жилищу и его хозяевам, потому и вредил как только мог.

Беспорядок, вдруг возникший на кухне, расстраивал Горицу. Она и без того постоянно огорчалась из-за ратиславских гостей. Вот и в это утро, оставшись с Милошем наедине, она подседа поближе и заговорила:

– Неприлично, что в одном доме живут две незамужних девицы с неженатыми хлопцами. О нас соседи уже говорят Создатель знает что. Милош, я не могу просить Стжежимира, а он отчего-то закрывает на всё глаза. Умоляю, подскажи ему избавиться от этих двух...

Милош чуть не подавился сыром.

– И куда им деваться?

– Пусть возвращаются к себе в Ратиславию.

Если подумать, то Весе и вправду в Совине было не место, но как приняли бы её в родной деревне? Она сбежала из дома с парнем, да ещё и рдзенцем. После всего, через что прошла бедная девочка, Милош не мог её так легко оставить.

– Матушка, милая, ты никому об этом не говори, но у Веси умерли родители, – негромко произнёс он, взяв Горицу за руку. – В Ратиславии сейчас война, Даре с Весей там оставаться опасно.

Горица растерялась, не зная, то ли злиться дальше на ратиславских бесприданниц и вертихвосток, то ли жалеть бедных сиротинок.

– А почему же говорить об этом нельзя? – оторопело спросила она.

– Дара просила не рассказывать Весе. Она сбежала из дома ещё до войны и ничего не знает о случившемся. Бедняжку убьёт такое горе. Она же совсем девчонка: хрупкая, слабая.

Последние слова Милош проговорил, едва сдерживая улыбку. Пусть было Весняне всего пятнадцать лет, она на редкость славно справлялась с выпавшими на её долю испытаниями.

Но Горица согласно кивала. Она была из тех рдзенских женщин, что не признавали лойтурской моды на тонкий стан и почти болезненную худобу. Осунувшаяся Весняна ей казалась истощённой и измученной и поэтому, наверное, вызывала сочувствие.

Посеяв жалость в душе Горицы, Милош посчитал, что хороших дел он для одного дня выполнил достаточно и с Создателем был в расчёте. Времени для дел дурных у него осталось не так много.

Когда кухарка принялась за стирку, на пороге появилась Веся.

– А я уже вернулась, – пропела она и поставила корзину на пол у печи.

– Шустро, – отозвался Милош.

Обычно он был рад её видеть. Беззаботная болтовня Веси заставляла забыть обо всех бедах, но теперь Милошу было не до неё. Стжежимир собирался ближе к полудню навестить Венцеславу, которой нездоровилось уже несколько дней. Милош не мог прогнать дурные мысли и считал дни, что минули со свадьбы. Никто и ничто не могло заставить его перестать об этом думать.

Весняна присела рядом, подперев лицо руками.

– Слава Создателю, стражники уже унесли этих несчастных от нашего дома. А то страшно было выйти на улицу, – рассказала она. – Служанка соседей говорит, что это и вправду ратиславцы, – добавила она с грустью. – Вот же не повезло умереть так далеко от дома. Никто из родных не узнает, что с ними стряслось.

Милош промолчал.

– Чем хочешь заняться? Говорят, на городской площади будет казнь, а я ни разу не видела казни. Страшно, конечно, но если бы ты сходил со мной...

– В этом нет ничего хорошего.

– Но все ходят.

– Все по большей части непроходимо глупы. – Милош вдруг сделался раздражителен и ядовит, чего и сам от себя не ожидал. Он вздохнул, заметив испуг в голубых глазах девушки. – Веся, ты же не жестока. Зачем тебе на это смотреть?

– Так я не чтобы порадоваться, просто...

Она разглядывала свои пальцы, как если бы пыталась найти в них ответ. Рукава рубахи немного задрались, оголяя запястья, и Веся поспешно натянула их назад, чтобы скрыть шрамы от оков. Милош ласково погладил её по ладони, и девушка смущённо покраснела.

– Я совсем ничего не понимаю в том, как тут всё устроено. Люди в городах ходят смотреть, как другим головы отрубают, а у нас в Заречье и говорить про такие вещи не принято. Смерть – это же так страшно. Ты слышал о Моране?

Она робко глянула на него из-под ресниц.

– В Рдзении мы говорим Морена, а не Морана, но сути это не меняет.

Веся кивнула.

– Рядом с Великим лесом раньше стояло её капище, ещё до того, как Злата принесла слово Создателя. Но даже тогда люди его стороной обходили, потому что как можно смерти поклоняться? Говорят, однажды сам леший послал сов с подожжёнными прутиками, и те спалили капище дотла.

– Если люди обходили капище, так кто же его поставил?

– Ну были волхвы. Но они всегда подальше от добрых людей селились.

Милош вдруг подумал, что не так уж и не вовремя повстречалась ему Весняна. Он вытянул ноги под столом, расселся поудобнее и заглянул девушке в лицо, всем видом своим показывая, как сильно ему интересен рассказ.

– И чем же лешему не угодила Морена?

– Известно чем: она смерть всему живому несёт, а леший хранит лес и всех, кто в нём обитает.

– А людей?

– А людей ему трогать незачем, покуда они чтут лесные законы, зверей не убивают без надобности и деревья не рубят там, где нельзя.

– Странно у вас всё в Заречье.

Веся посмотрела на него, искренне недоумевая.

– Чего же странного?

– Молитесь Создателю, но с лешим вроде как и не враждуете, а даже дружите.

Девушка задумалась, и Милош уже не ждал, что она ответит, но Веся вдруг сказала:

– Я думаю, не так уж плох леший. Разве могла бы лесная ведьма, которую он воспитал, принести слово Создателя? Так что... нет, не может он быть плохим. Дара тоже теперь лесная ведьма, и мать её, говорят, из Великого леса пришла, так что не верю, что она Создателю противна так же, как Морана.

Милош слушал Весю, а сам украдкой подглядывал за домовым.

– А ещё я не понимаю, как вы, ратиславцы, одновременно Создателю молитесь и домовых чтите.

– А как можно без домового? Это же предок рода. Он оберегает очаг, он дому – душа и защитник, – простодушно пояснила Веся. – Без домового и лада в доме не будет.

– У нас в Совине много лет нет духов, а вроде неплохо живём.

– Но лада-то и счастья у вас нет, – упрямо возразила Весняна, и стало ясно, что в этом вопросе её не переубедить. – Горица вдовой живёт, какой бабе хорошо одной без мужа? И Стжежимир бобылём сколько лет. Хотя он колдун...

– А что с того? – любопытствовал Милош.

– Так колдуны всегда живут одни, без женщин...

– Значит, не судьба мне жениться, – с притворным сожалением вздохнул Милош. – Не видать детишек и любимой жены...

Глаза у Веси округлились и чуть не вылезли на лоб, когда она сообразила, что сказала.

– Так ты, Милош, совсем другое дело. У тебя нрав добрый, ты к людям со всей душой и вообще...

– Что вообще?

– Тебе надо жениться, – пролепетала Веся, и щёки её запунцовели.

– Обязательно надо? – плутовато улыбаясь, Милош наклонился ближе.

Он знал, что, войди сейчас на кухню Дара, она прокляла бы его во второй раз. Что бы она придумала ему в наказание? Милош даже представить боялся, но соблазн подразнить зардевшуюся Весняну оказался слишком велик. Одно удовольствие было смотреть, как она смущённо вспыхнула и забормотала что-то неразборчиво, не зная, что ответить. Пусть Милошу и не нужна была милая Веся, но как приятно было осознавать, что она его любила. Не так, как

любили его страстно и горячо знатные девушки Совина, не так, как любила его по-своему холодно и нежно Венцеслава, и даже не так, как смело и дерзко любила его Дара, а просто и искренне, как делала это Веся. Почему-то это казалось самым настоящим, самым правильным.

Эта мысль охладила Милоша, словно на голову вылили ведро ледяной воды. Он отстранился.

Ему нужно было узнать кое-что ещё.

– Скажи, – прервал он неразборчивый лепет Веси, – так если в доме нет лада и домового тоже нет, то как же его в дом привести?

Горица не выдержала и громко стукнула скалкой по столу.

– О дурных вещах вы говорите. Что ещё за домовый? Все духи – проклятые отпрыски Аберу-Окиа, даже говорить о них греховно. Веся, ты же верующая девушка, в храм ходишь...

Испуганная Весняна прикусила губу, и Милош забеспокоился, что она больше ничего не расскажет.

– Не ругайся, матушка, – он погладил Горицу по руке. – Веся выросла в деревне, там ещё не выучили всех этих храмовых премудростей. Не мешай ей рассказывать.

Недовольно поджав губы, Горица отвернулась и принялась месить тесто. В разговор она больше не лезла. Глаза у Веси загорелись от радости. Преисполненная благодарности к своему заступнику, она оживилась:

– Понимаешь, чужого домового лучше не звать. Это же предок рода, а если чужой предок в дом придёт, то ему покоя не будет. Но когда семья из одной избы в другую переезжает, то надо позвать домового с собой. Можно в лапте перенести или в мешочке. Положить в него угощение, оставить посреди дома и вымести мусор из всех четырёх углов дома. А потом сказать: дедушка дворной, кормилец домовый, пойдём со мной, ко мне домой. Если же домового взять неоткуда, то надо бабе сесть на помело и...

– На помело? – усмехнулся Милош.

Веся вновь покраснела и возмущённо воскликнула, взмахнув руками:

– Вот ты всё смеёшься надо мной, а я тебе говорю, как у нас всегда в Заречье делают, и ничего забавного в этом нет.

– Прости, – попросил Милош. – Я не хотел тебя обидеть.

Потупив взор, Веся проговорила тихо, видимо, опасаясь гнева Горицы:

– Я тут подумала, а что же случилось со всеми духами, которые раньше в Совине жили? Неужто Охотники выгнали их прочь, оставили без крыши над головой? Ведь домовый без дома не может, он же от тоски погибнет...

Милош плохо помнил лето, когда воздвигли защиту вдоль столицы. Как в тумане возникали видения из прошлого, и каждое пугало хуже самого страшного сна.

– Хорошо было бы, Веся, если бы они просто погибли от тоски, – сказал он. – У Охотников есть и более жестокие способы, чтобы избавиться от нечисти.

– Сжечь их всех надо, – пробурчала, не выдержав, Горица.

Милош прихватил кусочек хлеба и поднялся в свою комнату, решив в этот же день купить Весе серьги с сапфирами, о которых она мечтала. Только Милош закрыл дверь своей спальни, как туда ворвался встревоженный Ежи.

– Это они!

– Что?

– Я их узнал. Это те самые ратиславцы. Когда я пошёл к башмачнику, стражники грузили тела на телегу, я сразу узнал этих ратиславцев. Они следили за нашим домом. Понимаешь?

– Значит, нам только на руку, что их убили.

– Но кто? Кто-нибудь посильнее? Пострашнее? А вдруг они придут за нами? Они что-то знают...

Ежи рухнул на постель, точно ему ноги подкосило, и сжал кулаками одеяло.

– Нас всех убьют!

– Успокойся, мы не знаем, кто это был и кто их убил. Может, всё обойдётся? Они, в конце концов, мертвы, – Милошу и самому хотелось верить, что беда миновала, но всё и вправду выглядело подозрительно. В любом случае стоило успокоить Ежи, тот всегда слишком сильно переживал из-за любой ерунды.

– Они-то мертвы, но их убийцы на свободе, – протянул жалобно Ежи. – Как ты можешь быть так спокоен?.. Зачем ты положил хлеб на полку?

– Нужно. Потом как-нибудь расскажу.

К счастью, Ежи умел держать язык за зубами, а знать подробности ему было ни к чему.

– Просто не говори об этом никому, – попросил Милош и прикрыл ломоть хлеба книгами так, чтобы найти его смог только домовый. – И забудь уже про ратиславцев. Они мертвы, значит, всё в порядке. Хороший ратиславец – мёртвый ратиславец.

– А можно тогда нам мёртвую хорошую Дару? – хлюпнул носом Ежи.

Милош усмехнулся.

– Она нам пока ещё нужна. Потерпи.

На рассветной службе в храме Веся ни разу не взглянула на Ежи. И после, когда они шли от улицы Колокольного звона домой, делала вид, что не замечала его. Месяц минул с их ссоры, и всё это время Весняна держалась холодно и отстранённо, но Горицу это будто даже радовало.

Отстав от Веси, мать пошла рядом с Ежи.

– Что-то дома ты редко бывать стал, – с недовольством отметила она.

Ежи пожал плечами и пробурчал что-то неразборчивое.

– С Милошем где-то шляетесь?

– Нет.

– Рассорились?

Его молчание вышло красноречивее слов, и Горица сделала свои выводы.

– Из-за девок, значит, разругались, – убеждённо произнесла она. – Так и знала. Ты бы лучше с Милошем не петушился из-за баб, – посоветовала она. – Всё-таки ты слуга, он господин.

– Мы и не петушились, – пробормотал он, надув губы. – И не ссорились. Просто ему не до меня, он занят.

– Ещё б он не был занят, с ведьмой это проклятой всю ночь кувyrкается, прости меня Создатель.

Женщина покраснела и приняла вид ещё более сердитый и недовольный. Ежи чуть не споткнулся.

– То есть – кувyrкается? – переспросил он.

Горица поправила чепец на голове, надувая в негодование щеки.

– Ты не знал, что ли? Эта ратиславка его соблазнила.

Ежи в ужасе посмотрел вслед Весе, мать заметила его взгляд.

– Да не эта, слава Создателю, а её сестра. Видела на днях, как эта вертихвостка рано утром в одной рубахе выходила из спальни Милоша. Срамота!

Некоторое время они шли в тишине, звон колоколов на улице затих, и город наводнил привычный шум. От реки подул промозглый ветер, разнося рыбный запах. Ежи повыше поднял воротник.

– Я что хотела сказать, – вновь заговорила Горица. – Уж не знаю, куда ты ходишь целыми днями, взрослый ты уже, чтобы я допытывалась, но стоило бы тебе найти хорошую службу.

– А чем моя плоха? – удивился Ежи.

– Да тем, что у нас беспокойно, – прошептала мать. – Трое чародеев в доме до добра не доведут. Мало ли что случится, и ты тогда вместе с ними пропадёшь. Ежи, Создателем заклинаю, уйди на службу к какому-нибудь доброму господину. У меня сердце за тебя болит.

Расстраивать мать Ежи не хотелось, да что душой кривить, он и сам порой задумывался об этом. Остаться с Милошем было непросто и порой страшно. Но и без друга Ежи своей жизни не мыслил.

– Я подумаю, – пообещал он матери, на что она только покачала головой и будто даже всплакнула.

Он расстался с остальными на повороте на улицу Королевских мастеров, поцеловал мать в щёку на прощание.

– Что-то ты задумал, Ежи, и мне это не нравится, – вздохнула Горица.

Ему и самому не нравилось, но вместе с обидой в груди закипало необъяснимое упрямство, и сопротивляться ему Ежи уже не мог.

После до самого полудня он бродил по городу. Путь его повторялся раз за разом. Так, оказавшись на Малой площади, он шёл по Кривой улице к Забытому переулку, от него по Звериной тропе к улице Тихой стражи до Малой площади и снова по Кривой улице к Забытому переулку. Цель его затянувшейся прогулки поначалу казалась несложной, но ближе к полудню стала видеться невыполнимой.

Забытый переулочек в Совине когда-то носил другое название, да и люди в нём жили иного толка, потому что он стоял недалеко от Совиной башни. До Хмельной ночи многие купцы считали за большую удачу поселиться ближе к чародеям, но после пожара люди сторонились тёмного прохода в заброшенную часть города. Местные купцы или разорились, или переехали. Переулочек стал зваться Забытым, и даже вспоминать о нём стало непристойно. Селились там отныне те, кто не мог позволить себе купить дом подальше от проклятой башни.

Каждый раз, проходя по Забытому переулку, Ежи всё надеялся, что никого не встретит, но ему не везло и попадался случайный прохожий, тогда приходилось совершать новый круг. Остаться в переулке и выжидать удачного момента Ежи не решался. Ходили слухи, будто Охотники до сих пор следили за проходом к Совиной башне, и он боялся попасться им на глаза.

Отчаявшись добраться до развалин на севере столицы, Ежи несколько раз порывался вновь попросить Милоша о помощи, но после вспоминал, как друг каждый раз отмахивался от него, и раздумывал. Почти с тех пор, как они вернулись в Совин, в Ежи поселилась обида.

У него получалось терпеть, когда Веся влюблёнными глазами смотрела на Милоша, когда расхваливала его и старалась во всём угодить, а друг великодушно принимал её восхищения, как кот, которому чесали за ушком. И ладно бы, если Милош отстал от Веси, заполучив Дару, но он не упускал случая, чтобы поддразнить Весняну или пошептаться с ней о чём-нибудь наедине.

Но хуже всего было, что Милош совсем забыл про Ежи. Он часто пропадал где-то, но никогда не звал с собой. Он не рассказывал, куда уходил и почему тайком приносил толстые кошельки с монетами. Ежи всегда думал, что Милош тратил куда больше золота, чем мог позволить себе ученик целителя, но только теперь задумался, откуда он доставал деньги.

И Ежи твёрдо решил, что справится сам.

Поэтому он проходил свой путь опять и опять. От Малой площади по Кривой улице к Забытому переулку, по Звериной тропе к улице Тихой стражи на Малую площадь, от неё обратно на Кривую улицу к Забытому переулку.

После полудня наконец удалось застать Забытый переулок безлюдным. Сначала Ежи не поверил своим глазам. Неужели он вправду один?

Он замешкался, заметался, не веря в собственную удачу, и, наконец, сорвался с места, кинулся по узкому проходу к башне.

Только когда городская улица оборвалась и превратилась в заросшую тропинку, Ежи остановился. Некогда богатейшая часть города отныне была разрушена и заброшена, всё вокруг поросло травой, и покрытые снегом обломки стен, оставшиеся от старых построек, напоминали, что некогда здесь стояли дома.

Ежи пробрал озноб. Он всегда недолюбливал кладбища и неохотно навещал вместе с матерью могилы её родителей. Ему всегда казалось, что мертвецы наблюдали за ним из-под земли, желая утащить к себе. И у Совиной башни его преследовало похожее чувство.

Снег хрустел под ногами, а Ежи чудилось, что это кости.

Сколько людей здесь полегло? Сколько крови пропитало эту землю? Проклятые души чародеев вряд ли нашли покой. Они, должно быть, до сих пор следили за живыми и желали отомстить.

От страха тяжело стало дышать. Зачем Ежи пришёл? Он же не герой какой-нибудь, он ни на что не пригоден, кроме как штопать одежду да драить полы.

Но ему так хотелось оказаться полезным, сделать хоть что-нибудь стоящее, доказать что-то Милошу, Весе, матери. Он не смог никого убедить, что за домом следили, но он был способен хотя бы помочь Войцеху с Трёх Холмов. Он должен был помочь хоть кому-нибудь. Чародей, похороненный заживо, но так и не погибший, Войцех, был так же беспомощен, как и Ежи, и он обязан был хотя бы попытаться его спасти.

Просить о помощи Стжежимира и Милоша оказалось бесполезно, и тогда Ежи написал Чернаве. Это было не так уж сложно – королевский целитель всегда хранил свои письма в мастерской на столе, а те, что предназначались для Воронов, и вовсе оставлял у открытого окна, чтобы кто-нибудь из оборотней смог сам их забрать. Ежи только и нужно было, что пробраться в мастерскую и приписать пару строк:

«Чернава, нужно поговорить. Встретимся у Совиной башни. Ежи».

Долго ждать не пришлось. Она ответила ему буквально на следующий день. Уже покидая Торговую площадь, Ежи заметил в своей корзине среди моркови и капуста свёрнутую бересту.

«У Совиной башни завтра после рассветной службы. Чернава».

Ежи не спал всю ночь от переживаний, но всё-таки пришёл к Совиной башне. Хотя бы с этим он справился, а дальше пусть уже решит, что делать, Чернава.

Ежи прождал на берегу озера почти две лучины. Было холодно, и он бродил кругами, пытаясь согреться. На снегу осталась протоптанной бесконечная путаная цепочка его следов. Время шло и шло, Ежи перестал чувствовать пальцы на ногах, а Чернава так и не показалась. Что могло заставить её передумать?

Ждать дальше не было сил. Ежи мечтал скорее вернуться домой и согреться на кухне у печи.

Уныло пиная снег сапогами, он поплёлся обратно.

Невольно Ежи подумал, что ему стоило и вправду поискать другую работу и, быть может, купить Весе подарок, чтобы она его простила. И, наверное, стоило подобрать новую одежду самому Ежи. В старом, поношенном наряде он выглядел совсем невзрачно и вряд ли мог понравиться девушке. А волосы? Достаточно ли хорошие у него были волосы? У Милоша они всегда выглядели прекрасно, но раньше Ежи не задумывался о своей причёске.

Рядом с Совиной башней не стоило погружаться так глубоко в свои мысли, а Ежи едва смотрел по сторонам. Он даже не успел сообразить, откуда появился громила с такой паскудной рожей, что у Ежи затряслись коленки. Громила был немногим выше, но широкие плечи и яростный взгляд маленьких глаз над кривым носом заставили Ежи почувствовать себя мелкой букашкой.

Он не раздумывал ни секунды и кинулся со всех ног назад, скользя по льду. Громила оказался куда неповоротливее и растянулся на месте, разразился грязной бранью:

– С-стой, с-сука!

Ратиславец! Этот ублюдок точно был ратиславцем.

Ежи завернул за угол и уже почти поверил, что спасся, как перед ним выскочил невысокий мужчина с топором наперевес.

– Куда спешишь, хлопец? – весело воскликнул он. – От судьбы-то не убежишь, а твоя судьба вот ту-у-ут у меня, на острие топора.

Ежи поскользнулся и упал прямо к ногам незнакомца. Тот поцокал языком с наигранным волнением.

– Ай, как вышло-то нехорошо. Давай отряхну от снега.

Шеи Ежи коснулся холодный металл, и он замер, боясь не то что пошевелиться, а даже вдохнуть.

За спиной послышался тяжёлый топот.

– Вяжи его, – велел своему подельнику разбойник с топором. – А то шустрый шибко.

– Не больно шустрый, раз мы его поймали, – тяжело дыша, проворчал громила, скручивая Ежи руки.

– Не мы, а я, остолоп, – возмутился второй. – Из-за тебя мы вообще опоздали. – Он повернулся к Ежи. – Эй, хлопец, ты же Ежи, правильно?

Он присел на корточки рядом, и когда громила заставил Ежи выпрямиться, получилось наконец разглядеть второго разбойника. Он был молод, быть может, чуть старше Ежи, и вид имел гадкий и ехидный: нос картошкой, улыбка кривая, а между зубов и вовсе щель. Не сразу, но Ежи всё-таки узнал его: этот подонок как-то раз бродил возле их дома и даже разговаривал с Весей.

Значит, всё это время он следил за ними. Быть может, других ратиславцев тоже убил этот щербатый.

Ежи промолчал, бегая глазами по сторонам и в отчаянии надеясь, что кто-нибудь придёт к нему на помощь.

– Звать тебя, говорю, Ежи или как, дубина? – повторил свой вопрос щербатый.

– А где?..

– Где Чернава? – усмехнулся щербатый. – Без понятия, кто такая эта твоя Чернава, но она не придёт. Мы за неё. Нам с тобой, Ежи, нужно погутарить.

– Ничего я вам не скажу. А денег у меня нет, – вдруг почувствовав, как защипало глаза, проговорил Ежи.

Щербатый весело улыбнулся.

– Не нужны нам твои деньги.

Часто Даре приходилось ужинать позже остальных. Горица оставляла ей что-нибудь на столе, прикрыв рушником, и еда остывала к тому времени, когда Стжежимир отпускал свою ученицу. В этот день Дара освободилась раньше обычного, ещё в полдень, и всё остальное время промаялась от скуки по городу, зато вернулась ровно к ужину, когда за столом на кухне собрались все, кроме Милоша и Стжежимира и, как ни странно, Ежи. Он всегда приходил к ужину, и его неожиданное отсутствие взволновало Горицу. Весь вечер она не находила себе места.

Веся оторвалась от рукоделия и села со всеми за стол. Ели женщины молча, в доме королевского целителя болтать за столом было не принято. Дара часто ловила на себе тяжёлый взгляд кухарки, и ей стало тревожно, что Горица прознала про их с Милошем отношения. Больше всего Дара опасалась, что кухарка разболтает обо всём Весе.

Отношения между сёстрами только-только стали налаживаться. Вроде бы и войны между ними не было, но и мира не осталось. Они обсуждали дела, погоду, наряды, городские сплетни, но не делились больше ни переживаниями, ни тайнами. Точно ледяная стена выросла между ними, и Дара даже не пыталась сквозь эту стену пробиться. Теперь ей было что скрывать и чего стыдиться.

Как бы старательно Дара ни врала самой себе, она предала Весю в тот миг, когда сама поцеловала Милоша. И этого было уже не изменить.

Ужин прошёл мирно, и как только миска Дары опустела, она прихватила из своего мешка припрятанный отвар и поспешила уйти. Мастерская Стжежимира пустовала, и она могла занять её на весь вечер.

Отвар странно горчил, Дара сморщилась, но проглотила. Она не могла объяснить, почему время от времени отвар, который давал ей Милош, имел разный вкус.

Из угла донёсся ехидный смех.

– Дедушка домовой? – позвала Дара, но дух не ответил.

На полках с лекарствами и мазями царил беспорядок, и оставалось немало пустых бутыльков. Целитель запрещал Горице там прибираться, а сам за порядком следил дурно, за это отвечали его ученики. Дара собрала пустые бутылки, посчитав, что Стжежимире они больше не могли пригодиться.

Почти к каждому бутылку крепилось название на небольшом отрезке бумаги или бересты. Бумага была дорогой, везли её с Благословенных островов или из вольных городов, поэтому даже королевскому целителю приходилось порой перечёркивать старое название и поверх писать новое, когда менялось содержимое бутылка.

Дара вооружилась куском угля, уселась за стол и вывела на первом сосуде знак, увиденный когда-то в одном из тех странных видений, что показывал ей Великий лес. Знак походил на лысую ветку дерева и на первый раз вышел у Дары криво и уродливо, совсем непохоже, а с бутылком ничего ровным счётом не случилось. Тогда Дара отставила его в сторону и взялась за второй.

На этот раз она выводила знак старательнее и дольше, и вышел он таким же, каким был во сне. Но опять ничего не произошло, и Дара разочарованно вздохнула, отставила бутылёк в сторону.

И он тут же исчез.

Осторожно Дара провела рукой, но ничего не почувствовала. Бутылёк не стал невидимым, он действительно испарился.

Некоторое время Дара не верила своим глазам. Она начала чертить знак прямо на столе, в том месте, где стоял бутылёк, но вовремя стёрла его ладонью, измазалась в сажу и схватила со стола Стжежимира целый лист бумаги. Она должна была вспомнить все знаки, что увидела в

лесу. Ведь если существовал знак, что заставлял вещи исчезнуть, то должен был существовать и тот, что раскрывал сокрытое.

– Милош! Давай к нам!

Часлав пьяно улыбнулся, его друзья повернули головы в сторону двери.

Комнаты в доме госпожи Франчески были все в багряных красках и золоте. Вместо печи горел камин, какими обогревали дома в Вердии, а на полу лежали мягкие ковры из Беязехира.

Головы гостей кружило от вина и звона монет, которыми были расшиты юбки и вуали красавиц госпожи Франчески. Её девушки славились своим умением танцевать, как она говорила, не хуже наложниц из вольных городов.

Милош присел на подушки рядом с Чаславом, принял кубок с вином из рук смуглой девушки с хищным разрезом глаз и осторожно пригубил напиток. Давно ему не приходилось бывать в доме госпожи Франчески, тело и разум отвыкли от соблазнов, проклятие ослабило его, а новая сила фарадальского чуда плохо ещё подчинялась. Но скоро в руке оказалась трубка, и голова стала лёгкой, а тело ленивым. Милош развалился на подушках рядом с другими мужчинами, слушая их праздную беседу и не спеша в неё вступить.

Нежные девичьи пальцы легко расстегнули верхние пуговицы, огладили его грудь и шею. Милош лениво принимал ласку и почти её не замечал. Если бы здесь не было Часлава, он бы отослал эту чернявую девушку прочь и попросил госпожу Франческу найти другую – голубоглазую, золотоволосую, – но не хотелось, чтобы друзья прознали о его слабостях.

– Я вас уверяю, лойтурцы пойдут на войну. Они вот-вот потеряют западные земли, и в первую очередь Змеиный мыс. И наш Карл поддержит родственников, – говорил прыщавый толстяк, Милош опять забыл его имя.

– Я и сам могу дать тысячи три человек, – тут же сказал Часлав. – Помочь нашим братьям – дело чести.

– Не спеши с этим, – перебил его толстяк. – Может, скоро пойдём не на запад, а на восток.

Все радостно загоготали и решили за это выпить, зазвенели позолоченные кубки. Милош выпил вместе со всеми, чувствуя, как потяжелела голова.

– О какой войне, пустошь вас поглотит, вы говорите? – язык его еле ворочался. – Зачем нам идти на восток?

Часлав оскалился в улыбке, не обращая внимания на рыженькую девушку, прижавшуюся к нему пышной грудью. Девушка накручивала на палец прядь волос Часлава, раскачивала длинную нить жемчужной серёжки в его ухе, пока княжич надменно пояснял:

– Ратиславия вот-вот падёт под натиском вольных городов. Им не продержаться до лета.

– Тебя это так волнует? – равнодушно спросил Милош.

– Мне будет жалко, если ратиславцев потопчут жалкие дикари. Мы бы сделали это с куда большим умением и наслаждением.

Юноши вновь захохотали, а Милош вдруг осознал, что не так уж он был пьян.

– Много я пропустил, пока был на Айосе, – обронил он небрежно.

– Так вот где ты пропадал! – слишком громко воскликнул толстяк.

– Я уже говорил об этом, – поморщился Милош. Кажется, в прошлую их встречу все были слишком пьяны.

– Многие девушки гадали, куда делся красавчик целитель, – загоготал здоровяк Вацлав. Милош обернулся к черноокой девушке, сидевшей за его спиной.

– Что, некому было вас лечить? – с притворной жалостью спросил он.

– Некому, господин, – покорно согласилась она, ластясь, точно кошка.

– Это надо исправить, – Милош скользнул губами по её губам, но поспешил вернуться к разговору: – Часлав, так с чего ты решил, что Карл поможет лойтурцам? И что у них там вообще происходит, что им вдруг понадобилась наша помощь?

– Так это всё чудища с островов, – встрял толстяк, и Милош наконец вспомнил, что его звали Премысл, был он то ли пятнадцатым, то ли двадцать пятым в очереди на рдзенский престол. – Они в последние годы всё чаще лезут на сушу, и лойтурцы решили, что пора под корень зачистить эти проклятые острова.

Милош лишь повёл бровью.

– А какое нам дело до этих чудищ? Это работа Охотников – защищать нас от нечисти.

– Да ладно, Милош, разве тебе самому было бы не интересно посмотреть на этих чудищ и срубить парочку голов? – возмутился Часлав.

– Ты забыл, что я всего лишь скромный целитель? – ехидно усмехнулся Милош. – Это вы, сынки благородных господ, машете мечами и получаете раны, а я деру с вас бешеные деньги, чтобы спасти от смерти.

Часлав и его товарищи захохотали над шуткой, хотя истины в ней было больше, чем во всём, что обычно говорил Милош, когда его разум одурманивало вино.

Весь оставшийся вечер он старался не заводить больше разговоров ни о лойтурцах, ни о принце Карле, чтобы не привлечь лишнего внимания, но под конец ему повезло, и Часлав сам завёл разговор о наследнике.

К этому времени все уже были безнадежно пьяны, и Милош с трудом вспоминал слова и имена. Они с Чаславом отсели подальше от остальных, им было нужно много чего обсудить.

– Надеюсь, ты разобрался с этим... Создатель, как же зовут эту курву с обожжённой мордой?

– Фэн Е, – подсказал Часлав.

– Точно. Так что, дальше нас обворовывает или как? Потому что я договорился с одним человеком из Деникиуса и не хотел бы, чтобы товар пропал зря.

– Фэн Е гниёт в канаве, – усмехнулся напарник.

Милош облизнул пересохшие губы и потянулся к кубку, но тот был давно пуст. Он разозлился на служанок, оставивших его ради других господ, более жадных до женского внимания.

– Не слишком ли?

Часлав помотал головой.

– Или так, или он сдал бы нас страже.

– Как бы не вышло хуже...

– Эй, моя работа решать такие проблемы, твоя – доставать лучшую дурь. Так что не будем учить друг друга, как вести дела.

С превеликим удовольствием Милош бы научил эту мразь, как вести дела и общаться с людьми. Но он промолчал, поднёс трубку ко рту, затянулся.

– Тогда чем меня порадуешь? – спросил он на выдохе.

– Угадай, кого я наконец заманил к нам в гости?

– Неужели Карла?

– Его самого, – торжествующе сказал Часлав. – Его курвино высочество.

Милош покинул дом госпожи Франчески раньше, чем бывало у него в привычке. Чернявая красавица, звеня монетами на груди и бёдрах, проводила его до дверей, умоляя остаться.

– Извини, душа моя, не сегодня, – улыбнулся на прощание Милош.

Он вышел за порог, шатаясь и плохо разбирая дорогу, но ночной воздух быстро отрезвил его и рассеял туман в голове. С некоторым удивлением и лёгкой досадой он осознал, что спешил домой к другой, своей чернявенькой.

Стража, встретившаяся по пути, присмотрелась к нему настороженно, но, разглядев пьяного щёголя в дорогой одежде, отвела глаза. Связываться с молодыми подонками из богатых семей было себе дороже. Откуда они могли знать, что Милош являлся всего лишь учеником целителя?

Оказавшись дома, Милош тихо прокрался в свою спальню и рухнул на постель, но долго ещё не мог заснуть. Он всё ворочался с боку на бок, и ему казалось, что грудь кололи прорывающиеся сквозь кожу перья. Несколько раз он подскакивал на постели, ощупывал себя, чтобы убедиться, что он человек, пытался заснуть снова, снова не мог найти покоя и так раз за разом, пока Милош не встал с постели и не спустился по лестнице, остановился у входа на кухню.

Было совсем тихо и темно, и он не мог угадать, спала ли Дара, слышала ли его шаги. Он заметил, как домовый копался в её вещах, но мешать не стал: дух любил лесную ведьму и вряд ли бы стал ей вредить. Всё равно недолго осталось домовому проказничать в доме. Милош почти добился его доверия и уже приготовил всё для обряда.

Он долго простоял на одном месте, всё надеясь, что Дара проснётся и подойдёт, но этого так и не произошло. Милошу пришлось вернуться в спальню одному, и сон его был тревожным. Ему не хватало человеческого тепла рядом, ласковых объятий и шёлка волос, чтобы напомнили в темноте, что он по-прежнему человек.

Глава 6

*Пусть хмель и корица, и змей,
и лисица
На первой зарнице прославят
сестрицу —
Аллилуйя Огненной Деве!*

«Ведьма», Мельница

Ратиславия

Месяц грудень

Есть одна ночь в году, что длиннее всех остальных, когда входят в силу нечистые духи и правят на земле Тень-сестра, холод и страх. Так люта́ эта ночь, что и духам становится не по себе, и люди стараются задобрить их и унять беспощадную ярость.

Загораются костры вокруг городов, сёл и деревень, и духи приходят на свет, пляшут, поют, и не отличить их от людей.

Народ верит, что те духи, которые хорошо повеселились у костра, оберегают землю весь следующий год, а обиженные дурным словом или бедным угощением возвращаются, чтобы отомстить.

Но много зим уже не зажигали костров вокруг городов, только в деревнях сохранилась верность обычаям предков.

Вячко вырос в Златоборске и потому следовал имперским обычаям. Отец требовал, чтобы в Ночь костров вся семья собиралась вместе: они посещали закатную службу, а после ужина. Несколько раз даже Яропок и Мечислав приезжали на праздник вместе с жёнами и детьми.

Только однажды Вячко оказался далеко от храмов и молитв Пресветлых Братьев. Прошлой зимой вместе с несколькими дружинниками его отправили на поиски наёмников, которым заплатили за убийство лойтурского посла. Небабу и Синира Вячко послал за наёмниками, а сам вместе со Стрелой незаметно последовал за обозом посла. Отец настоял на том, что лойтурцы не должны были заподозрить о покушении, это могло испортить с ними отношения.

Вячко и Стрела держались в стороне от обоза посла. Костёр разжечь было нельзя, и они со Стрелой окопались, если бы Горяй не дал им с собой противный до тошноты настой, который не позволял замёрзнуть, но и разум не мутит, в отличие от хмеля.

В Ночь костров они наблюдали издали за дымом, поднимавшимся над стоянкой лойтурцев. Дальше, с другой стороны, скрывались Небаба и Синир. Наёмники будто почуяли засаду и не спешили показаться.

Холод стоял невыносимый, но Стрела не замолкал ни на мгновение и травил байки, они всегда давались ему легко. Больше всего Стреле нравились истории о нечистой силе. В деревне, где он вырос, любили пересказывать друг другу былички о злых духах, старых богах и чародеях.

— Была у нас в соседней деревне, в Колышках, девка одна, звали Людмилой.

— Погодь, это которую карлик бородатый унёс? — припомнил Вячко одну из старых сказок Стрелы.

– Да нет, ту звали Умила, она дядьки моего троюродного дочка.

Вячко поглядел на Стрелу с сомнением, точно так же, пожалуй, как и когда услышал эту историю в первый раз. Быличкам Стрелы мало кто верил, но всё равно с охотой слушали, уж больно горячо и увлекательно у него выходило описывать немыслимые чудеса и приключения.

– Твоего дядьки? Родственница твоя, получается?

– Зуб даю! – громче нужного сказал Стрела, за что и получил от Вячко по шапке. – Зуб даю, – повторил он уже шёпотом. – Я сам её встречал, когда мне лет пять было. Она из бороды этого карлика потом носки мужу связала.

– Ну-ну, – Вячко отвернулся, возвращаясь к наблюдению за стоянкой лойтурцев, но краем уха продолжил слушать. – Так что с этой девкой из Терешков?

– Из Колышков, – поправил Стрела. – Звали её Людмила. Хорошая была девка: красивая, словно лебёдушка белая, скромная, как голубица сизокрылая, голос звонкий, что ручей по весне, и работающая к тому же. И каждый парень в Колышках и нашей Дубравке за большую удачу считал взять её в жёны, но была у Людмилы даже злая мачеха.

– Ясное дело, что злая, – невесело хмыкнул Вячко и натянул шапку на замерзающие уши, вспоминая надменное лицо княгини Фиофано. – И что, мачеха девку со свету сжила?

– Да что ж ты всё торопишься? – возмутился Стрела. – Раз всё лучше меня знаешь, то и рассказывать ничего не буду.

– Давай не ломайся, говори.

Товарищ ещё немного помолчал, но тишины выдержать всё-таки не смог.

– В общем, надумала мачеха падчерицу со свету сжить. Мужёк у неё так себе был, бесхребетный, вот она и велела ему отвезти родную дочь в лес и оставить на лютom морозе волкам и нечисти на съедение. А дело было как раз под ночь солнцеворота, то есть Ночь костров, как это здесь зовётся.

Вячко достал из сумы баклагу с настоем и сделал глоток, сдерживая рвущийся кашель. Стрела обречённо принял баклагу и тоже отпил. Когда они отдышались, то он продолжил:

– Долго ли, коротко, а вывезли Людмилу из Колышков прямо в лес и оставили под самой высокой елью на голом снегу ждать верной смерти.

– А чего она сама домой не пошла? – снова перебил Вячко.

– Так откуда глупой бабе знать, как дорогу найти? – рассердился Стрела, но на этот раз не закричал, а прошипел еле слышно.

Вячко едва сдержал смех. Рассказ Стрелы показался смешным, детским совсем, таким только ребятиню малую пугать, но ночь была длинной, холодной, и разговор, пусть и глупый, скрашивал ожидание.

– И вообще, – ворчливо продолжил Стрела. – Людмила была не простой кметкой и с подругами по грибы, по ягоды не ходила. Отец её пусть и тряпка редкостная, а роду боярского, вот и сидела Людмила всю жизнь в светлице, мира почти и не видела.

Мороз крепчал, ворчал, кусал за щёки, а огонь вдалеке манил соблазнительным жаром. Вячко сжимал и разжимал пальцы в рукавицах, опасаясь, что руки потеряют чувствительность, задеревенеют от холода и в случае нападения он не сможет держать не то что лук и стрелы, но даже меч.

– Сидела Людмила под елью – вот прямо как мы с тобой, – ждала верной смерти, а между тем солнце красное спряталось за деревьями, и стало совсем темно. Дрожала бедняжка от страха, и ветер её пронизывал до самых костей. Завывали голодные волки вдалеке...

– А ты откуда знаешь, что волки голодные были?

– Ты можешь, ради Создателя, не перебивать?

Вячко провёл пальцами себе по губам, изображая, будто запер их на замок. Стрела устало покачал головой.

– Так вот. Сидела Людмила, слушала, как волки завывали всё ближе, и вдруг стало совсем тихо. Сидела она тише воды и шевельнуться боялась, как слышит... шаги позади.

Вячко пусть и не испугался рассказа, но всё равно прислушался, не ходил ли кто у них за спиной.

– И спросил её голос могучий и властный: тепло ли тебе, девица? Людмила со страху и сказала, что, мол, да, батюшка, тепло. А голос продолжил: почему не пригласишь к огню, почему не уважишь?

Вячко почти растерял терпение и хотел прямо спросить Стрелу, кто говорил с Людмилой и почему требовал у замерзающей девушки разжечь костёр, когда прямо над его ухом раздался незнакомый сердитый голос:

– Почему не пригласишь к огню? Почему не уважишь?

Вячко задубел от ужаса и даже повернуть головы не посмел, только скосил глаза в сторону, пытаясь что-нибудь разглядеть, а ему на плечо легла тяжёлая рука.

– Почему не пригласишь к огню? – сердито повторил голос.

Первым ожил Стрела. Хотя лицо его вытянулось от страха, он нашёл в себе силы приподняться и с почтением произнести:

– Ночи доброй, дорогой гость. Прости нас, мы не можем разжечь огонь, но готовы предложить тебе согреться вместе с нами и разделить ужин.

Медленно Вячко повернулся и встретился взглядом с невысоким мужичком в лисьей шубе и с надутыми, как у толстого младенца, щеками. Глаза его были скрыты под низко повязанным платком.

– А чего костров не жжёте? – допытывался мужичок. – Али не знаете, какая сегодня ночь?

– Знаем, дорогой гость, знаем, – закивал покорно Стрела. – Но не можем никак зажечь огонь и уважить тебя как положено. Мы отслеживаем душегубов, которые в твоём лесу хозяйничают и беспорядок в священную ночь творят, а свет распугает их, и тогда они избегут наказания.

Щекастый надул ещё сильнее, скривил губы, размышляя.

– Ладно, – махнул он рукой, – давайте своё угощение, а то я с осени одними грибами да орехами питаюсь.

Стрела поспешно полез в свой мешок, а гость присел рядом и повернулся к Вячко. Глаза незнакомца по-прежнему были скрыты, но княжич всё равно почувствовал его тяжёлый взгляд на себе. Как мог он видеть с завязанными глазами?

– И лица у вас неприкрытые, так не положено.

Стрела тут же повыше поднял ворот и шапку опустил на лоб так, что на виду у него остались только глаза. Вячко посмотрел на него в недоумении, но поспешил сделать так же. Пусть Стрела и был болтлив, словно баба, но всегда отличался сообразительностью и зря бы так себя не повёл.

Вячко нашёл в своей суме хлеб, вяленое мясо, сыр и пару луковиц, положил всё на платок, расстеленный расторопным Стрелой. Ночной гость угощение оценил, откусил прямо от ломтя сыра.

– А медовухи у вас нет? – спросил он.

– Только настойка на травах, – ответил Вячко. – Но она противная.

Щекастый не поверил, взял у Вячко баклагу, глотнул и тут же выплюнул в сторону.

– Вот вы паскуды! Ах, тьфу! Да я вас со свету сживу за такую дрянь! В священную ночь... мрази!

Вячко забрал баклагу из его рук.

– Не сердчай, дорогой гость, но мы делимся с тобой всем, что у нас есть, другого не имеем. Приходи на следующий год, уважим по-княжески.

Мужичок повернул голову сначала к Стреле, потом к Вячко, хлопнул себя по коленям и с задором выкрикнул на всю округу:

– А приду! Приду на следующий год!

И пропал. Повисла тишина на короткое время. Вячко и Стрела вдохнуть не смели. И вдруг одновременно они схватились за головы. Крик гостя не могли не услышать наёмники.

– Всю засаду сорвал нам, паршивец...

Лойтурцы тоже всполошились от крика, немедленно послали людей проверить округу. Вячко и Стреле долго пришлось скрываться, ходить кругами, путая следы. Посол не должен был узнать ни о преследующих его убийцах, ни о ратиславской охране.

– Так кто это был? – после спросил Вячко у товарища. – Леший вроде зимой спит.

– Аука это был, – пояснил Стрела. – И хорошо, что он. Аука любит пошутить, но повстречайся нам леший, так не сносить нам с тобой головы за то, что не празднуем Ночь костров как полагается. Духи не прощают, если нарушают обычаи. Но Аука, слава Создателю, пожрать любит, да и зимой, наверное, заскучал в своём лесу от одиночества.

Ещё чуть позже Вячко вспомнил, что Стрела так и не закончил свой рассказ.

– А что с Людмилой? – спросил он. – Она тоже встретила Ауку и угостила его?

– Дак не было у неё с собой ничего, – выдал Стрела. – И встретила она Морозко. Закоченела насмерть.

Наутро они наткнулись на стоянку наёмников. Все они были мертвы и раздеты догола. Кажется, они плясали в хороводе: снег вытоптали по кругу почти до самой земли, и даже после смерти наёмники держались за руки, точно продолжая танец.

Мертвецы улыбались блаженно. Костров минувшей ночью они тоже не жгли.

Ратиславия, Златоборск

– Чудной ты, огонёк, – не сводя с княжича глаз, загадочно улыбалась Неждана. Она смотрелась неказисто в овечьей шубке, вывернутой наизнанку, и с рожками, повязанными поверх пёстрого платка. Вытянутое веснушчатое лицо казалось совсем некрасивым, когда не видно было ярких волос, и только острый нос торчал, то и дело забавно морщась.

– Чудной? – недовольно переспросил Вячко.

– Такой угрюмый и задумчивый всё время, а как заговорит с тобой кто, так сразу улыбаешься, бодрись и весь из себя... княжич. Отвернётся человек, и ты снова мрачнее тучи.

– Ты не за мной смотри, а за собой, – огрызнулся Вячко. – И вовсе я не угрюмый.

– Угрюмый-угрюмый. Но если маску наденешь, то никто ничего и не заметит, – подсказала Неждана и сама надвинула на лицо берестяную маску козы, пряча за ней обиду. – Жаль только, что всегда её носить нельзя.

Вячко повертел в руках маску оленя, которую заставил его захватить с собой дядька. В остальном Вячко остался самим собой, да и ни к чему было рядиться, если каждый мог узнать княжича по одной только походке.

Костры в Златоборске горели ярко. Городские ворота закрыли, за ними было темно и тихо, а посад гудел, распаяясь медленно, но жарко. Столичный народ почти позабыл древний праздник и привык страшиться Ночи костров, проводить её в молитвах и остерегаться незнакомцев, прячущих лица, но Снежный князь нарушил сложившийся обычай, вернул в Златоборск яркие огни. По-разному встретили его решение. Больше всех возмутились служители Создателя. Пресветлый Отец и вовсе пригрозил, что покинет столицу, если хотя бы один костёр зажгут в её стенах. Часть бояр встала на его сторону.

– А с чего мы вообще подчиняемся Ярополку? – возмутился на совете боярин Торчин. – Разве не жена Великого князя должна быть его наместницей на время войны? Так почему мы должны слушаться язычника?

Ярополк велел посадить Торчина в острог, если тот ещё раз скажет слово против него, и напомнил, что язычником тот назвал потомка Константина-каменолома.

Костры всё равно зажгли вокруг города в ночь солнцеворота. И дудочки, и свирели, и барабаны, и трещотки задорно заиграли на берегах двух рек.

Всё вокруг сверкало яркими красками платков, огненных всполохов и разноцветных масок. В ушах звенело от смеха и гогота.

Вячко прошёлся по берегу, наблюдая за гулянием. В толпе мелькнула Неждана. Она держалась напряжённо. Большой город, кажется, пугал её, как пугала и лихая пляска вокруг костра, и горящие колёса, которые гнали по улице ряженные парни, изображавшие духов Нави.

Пышнотелая девушка в маске коровы подскочила к Вячко, поклонилась чуть ли не до самой земли и протянула миску с пирогами.

– Добро пожаловать, гость дорогой, – проговорила она скороговоркой. – Уважь нас, погрейся у огня, прими угощение.

Вячко легко поклонился в ответ, взял один пирог и приподнял маску, чтобы расцеловать девушку в благодарность. Она смущённо захихикала.

У костра собрались в основном молодые, несватанные девки и юноши. Напротив Вячко шептался с девицей скренорский воин. Пусть он тоже надел маску, да только оружие на его поясе и покрой одежды выдавали в нём северянина. Некогда ратиславцы и скренорцы молились одним богам. Кто-то даже верил, что сам князь Вышеслав был родом с островов. Удивительно, но в эту ночь почти забытое прошлое вдруг послужило на благо. Впервые со дня, когда скренорцы прибыли в Златоборск, между ними и местными жителями наступил лад.

По всему берегу пылали костры, и у каждого веселился народ. Немногие остались дома, даже тех, кто не сразу осмелился выйти, выманили на улицу запахи еды и весёлый смех. Почти каждый род, большой и малый, разжёг свой огонь, выставил угощения, кто на что был богат. У костра, к которому подошёл княжич, подавали пироги, пиво и сало с хлебом. У следующего костра угощали медовухой, жареными курами и соленьями. Лучше всех потчевали те бояре, что старались поддержать Ярополка, и сами князья.

Доедая пирожок, Вячко осматривал улицу. В маске разглядеть что-либо было трудно, и княжич злился, что нельзя её снять. Ему вдруг вспомнилась прошлогодняя засада, и он пожалел, что рядом с ним теперь не было Стрелы. Тот нашёл бы способ быстро развеселить княжича.

Во рту пересохло, захотелось пить. Девушка, которая привела его к костру, подала Вячко большой кубок с вином. Кубок был серебряным, украшенным драгоценными камнями. Вячко мог поклясться, что кубок этот был едва ли не самым дорогим предметом в семье девушки. В Ночь костров никто не боялся быть обкраденным, а вот не уважить духов опасались и потому предлагали всё самое лучшее.

Недалеко звонко заиграла свирель. Кудрявый парень, стоявший рядом с Вячко, узнал мотив и громко запел о снежной ночи и жарких кострах, о плясках до зари и о красном солнышке, что развеет тьму.

– Потанцуй со мной, кня... гость дорогой, – всё та же девушка взяла Вячко за руку и потянула в сторону мигом собравшегося хоровода.

Глупо было противиться, да и грубо. Вячко позволил увести себя к остальным, крепко схватил девушку правой рукой, а левой незнакомого парня, и вот они понеслись в пляске вокруг огня.

Грохотали барабаны вдалеке, визжали радостно девки, смеялись раскатисто парни, и костры горели ярко. Сделалось так жарко, будто посреди зимы наступило лето.

Не разобрать было рож и морд на деревянных масках, пока кружил хоровод. Всё слилось в одно, всё запылало весельем. Разгулялся Златоборск, как если бы не было войны на пороге, как если бы не ушли мужья и сыновья с Великим князем в поход, как если бы не наводнили

столицу чужаки. Да и последних уже не отличить было в Ночь костров. Они все стали похожи друг на друга, все одинаково пьяны, беззаботны и счастливы.

Сверкнул в стороне знакомый цветастый платок, и Вячко обернулся. Неждана вынырнула с другой стороны, втиснулась между ним и пышногрудой девицей, несмотря на недовольные возгласы последней. Они пролетели вместе ещё несколько кругов. Вячко смотрел на подпрыгивающую в пляске рыжую косу, на козлиные рожки, на всполохи огня.

Распался хоровод, раздробился на десяток пар. Неждана не выпустила руки Вячко.

Они остановились, замерли друг напротив друга. Парочки в танце толкали их локтями, хохотали, повизгивали от возбуждения. Но Вячко и Неждана не шевелились.

Волосы упали на потный лоб княжича, и он убрал прядь, тяжело дыша и не сводя глаз с девушки.

Козья морда смотрела на него, и за маской нельзя было ничего прочесть в глазах. Вячко чуть наклонил голову и заметил, что Неждана протягивала ему вторую руку.

– Что? – спросил он.

– Я не знаю, как плясать по-вашему, огонёк, – послышался приглушённый голос. – Научишь?

Приглашение застало его врасплох. Понимала ли ведьма с болот, зачем девушки звали парней танцевать? Знала ли, чем заканчивались обычно ночи возле костров?

Вячко так и стоял, не зная, как поступить, когда прямо ему на ухо прошептали:

– Почему не пригласишь к огню? Почему не уважишь?

Позади оказался низенький пузатый мужичок, лицо которого скрывала сухая жёлтая трава, свисавшая с кожаного очелья на лбу. Незнакомец выглядел подозрительно знакомо. Вячко нахмурился.

– Али не помнишь, что обещал угостить меня по-княжески?

– Дорогой гость, – вырвалось у Вячко. – Конечно, добро пожаловать к моему костру. Идём!

Позабыв тут же про Неждану, княжич повёл Ауку к Священной роще, где собрались его товарищи. К их костру тянулись незамужние девушки, мечтавшие встретить холостых дружинников князя, и молодые парни, охочие до щедрых угощений. Люди Вячко разливали вино и пиво, жарили кабана и готовили рыбу, выловленную из проруби ранее утром.

Аука довольно напевал что-то себе под нос. В гомоне голосов и музыки было не разобрать слов, как Вячко ни прислушивался.

Сказания предков не лгали: духи приходили к кострам людей, танцевали и пели вместе с ними. Празднование вдруг заиграло новыми красками. Вячко осмотрелся по сторонам, пытаясь угадать, кто был человеком, а кто созданием Нави. Но вряд ли он мог сказать наверняка: его гостя нельзя было отличить от обычных людей. В Ночь костров всё выглядело иначе.

Оказавшись у княжеского костра, Вячко велел подать лучший кусок мяса, солений и побольше ауфовоского вина. Он усадил духа на лавку поближе к огню, сам сел рядом, принимая угощение от вдовы Деяна.

Аука от вина отказался, взял себе кружку пива. Ел он молча, довольно урча и крутя головой по сторонам. В тених, там, куда едва долетали искры костра, стояла Неждана, наблюдала за ними. Вячко махнул ей рукой, чтобы не переживала. Верно, она не доверяла духам после всего, что случилось с её народом.

– А чего не сплясал с белой девкой? – спросил вдруг Аука.

Вячко не сразу догадался, что дух говорил о Неждане.

– Не знаю, растерялся, наверное. Почему ты назвал её белой? Волосы у неё рыжие, да и вообще спрятаны под платком.

Аука захихикал, раздвинул занавес из жухлой травы, чтобы положить в рот кусок мяса.

– От меня-то не скроешь такое, – сказал он. – Волосы у неё белее снега, а глаза как молоко. И дух в ней нездешний. Не люблю я чужаков...

– Но лойтурцев ты тогда спас от наёмников, – припомнил Вячко. – Спасибо тебе за это.

– Больше чужаков я не люблю только тех, кто в моём лесу наводит беспорядок. Это позволено только мне, – Аука сорвался на безудержный полоумный смех и, отпивая из кружки, закашлялся. На Вячко брызнуло пиво, ещё сильнее запахло хмелем.

Ел Аука жадно, как если бы голодал до этого несколько дней. А пил вдвое больше Вячко, вдова Деяна едва успевала подливать Ауке, и вскоре княжич забрал из её рук кувшин и сам стал ухаживать за гостем.

Когда дух наконец насытился, то утёр рукой жирный рот и вздохнул довольным.

– Неплохо у тебя кормят, не соврал, – сказал он. – Передай брату своему, что мы его отблагодарим. За весь праздник отблагодарим так, как он и мечтать не смел.

– Это как же? – внутри у Вячко всё заледенело от предвкушения. Духи коварны, но щедры к тем, кто им по нраву.

– Приведём её... да-да, приведём. Мне так и велели передать. Мы исполним его желание.

Аука захихикал ещё безудержнее прежнего и сорвался на громкий хохот, засмеялся от всей души, ахая, охая, повизгивая и даже похрюкивая. Пузатый живот затрясся от хохота. И люди, пожалуй, поглядели бы на них в изумлении, но в эту ночь все были безумны, все потеряли голову от жара костров.

Вячко захотелось схватить Ауку за ворот и потрясти со всей дури, чтобы вырвать из него этот смех, но дух вдруг сам замолчал. Так резко, как будто из него выбили воздух одним ударом.

– А тебе, княжич, лучше уходить, – вдруг сказал он. – За тобой пришёл меченый. И за братом твоим. И за отцом. Тут уж вы сами.

– О чём ты?

Аука показал куда-то за плечо Вячко. Позади веселилась толпа, ничего нельзя было разобрать, никого выделить из танцующих. Но даже от берега реки, из самой низины было видно жаркий костёр Снежного князя, что горел на высоком холме.

Когда Вячко посмотрел назад, Ауки уже и след простыл. Показалось на мгновение, что он плясал вдалеке с девками, но в толпе никого было не узнать.

– Что случилось? – рядом тут же оказалась Неждана.

Вячко посмотрел на неё недовольно. Больно она стала навязчива, следовала за ним везде, всё выпытывала и расспрашивала.

– Не знаю ещё, – произнёс он угрюмо.

Быть может, зря он её подозревал в недобром? Ведьме с болот нелегко приходилось в ратиславской столице, люди и их обычаи были ей чужими и незнакомыми. Но в эту безумную ночь Вячко предпочёл быть осторожнее и держаться подальше от неё.

– Оставайся тут, веселись. Мне нужно сходить кое-куда. Одному.

Неждана стояла на месте, склонив голову набок.

– Ты, огонёк, меня боишься, – произнесла она. – А зря. Я не враг тебе.

На болотах Вячко был у неё в руках, но не в Златоборске. И повелевать теперь было в его власти.

– Синир! – позвал Вячко.

Дружинник сидел на сундуке у самого костра и крутил на вертеле поросёнка.

– Чего?

– Встань.

Не задавая лишних вопросов, Синир поднялся. Вячко откинул меховую подстилку в сторону, поднял крышку. Он сразу нашёл свой меч. На праздник было принято являться без ору-

жия, позволялось принести только небольшой нож, но они с дружинниками сговорились сложить мечи в сундук на всякий случай.

Никто не мог предугадать, что случай действительно представится.

– Мне с тобой? – спросил Синир.

– Не надо, оставайся. И будь настороже.

Товарищ кивнул. Неждана снова оказалась рядом, схватила Вячко за локоть.

– А я? Можно я с тобой?

– Нет. Синир, присмотри за ней.

Даже не оборачиваясь, он почувствовал на себе внимательный, обиженный взгляд Нежданы. К счастью, толпа быстро окружила Вячко и скрыла от её глаз.

Выше по берегу реки Вышни горел костёр Снежного князя. Вместе с Ярополком собрались знатные бояре. Там поставили длинные столы с лучшими угощениями, пели гусяры и веселили народ скоморохи.

Там было слишком много чужих людей, и все они носили маски. Кто угодно мог подобраться близко к Ярополку.

Вячко прибавил шагу, и вдруг его остановил высокий мужчина, ряженный быком.

– Что-то не так, Вячко? – спросил он голосом Горыни. – Куда торопишься?

– Надо найти Ярополка.

Дядька, как и все, был в маске, но Вячко ясно представил, как Горыня нахмурился.

– Что-то случилось?

– Пока нет. Но, кажется, вот-вот случится.

Больше объяснять не пришлось. Горыня был из догадливых.

– Я с тобой.

Они слишком медленно поднимались по берегу Звени. Протолкнуться через толпу было сложно. Может, Пресветлые Братья и предупреждали горожан, чтобы те не отмечали языческий праздник, может, и грозили всевозможными карами, но людей это не остановило. Почти весь Златоборск собрался у костров в ту ночь.

Огни ярко освещали ночной берег. Люди и духи вместе угощались и обнимались, танцевали и пели. Жарко пылало пламя. Стоило отойти от одного костра, как темнота пожирала мир вокруг, но расступалась в страхе перед следующим костром.

Что могло угрожать Ярополку и отцу? О чём предупредил Аука? Человек или дух пришёл за ними?

Стрекотали бешено трещотки, визжали радостно девки.

«Или змей».

Неждана предупреждала, что он будет охотиться на княжеский род.

До стоянки Ярополка оставалось не больше шести-восьми костров. И чем ближе Вячко и Горыня приближались, тем плотнее толпились люди. Пьяные, весёлые, крикливые, они плясали и обнимались с незнакомцами.

– Эй, олень! Олень, говорю! – какой-то парень, ряженный в женский наряд, обхватил Вячко, не глядя поцеловал в подбородок, сдвинув рогатую маску чуть вверх.

– Пусти, – Вячко надвинул маску обратно.

– С праздником тебя, олень! С этим... А чё мы празднуем?

Вячко осторожно вырвался из объятий.

– Дай пройти.

– Да ты чего?! – возмутился ряженный. – Праздник же. Э-э, надо ж это, уважить обязательно. Ты чего, сука, не уважаешь меня?

Нельзя было тратить на него время, как и нельзя было нарушить законы Ночи костров.

Молча Горыня отодвинул племянника в сторону, легко схватил ряженого за шиворот и переставил в сторону.

– Мужик, ты чего?

– Со мной потанцевать не хочешь? – низким гулким голосом спросил Горыня.

Вячко поспешил обогнуть дядьку и ряженого, протиснулся через толпу, ушёл с дороги чуть в сторону, где было меньше людей.

Напряжённый, он вглядывался вперёд, точно надеялся разглядеть Ярополка сквозь толпу. Что должно было произойти? Кто угрожал брату? И отцу... Аука упомянул отца. И самого Вячко.

Свист, удар. Шею обожгло. Вячко закричал и даже не успел ничего понять, как оказался на земле. Меч выпал из рук. С лица слетела маска.

Вячко схватился руками за удавку на шее, но только прожёл рукавицу. Петля оказалась соткана из огня, нельзя было её взять обычному человеку.

Завизжали люди, разбегаясь в стороны. Яростный рёв оборвал испуганные крики. Горыня выхватил нож. Вячко не мог ничего увидеть, но услышал, как ударила со звоном сталь. Рукой он потянулся к мечу, перевернулся на живот, прополз по земле. В глазах потемнело.

Наконец петля ослабла, и Вячко вздохнул свободно. Кожу на шее жгло, и из горла вырывались хрипы. Но Вячко заставил себя встать, забыть хоть на короткий миг о боли. Он поднял меч с земли.

Вокруг стало безлюдно. Народ толпился в стороне, наблюдал с безопасного расстояния.

Возле костра бились двое: Горыня с коротким ножом и юркий колдун в маске с нарисованной улыбающейся мордой. Безоружный, он стрелял заклятиями стремительно, точно стрелами из лука.

Колдун взмахнул руками, и ближайший костёр потух, повалил чёрный дым от головёшек, а пламя метнулось на Горыню, накрыло с головой, словно одеяло. Дядька заревел медведем и скинул шубу, упал на снег, пытаясь стряхнуть огонь.

Вячко шатался, голова кружилась. Он прыгнул вперёд, чуть не споткнулся о собственный меч, слишком тяжёлый в ослабевших руках. Колдун заметил его и кинулся прочь, Вячко за ним.

До следующего костра наперегонки. Быстрее, быстрее, только бы дотянуться клинком. Колдун оказался проворнее. Он зачерпнул огонь, точно ком снега бросил его в Вячко, и княжич взмахнул мечом.

Он отбил по привычке, как отбил бы от любого оружия, сам зажмурившись от страха перед неминуемой гибелью. Против огня клинок не мог спасти. Не мог и всё же спас.

Огонь натолкнулся на княжеский меч и кинулся назад, на чародея, а Вячко – следом, тело двигалось быстрее мысли. Колдун замешкался, лишь на мгновение оторопел, но клинок уже вошёл ему в грудь, жадно напиваясь кровью.

Княжич обернулся назад, чтоб убедиться, что дядька жив. Над Горыней уже хлопотала Неждана, шептала что-то, и ожоги на руках и лице его заживали.

Вячко склонился над колдуном, разглядывая кривую улыбку на берестяной маске, стянул её, чтобы увидеть смуглое лицо с раскосыми глазами и клеймо на лбу. Знак Дузукалана. За ними пришли рабы-чародеи из вольных городов.

– Неждана! – позвал Вячко, и голос вырвался хриплым кашлем из горла. – Найди моего брата.

– Но Горыня...

– Быстрее!

Ведьма кивнула, оставила дядьку и стрелой кинулась вперёд. Быстро, ловко, как умела охотница с Мёртвых болот.

– Жив? – спросил коротко Вячко у своего дядьки. От каждого звука горло пронзало от боли.

Горыня присел, тяжело дыша. Огонь не успел сильно покалечить его.

– Не помру, слава Создателю. Торопись давай, я тоже за вами...

Горыня попытался встать, но снова рухнул на землю.

– Приведите знахарку! – крикнул Вячко толпе. – Живо!

Несколько человек кинулись выполнять приказ княжича, а он сам побежал дальше. Дышать было трудно, кожу на шее жгло нещадно, но Вячко бежал, а сам всем сердцем хотел развернуться и броситься в обратную сторону. Раз он едва совладал с колдуном в первый раз, так как ему побороть ещё одного?

К тому же на подмогу брату уже отправилась Неждана. Ведьма поможет против колдуна. Вячко хотел повернуть назад. От страха вспотели ладони. И всё же он не свернул. Он завидел костёр Ярополка издалека. Вокруг лежали на земле люди. Пятеро. Все – гридни князя. Ярополк истекал кровью, а вокруг кружили чародеи и Неждана. Она не колдовала, дралась на ножах с одним из колдунов. Один из них занёс руку для заклятия.

Вячко набросился сбоку, взмахнул мечом. Кровь брызнула горячей струёй.

Ярость забурила в жилах, боль и страх были позабыты. Вячко двигался быстро, ловко, как никогда прежде.

Подскочил сбоку и отрубил второму колдуну правую руку.

– Су-у-ука! – завопил тот на чистом ратиславском.

Вячко оторопел, сорвал маску с поражённого колдуна, увидел перед собой светлое лицо, пшеничные волосы и широкий лоб, изуродованный клеймом Дузукалана.

Колдун упал на колени, заплакал, схватившись за культю, забаяюкал изуродованную руку. Вячко ударил его по затылку, и мужчина повалился без сознания.

К костру спешили люди. Почти все они были безоружные, никто, кроме гридней князя, не посмел нарушить закон Ночи костров.

– Свяжите колдуна! – крикнул в сторону Вячко, надеясь, что найдутся те, кто исполнит приказ.

Мельком он огляделся. Ярополк пытался подняться, к нему уже бросились на помощь бояре. Неждана отступала. Она была быстрой, ловкой, она отбивала удары, но не колдовала. Почему она не колдовала? Раб в одной руке держал нож, другой творил заклятия. Вячко видел, как искры касались Нежданы, как она сдерживала крики, как кровь текла у неё из ушей, как нож отбивал с пронзительным звоном удары.

Вячко подскочил к рабу со спины. Он не стал его жалеть, прошёлся клинком прямо по позвоночнику, повалил на землю и ударил по лысому затылку рукоятью меча. Он бил его, пока не проломил череп. Быстро. Так быстро. Всего несколько ударов, и вот уже не стало человека. А Вячко всё не мог остановиться и бил, бил.

Руки дрожали. Он понял это, когда Неждана потянула его за плечо.

– Хватит, огонёк...

Лицо и шея её почернели там, где коснулись кожи заклятия колдуна.

– Почему ты не колдовала?

Подчиняясь девушке, Вячко отошёл в сторону, но меча из рук не выпустил.

– Я же говорила, что чары мои иного толка. Я вряд ли смогу убить заклятиями, такому меня не учили.

– Ты ранена.

Точно впервые заметив это, Неждана удивлённо коснулась разрезанной одежды. Мех окрасился кровью.

– Тебе нужна помощь. Пошли с нами во дворец.

– Не стоит, огонёк. Я сама лучше справлюсь...

Вячко нахмурился, хотел возразить, но услышал гулкий голос Горыни:

– Ярополк, не дури, нужно увести тебя во дворец. Кто-нибудь мог ещё уцелеть.

Брата поддерживали под руки бояре, вокруг собрались уцелевшие гридни.

– Вячко!

Ярополк хотел обнять его, но Вячко отстранился.

– Осторожнее, потревожишь рану.

Брат поморщился.

– Не умру. Бывало и похуже. Ты цел?

Вячко кивнул, и Ярополк облегчённо вздохнул.

– Сукин сын Шибан поплатится за это. Кажется, выиграть войну честно он уже не надеется.

– Нужно отправить людей, чтобы проверили берег, заставить всех снять маски. Тогда колдунов сразу опознаем по клейму...

– Нет, – оборвал Ярополк. – Нельзя срывать маски, это оскорбит богов и духов. Пусть всё продолжается. Мы дождёмся рассвета. Приведите целителей сюда, никто не расходится. Слышите? Мы дождёмся рассвета.

Прикусывая губу, он добрался до кресла у самого костра. Вячко присел на меха рядом с ним.

– Свяжите колдуна! Оттащите в темницу, – распорядился Ярополк.

Вячко прошептал едва слышно, голос ему плохо подчинялся:

– Меня предупредили, что те же люди отправились сегодня за отцом.

Ярополк помрачнел ещё больше.

– Будем ждать рассвета, – повторил он. – Останься пока со мной, скоро придут целители. И эй, дружина, – прокричал он громче. – Не прогоняйте гостей. Это Ночь костров, нужно уважить любого, кто сам не нарушил закон. А этих, – он махнул в сторону убитых рабов, – бросьте в огонь.

Прикрывая обожжённую шею, Вячко покосился на брата. Ярополк побледнел, из раны его сочилась кровь, но он сидел прямо, гордо держал голову, и глаза гневно сверкали.

– Ты молодец, Вячко, – проговорил он едва слышно. – Если бы не ты, я бы погиб. Я ничего не смог против них сделать. Ничего...

– Они чародеи, обычный человек не может им противостоять.

– Тогда как у тебя получилось?

Вячко притянул к себе дедовский меч, провёл пальцами по рукояти, обводя крылья совы.

– Этот меч второй раз уже спасает меня от колдунов. В нём есть что-то особенное, но я не знаю, что именно.

– Меч, которым побороли Змеиноного царя... Что ж, Вячко, тогда буду надеяться, что этот ящер-крадущий-солнце сначала решит познакомиться с тобой.

– Я постараюсь быть рядом, – пообещал Вячко.

Ярополк положил руку ему на плечо, лицо его было уставшим, он с трудом держался в кресле.

До самого утра никто, кроме людей князя, больше не приближался к костру Ярополка. Напротив, люди спешили уйти подальше, даже Неждана пропала.

Вдвоём в окружении гридней, дружинников и целителей братья прождали до утра. И когда потухли костры по всему берегу, а люди разошлись спать, когда минул день и наступил поздний вечер, до столицы долетел голубь из Лисецка: там минувшей ночью был убит колдунами из Дузукалана Великий князь Мстислав.

Рдзения, Совин

Столица Рдзении походила на огромный ларец лойтурских мастеров, наполненный до самых краёв переливчатыми звуками музыки. Молитва Создателю доносилась со всех сторон. Люди пели и несли по улицам зажжённые свечи. Это было похоже на сказку. Дара застыла на

крыльце, от удивления не в силах сдвинуться с места, пока Милош не взял её под руку и чуть подтолкнул вперёд.

– Неужели ты боишься молитвы, как и положено всем ведьмам? – прошептал он ей на ухо.

Дара задорно улыбнулась:

– Как ты остроумен.

– Видимо, достаточно остроумен, раз ты даже не придумала, какую гадость сказать мне в ответ.

Веся оглянулась на них, ревниво наблюдая. Дара отстранилась от Милоша, но дальше они всё равно пошли плечом к плечу.

– Все смотрят.

– Не притворяйся такой скромницей, тебе не идёт, – рука чародея скользнула на её талию.

Горица и Ежи ступали впереди, а рядом с ними Весняна, наряженная как на большой праздник: в ушах у неё сверкали подаренные Милошем серьги, на голове новый дорогой платок, купленный им же. Даре он подарков не дарил.

Улица Королевских мастеров свернула на Звериную тропу. От яркого света и гомона голосов у Дары закружилась голова. Куда ни глянь, повсюду были люди. Точно речной поток, толпа текла с запада на восток к Рассветному Храму. От храма через ворота народ вели уже Пресветлые Братья во главе с Пресветлым Отцом, они направлялись к берегу Модры, чтобы встретить рассвет и проститься с Долгой ночью, прогнать Аберу-Окиа, когда наступит конец её власти.

Повсюду встречались Охотники. В Долгую ночь они с особым усердием следили за порядком и за тем, чтобы навьи духи не навредили добрым людям.

Дара догнала сестру и пошла позади Горицы. Именно кухарка настояла, чтобы Весняна и Дарина отправились с ней на рассветный ход. Соседи шептались между собой о ратиславках, поселившихся у Стжежимира, и если Веся вызвала меньше подозрений, доброжелательно общалась с местными кумушками и исправно ходила в храм, то появление новой ученицы целителя не на шутку встревожило всех. Видано ли, чтобы женщина занималась лекарским делом? Не иначе, она знахарка, а то и вовсе ведьма.

В Совине на Ночь костров всё было иначе, чем в родном Заречье, и в то же время похоже. Так же пели песни, так же угощали всех сладостями и яствами, так же улыбались радостно, только не скрывали лица и не плясали, а молились Создателю и поздравляли друг друга с тем, что ночи отныне станут короче и зима пойдёт на убыль.

Пахло воском. Тысячи огоньков, тысячи свечей, тысячи людей на улицах Совина.

Со всех концов лилась песня. Дара смотрела по сторонам в волнении и с пугающим трепетом. В храмах обычно пели дети и женщины чистыми, точно звон серебряного колокольчика, голосами, но в эту ночь на улицах города пели все, и пусть голоса их по отдельности были хрипылыми от мороза, грубыми или писклявыми, тонкими или низкими, но все вместе они сливались в чудесную песню, которая заставляла сердце сжиматься от щемящей тоски. Она несла свет, тепло и радость. В едином порыве люди славили Создателя. Дара видела, как шевелились губы Милоша, слышала, как старательно пел Ежи, как вторила ему Веся. Дара и сама была бы рада присоединиться, но слов она не знала, да и Создателю не поклонялась.

Шевеля для вида губами, Дара сжала руку сестры и тихо пискнула от боли, когда пришлось пересечь городские ворота, но, к счастью, никто этого не заметил. Люди вокруг погрузились в молитву, и каждый думал о своём.

Вместе с остальными горожанами они вышли к берегу Модры. Реку сковал лёд, и земля на востоке казалась бесконечной снежной равниной.

Дара отдышалась, приходя в себя, и выпустила руку Веси. Рядом снова оказался Милош.

– Сейчас каждый будет подходить к Пресветлым Братьям, чтобы попросить благословения, – прошептал он.

– Каждый? – оглядывая бесконечную вереницу людей, не поверила Дара.

– Как раз до рассвета и затянется.

Мимо протолкалась лоточница, торговавшая пряниками, и Дара невольно отвлеклась на неё, втягивая носом запахи свежей выпечки. Ежи купил несколько для себя, Горицы и Веси. Все втроём они принялись жевать, довольно улыбаясь.

Дара обернулась, чтобы увидеть, какое хитрое выражение приобрело лицо Милоша.

– Что ты задумал? – не сдержала она улыбки.

– Мне скучно. – Он взял её за руку, потянул в сторону.

Сестра снова оглянулась. Она выглядела встревоженной и, верно, пыталась подслушать их разговор, но вокруг было слишком шумно. Когда Веса так смотрела, когда искала подтверждение своим подозрениям, Даре хотелось назло поцеловать Милоша прямо у неё на глазах.

– Идём, – Милош переплёл их пальцы.

Противиться ему было невозможно.

– Пошли, я обещаю, что будет весело. И тепло, – прошептал он, шипя по-рдзенски, что почему-то только у него выходило так соблазнительно и нежно.

– Горица заметит.

– Ей нет до нас дела.

А Веса заметила. Догадалась ли? Даре хотелось бы увидеть теперь её лицо, когда они вместе с Милошем скрылись в толпе.

Юноша уводил Дару глубже в предместья, дальше, к покосившимся деревянным домам у самой реки.

Здание было высоким, почерневшим от старости. Ставни оказались наглухо закрыты, но внутри горел огонь – от двух печных труб поднимался дым.

– Что это за место? – спросила Дара, но ей не ответили.

Милош постучал, и старческий мужской голос с той стороны проскрежетал:

– Кто там?

– Милош.

Им открыл мрачный, осунувшийся старик. Внутри было темно, пахло резко табаком и сладкими душистыми травами, но из-за приоткрытой двери в конце длинного коридора сиял приглушённый свет. Дара попыталась разглядеть что-либо через щель, но увидела лишь длинные тени, бродившие по стенам. Непривычно пахло едким горьковатым дымом. Дара принюхалась, пытаясь разобраться, что это было, но её уже повели наверх по скрипучей лестнице.

Девушка крепче сжала руку Милоша, тепло его ладони приносило успокоение.

В маленькой клетке было душно от растопленной печи. Свечи не горели. Милош распахнул ставни. На берегу реки так ярко пылал огонь, что даже в далёком доме на краю города посветлело и стало возможным разглядеть громоздкий деревянный стол и большую застеленную кровать.

– Что это за место? – повторила Дара.

– Не бойся, – Милош провёл пальцами по её щеке. – Это, скажем так, моё тайное убежище. Здесь нас никто не потревожит.

Он сел на кровать, стянул сапоги и начал раздеваться. Дара осматривала комнату, всё ещё плохо понимая, куда попала.

– Откуда ты узнал об этом доме? И кто эти люди внизу?

Снова она не получила ответа.

– Я хочу летать, – сказал Милош, не обращая внимания на её вопросы. – Здесь, за городом, где нет никаких границ и стен. – Лицо его засияло от широкой улыбки. – Ты со мной?

За окном торжественно пели хвалебную песню Петру Святителю, принёсшему слово Создателя на рдзенскую землю. За окном гнали прочь тварей Нави и не знали, как они были на самом деле близко.

Милош и Дара обращались пару раз за минувший месяц, вместе кружили над Совиной башней, но больше не спускались к её развалинам. Летать в городе было что купаться в лягушатнике среди малых детей. Дару манило небо, манило обещание безграничной свободы, как тогда, в ночь её обращения, но в Совине всё же было спокойно и безопасно, через городские стены не мог проникнуть Хозяин леса, и Дара отчасти радовалась своей клетке.

Милош заметил её смятение не сразу, а когда уже стянул рубаху.

– Что с тобой? Дар, давай полетай со мной, – попросил Милош умоляюще. Он уже был обнажён, и первые перья прорезались сквозь кожу на груди.

Дара принялась медленно и неохотно расстёгивать застёжки своей накидки. Теперь она тоже хранила вороново перо на шее.

Руки Дары окостенели. Она едва справилась с собственной одеждой, сложила её на кровать. Милош уже сидел на подоконнике в обличье сокола. Дара знала, что ему не терпелось взлететь, но он ждал её.

Вместе они воспарили над городом. Как странно это выглядело со стороны: сокол и ворон, два хищника, два врага, которым нет места рядом. Верно, это могло заставить кого-нибудь заподозрить неладное, но люди на берегу любовались огоньками свечей вокруг, их слишком пугали чёрные небеса, затянутые тучами до самых краёв.

Предмесья Совина пронеслись под крыльями, исчезли позади, растворяясь в ночи. Стихла песня, проглоченная ночной тишиной, и внизу загорелись другие огни: вдали от столицы, там, где Охотники бывали редко, бродили духи, золотые души их сияли ярче свечей, обжигали горячее печного огня. Духи тоже чувствовали оборотней, запрокидывали головы вверх и провожали, безмолвно глядя вслед.

Сокол и ворон пролетели к тёмным лесам, к пустынным заснеженным полям, к безграничной воле, что дарует небо, и после, убегая от наступающего рассвета, вернулись обратно в клетку.

После обращения тело горело и ломалось. Мир казался новым и чужим, и всё в нём было шатким, всё кружилось в пляске. Навь поглотила Явь в Долгую ночь, Тень-сестра цеплялась когтями за небеса, пытаясь остановить ход времени. Духи стали живее людей, и только молитвы держали их в стороне. Или нет? Не духи ли бродили тенями по улицам, не они ли задували свечи в руках верующих? Все грани стёрлись, и всё размылось. Дара крепко прижималась к Милошу, потому что он один был настоящим на всём свете в эту ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.